

DIXI
2012

**ИДЕИ
ГИПОТЕЗЫ
ОТКРЫТИЯ
В СОЦИАЛЬНО-
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ**

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Хабаровская государственная академия экономики и права»

**DIXI – 2012:
ИДЕИ, ГИПОТЕЗЫ, ОТКРЫТИЯ
В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ**

Сборник научных трудов

Выпуск 3

Хабаровск 2012

ББК Ч 48

Х 12

DXI – 2012 : идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях : сборник научных трудов : выпуск 3 / под науч. ред. д-ра социолог. наук А. Ю. Завалишина. – Хабаровск : РИЦ ХГАЭП, 2012. – 208 с.

ISBN 978-5-7823-0576-5

Коллектив авторов:

Бакшеева Елена Борисовна, канд. ист. наук,
Гончарова Светлана Владимировна, канд. ист. наук,
Завалишин Андрей Юрьевич, д-р социолог. наук,
Карабанова Светлана Фёдоровна, канд. историч. наук,
Конобеев Геннадий Михайлович, канд. филос. наук,
Коноплева Нина Алексеевна, канд. культурологии,
Костюрина Надежда Юрьевна, д-р культурологии,
Маликова Анна Викторовна, аспирант
Попов Владимир Георгиевич, канд. ист. наук
Потапчук Елена Юрьевна, канд. культурологии,
Потапчук Владимир Иосифович, канд. филос. наук,
Ревич Илья Михайлович, д-р филос. наук,
Скрабневская Елена Серафимовна, канд. ист. наук,
Смоляков Владимир Александрович, д-р полит. наук,
Тесля Андрей Александрович, канд. филос. наук,
Тонконог Светлана Владимировна, аспирант,
Фёдорова Валентина Руфовна, канд. психол. наук
Юдина Вера Ивановна, канд. искусствоведения

Рецензенты: кафедра социологии, политологии и регионоведения
ФГБОУ ВПО «Тихоокеанский государственный университет»

С. В. Бобышев, д-р ист. наук, профессор кафедры теории и истории государства
и права ФГБОУ ВПО «Дальневосточный государственный университет
путей сообщения»

Сборник научных статей включает результаты научных изысканий, сделанных преподавателями дисциплин социально-гуманитарного цикла и аспирантами вузов Владивостока, Комсомольска-на-Амуре, Орла и Хабаровска в области истории, философии, культурологии, социологии, политологии и психологии. Предназначен для учёных, преподавателей вузов и колледжей, аспирантов, студентов высших учебных заведений, интересующихся социальными и гуманитарными проблемами современного общества.

ISBN 978-5-7823-0576-5

© Коллектив авторов, 2012

©Хабаровская государственная академия экономики и права, 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

(от редактора)

Сборник научных трудов «DIXI – 2012» продолжает серию сборников DIXI¹, составленных из статей, написанных исследователями, работающими в системе высшего образования, научные интересы которых охватывают самый широкий спектр социально-гуманитарного знания. Сборник включает статьи по истории России и, в том числе, истории её Дальнего Востока, философии, культурологии, социологии, политологии и психологии. Предназначен для учёных, преподавателей вузов и колледжей, аспирантов, студентов высших учебных заведений, интересующихся социальными и гуманитарными проблемами современного общества.

Первую часть сборника открывает статья кандидата исторических наук, доцента ФГБОУ ВПО «Хабаровская государственная академия экономики и права», **Елены Борисовны Бакшеевой** «*Политика Совета по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР в 1943 – 1965 гг.: её особенности и проявления на Дальнем Востоке РСФСР*», в которой она продолжает разработку ранее начатой темы анализа государственно-церковных отношений на Дальнем Востоке и РСФСР в целом². Данная статья акцентирует внимание на событиях, предшествовавших объединению двух формально независимых государственных структур, контролировавших религиозную деятельность в СССР: Совета по делам Русской православной церкви и Совета по делам религиозных культов, действовавших при союзном правительстве, соответственно, с 1943 и 1944 гг., в единый Совет по делам религий при Совете Министров СССР, образованный в 1965 г. Автор делает вывод, что одним из следствий отказа от хрущёвской утопии построения коммунизма стало признание лидерами страны необходимости сохранения религиозной политики государства, а также права на существование религиозных организаций.

¹ См.: DIXI – 2010: идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях: сб. науч. трудов / под науч. ред. канд. ист. наук А. Ю. Завалишина. Хабаровск, 2010; DIXI – 2011: идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях: сб. науч. трудов / под науч. ред. д-ра социолог. наук А. Ю. Завалишина. Хабаровск, 2011.

² См.: Бакшеева Е. Б. Русская православная церковь на Дальнем Востоке РСФСР: история взаимоотношений с государством и обществом (1946 – 1951 гг.) // DIXI – 2010... С. 7 – 25; Она же. Русская православная церковь в 1954 – 1958 гг.: внутрицерковная жизнь, взаимоотношения с государством и обществом (на примере Дальнего Востока РСФСР) // DIXI – 2011... С. 7 – 17.

Владимир Георгиевич Попов, кандидат исторических наук, доцент, главный научный консультант НСИМИ (г. Хабаровск), краевед, в статье «*О дате основания Хабаровска (историческая дискуссия)*» на основании обнаруженных им архивных документов описывает исторические события, связанные с принятием решения об основании Хабаровска генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьёвым, и приводит доказательства того, что в действительности днём рождения г. Хабаровска является 3 (15) июня 1858 г.

Тот же автор в статье «*Русские и маньчжуры на Амуре: неизвестные факты из истории подписания и ратификации Пекинского договора*» на основе документов, обнаруженных им в Государственном архиве Читинской области (ГАЧО) описывает события, связанные с подписанием и ратификацией Пекинского (дополнительного) договора 1860 г. и доказывает, что Айгунский договор, юбилейная дата которого широко отмечалась в г. Хабаровске, в действительности, юридически не существует и является только протоколом о намерениях, не вступившим в силу в строгом соответствии с существовавшими в XIX веке дипломатическими процедурами. По мнению автора, это один из мифов истории.

Елена Серафимовна Скрабневская, кандидат исторических наук, доцент ФГБОУ ВПО «Хабаровская государственная академия экономики и права», в статье «*Хабаровское самоуправление: от старост до городских дум*» анализирует опыт организации общественного самоуправления в императорской России XIX – начала XX веков, которое, по её мнению, смогло стать существенным фактором формирования гражданского общества в условиях самодержавного режима. В статье раскрываются некоторые аспекты организации и деятельности органов общественного управления на примере города Хабаровска.

Вторая часть сборника открывается статьёй **Светланы Владимировны Гончаровой**, кандидата исторических наук, доцента ФГБОУ ВПО «Хабаровская государственная академия экономики и права», «*“Будущее – это мы...” или рассуждения студентов о будущем*», в которой автор приводит и анализирует эссе по философии, выполненные студентами ХГАЭП на тему: «Реальность будущего».

Геннадий Михайлович Конобеев, кандидат философских наук, доцент ФГБОУ ВПО «Хабаровская государственная академия экономики и права», в статье «*Философия в эпоху глобализации и кризиса*» эксплицирует три основных препятствия на пути реализации человеком и человечеством возможностей духовного роста и формирования новой философской культуры: невежество, лень и «зашлакованность» (загрязнённость) на всех уровнях целостного физико-

психо-духовного организма. Анализ этих препятствий, по мнению автора, даст ответ на поставленный в его статье вопрос: как превратить философию в ответственное духовное орудие разрешения назревших глобальных проблем современности.

Елена Юрьевна Потапчук, кандидат культурологии, доцент ФГБОУ ВПО «Тихоокеанский государственный университет», и **Владимир Иосифович Потапчук**, кандидат философских наук, доцент того же университета, в совместной статье «*Модернизация как социокультурная метафора: проблемы понимания*» анализируют концепт «модернизация» в контексте российской и американской научных традиций. По мнению авторов, препятствиями для осуществления декларируемой в современной России модернизации являются три иллюзии в её отношении: 1) что модернизация предполагает лишь активное и повсеместное внедрение технологических и иных инноваций, т.е. может быть частичной и не затрагивать ментальный уровень социума; 2) что модернизация не затронет этническую самобытность россиян; 3) что модернизация может обойтись без глубинного изменения ценностно-нормативного комплекса культуры.

Илья Михайлович Ревич, доктор философских наук, профессор ФГБОУ ВПО «Хабаровская государственная академия экономики и права», в статье «*Культура как мишень контрреволюции*» рассматривает переход к тоталитаризму (гитлеровскому и сталинскому) как контрреволюционную реакцию на формирование, в первом случае, надклассовой, а во втором – наднациональной европейской идентичности. По мнению учёного, в отличие от культуры тоталитаризма (классовой или национальной), европейская иудео-христианская культура в условиях современного секулярного мира может стать средством спасения всего человечества в силу того, что она обладает тенденцией не партикулярного, а универсального поддержания священного: ценности человеческой жизни.

Андрей Александрович Тесля, кандидат философских наук, доцент ФГБОУ ВПО «Тихоокеанский государственный университет», в статье «*Остзейский вопрос в переписке Ю. Ф. Самарина 1846 – 1848 гг.*» рассматривает эволюцию взглядов известного русского публициста и философа XIX века, Ю. Ф. Самарина на остзейский вопрос, нашедшую отражение в его переписке 1846 – 1848 гг. в период работы в Комитете об устройстве быта лифляндских крестьян. Автор анализирует динамику взглядов Ю. Ф. Самарина от ставки на правительство в разработке и реализации реформ к признанию необходимости опоры на обще-

ственное мнение и целенаправленное формирование последнего. Это позволяет понять генезис идей и цели написания его знаменитых "Писем из Риги" (1848).

Третью часть сборника открывает статья **Нины Алексеевны Коноплёвой**, кандидата культурологии, доцента ФГБОУ ВПО «Владивостокский государственный университет экономики и сервиса», и **Светланы Фёдоровны Карабановой**, кандидата исторических наук, профессора того же университета, «*Опыт анализа творческой личности методом культурной типологизации*», в которой осуществлена попытка анализа творческой личности методом культурной типологизации. Объектом культурологического анализа учёных стали, возможно, самые известные в России деятели хореографического искусства, творившие на рубеже XIX – XX веков: Анна Павлова, Матильда Кшесинская, Михаил Фокин и Вацлав Нижинский.

Надежда Юрьевна Костюрина, доктор культурологии, профессор ФГБОУ ВПО «Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет», в статье «*Молодёжной субкультуры больше нет, или Особенности современного социокультурного пространства г. Комсомольска-на-Амуре*» рассматривает специфику социализации молодёжи в современной культуре, в том числе, в культуре провинциального города; обосновывает тезис о трансформации молодёжной субкультуры, как протестной по отношению к базовой культуре, в молодёжную моду; даёт характеристику состоянию "ядра культуры", обозначает основные аксиологические установки современной молодёжи.

Андрей Юрьевич Завалишин, доктор социологических наук, доцент ФГБОУ ВПО «Хабаровская государственная академия экономики и права», в эссе «*Бедная субкультура (мнение социолога)*» анализирует базовые положения статьи Н. Ю. Костюриной с теоретико-методологических позиций социологии. По мнению автора, её утверждение об исчезновении феномена молодёжной субкультуры, хотя, и оригинально, но далеко не бесспорно, кроме того, оно нуждается в эмпирической верификации. Для получения более релевантных результатов исследования молодёжной субкультуры современной России, как утверждает А. Ю. Завалишин, необходимо выйти на междисциплинарный уровень. Это позволит привести более веские основания для доказательства такого, пока, априорного заявления, либо опровергнуть его.

Анна Викторовна Маликова, аспирант ФГБОУ ВПО «Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет», в статье «*Аксиологический аспект восприятия пространства в субкультуре старообрядцев Хабаровского края*» на основе материалов, собранных ею в 2010 г. в Солнечном районе Хаба-

ровского края (сс. Гусевка, Тавлинка), определяет ценностные смыслы в восприятии пространства носителями субкультуры старообрядцев Хабаровского края.

Вера Ивановна Юдина, кандидат искусствоведения, доцент ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет», в статье *«Метаморфозы эпистолярного жанра в русской культуре конца XIX – начала XX веков»* анализирует эпистолярное наследие русских музыкантов, творчество которых пришлось на конец XIX – начало XX веков. Расцвет эпистолярного жанра в русском искусстве этого периода и его новые художественные формы, по её мнению, служат отражением новых веяний в духовной сфере Российской культуры в целом.

Четвёртую часть сборника открывает статья **Андрея Юрьевича Завалишина**, доктора социологических наук, доцента ФГБОУ ВПО «Хабаровская государственная академия экономики и права», *«Социальное меньшинство: объективация через дискурс»*, в которой автор проводит теоретико-методологический анализ понятия «социальное меньшинство». По его мнению, социальное меньшинство (этническое, конфессиональное и т.д.) определяется не экзистенциальными признаками составляющих его индивидов, а тем дискурсом, который складывается в обществе в их отношении. Отсюда следует вывод о социально сконструированной природе социального меньшинства и возможности влияния на него политическими и социокультурными средствами.

Владимир Александрович Смоляков, доктор политических наук, профессор ФГБОУ ВПО «Хабаровская государственная академия экономики и права», в статье *«Азиатско-Тихоокеанский регион: АТЭС или ТТП? (альтернативные пути экономической интеграции)»* анализирует проблемы регионализации в АТР; даёт политологическую оценку и сравнивает две формы региональной интеграции: Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС) и Транс-Тихоокеанское партнёрство (ТТП); показывает место Российской Федерации в этом процессе.

Светлана Владимировна Тонконог, старший преподаватель, аспирант ФГБОУ ВПО «Хабаровская государственная академия экономики и права», в статье *«Занятость населения: экономический и социологический подходы к исследованию»* проводит теоретико-методологический анализ категории «занятость», делает вывод о необходимости комплексного исследования занятости населения с междисциплинарных позиций. При этом основной упор, по её мнению, нужно сделать на социологическом подходе, поскольку он позволяет рассматривать данную проблему с учётом интересов как общества, так и человека – субъекта отношений занятости.

Валентина Руфовна Фёдорова, кандидат психологических наук, доцент ФГБОУ ВПО «Хабаровская государственная академия экономики и права», в статье *«Критика как форма обратной связи»* акцентирует внимание на такой стороне интерсубъективного взаимодействия, как обратная связь, наиболее полно реализующаяся в критике. По мнению автора, практика критических взаимодействий в России далека от идеала, она нарушает и без того её проблемное существование, часто вызывает/приближает негативные последствия в общении/управлении.

*Часть 1**История**Е. Б. Бакшеева***ПОЛИТИКА СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ
ЦЕРКВИ ПРИ СНК (СМ) СССР В 1943 – 1965 гг.: ЕЁ ОСОБЕННОСТИ
И ПРОЯВЛЕНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РСФСР**

В целях последовательного осуществления вероисповедной политики государства в декабре 1965 г. был создан Совет по делам религий при Совете Министров СССР (Постановление Совета Министров СССР от 8 декабря 1965 г. № 1043¹). К главным задачам этого органа государственного управления были отнесены: контроль за соблюдением Конституции СССР 1936 г. и Декрета СНК от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», правильным применением и исполнением законодательных и нормативных актов по вопросам, относившимся к религии; изучение и обобщение практики применения законодательства о религиозных культах, разработка проектов законодательных актов Совета Министров СССР по вопросам религий; информирование союзного правительства о деятельности религиозных организаций, а также содействие им в осуществлении международных связей, участии в борьбе за мир, укреплении дружбы между народами.

Совет, в соответствии с возложенными на него задачами, был призван:

- следить за обеспечением права граждан исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, исполнять религиозные обряды или вести антирелигиозную пропаганду;
- осуществлять контроль за соблюдением законодательства о культах религиозными организациями и служителями культов;
- осуществлять связь между правительством и религиозными организациями в случае возникновения вопросов, требовавших разрешения правительства СССР;
- вести учёт религиозных объединений, молитвенных домов и зданий;

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 1. Л. 13.

- рассматривать и решать в пределах своей компетенции вопросы, связанные с деятельностью религиозных организаций в СССР;
- проверять правильность применения центральными и местными организациями, должностными лицами законодательства о религиозных культурах;
- давать заключения по проектам законодательных актов союзных республик по вопросам, касавшимся религии;
- получать от министерств, ведомств и иных организаций, от местных советских органов сведения и материалы по курируемым направлениям¹.

В структуре Совета по делам религий при Совете Министров СССР действовали отделы по делам православных церквей, мусульманской и буддийской религий, католической, протестантской, армянской церквей, иудейской религии и сект².

Новый орган был образован на основе Совета по делам Русской православной церкви (далее – Совета) и Совета по делам религиозных культов, действовавших при союзном правительстве, соответственно, с 1943 и 1944 гг³. Существование двух Советов постоянно вызывало у духовенства и верующих сомнения в одинаковом положении различных религий в советском обществе. Данный факт заставлял усомниться и в их равенстве перед законом. Официальные лица, граждане, приезжавшие в СССР, также недоумевали, почему существовали два органа, дублировавшие функции друг друга. Данную точку зрения разделял глава Русской православной церкви патриарх Алексей I (Симанский), а также председатель Совета Г. Г. Карпов. Кроме политической подоплёки существовало и экономическое обоснование объединения двух структур: оно позволяло сократить административный аппарат до 30%⁴.

Уверенность в целесообразности и необходимости объединения появилась в ходе осуществления политики государства в религиозном вопросе. Идея объединения опиралась на уже имевшийся отечественный опыт. Так, на основании манифеста императора Александра I от 25 июля 1810 г. было создано Главное

¹ Положение о Совете по делам религий при Совете Министров СССР, утвержденное постановлением Совета Министров СССР от 10 мая 1966 г. № 361 // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 1. Л. 13.

² Постановление Совета Министров СССР от 17 марта 1966 г. № 203 «О структуре и штатах центрального аппарата Совета по делам религий при Совете Министров СССР» // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 1. Л. 5 – 6.

³ Постановление Совета Министров СССР от 8 декабря 1965 г. № 1043 «О преобразовании Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР и Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР в Совет по делам религий при Совете Министров СССР» // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 1. Л. 1.

⁴ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 16. Д. 669. Л. 7.

управление духовных дел разных (иностранных) исповеданий, которое возглавлял обер-прокурор Святейшего Синода. В ведении Управления находились вопросы строительства и упразднения церквей, контроля над состоянием имений и капиталов, надзора за католическими духовными семинариями и монастырями, представления на рассмотрение императора кандидатов на епископские кафедры и др.

На основании указа императора Александра I от 24 мая 1817 г. было образовано Министерство духовных дел и народного просвещения, в которое вошли Святейший Синод и Главное управление духовных дел иностранных исповеданий, что вызвало крайне негативную реакцию со стороны православного духовенства¹. Разочаровавшись в деятельности этого громоздкого ведомства, а также учитывая недовольство священнослужителей, 15 мая 1824 г. Александр I принял указ об упразднении министерства. С функциями самостоятельных ведомств были созданы Министерство народного просвещения и Главное управление духовными делами иностранных исповеданий, преобразованное в 1832 г. в Департамент духовных дел иностранных исповеданий, вошедший в структуру Министерства внутренних дел². Департамент осуществлял контроль за инославными вероисповеданиями (христианскими церквями, кроме православной) и иноверными (мусульманами, буддистами, иудеями и др.). Вопросами православной церкви занималась канцелярия обер-прокурора Святейшего Синода.

После Февральской революции постановлением Временного правительства от 5 августа 1917 г. было учреждено Министерство исповеданий в составе двух департаментов: по делам православной церкви и по делам инославных и иноверных исповеданий, просуществовавшее до 25 октября 1917 г.³. В марте и июле, соответственно, вышли законодательные акты «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» и «О свободе совести», предоставившие гражданам подлинную свободу вероисповеданий. Данное новшество в законодательстве заложило основы для дальнейших преобразований сферы государственно-церковных отношений: Таким образом, идея объединения, инициатором которой во второй половине 1940-х гг. выступил Совет по делам Русской православной церкви⁴, имела исторические корни. Как и ранее, она отвечала требованиям времени.

¹ Хрестоматия по отечественной истории с древнейших времен до наших дней. М., 1999. С. 236.

² URL : <http://www.pravenc.ru/text/171721.html> (дата обращения 06.05.2012).

³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 642. Л. 172 – 174.

⁴ Организован Постановлением СНК СССР от 14 сентября 1943 г. № 993 // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 80. Л. 80.

Однако, как отмечалось выше, вопрос решился только в декабре 1965 г. Длительность его рассмотрения объяснялась внутривластными и внешнеполитическими особенностями существования страны, а также значением, которое придавалось деятельности Совета. Так, Совет был призван заниматься «наблюдением за правильным и своевременным проведением законов и постановлений правительства СССР, относящихся к православной церкви», «предварительным рассмотрением вопросов, возбуждаемых патриархом и требовавших разрешения Правительства СССР, разработкой проектов законодательных актов по вопросам Церкви, инструкций и других указаний по их применению и внесением на рассмотрение Совнаркома». Важной составляющей его работы стало «своевременное информирование» правительства о положении Церкви в стране, общий учёт культовых зданий и составление статистических сводок¹. Выполнение названных задач предопределило особое место Совета в иерархии советских госучреждений. Данный факт подтверждает и то, что его работу курировали председатель СНК СССР И. В. Сталин, нарком иностранных дел В. М. Молотов. С весны 1946 г. «наблюдение» за работой Совета было поручено заместителю председателя СНК К. Е. Ворошилову².

В 1943 г. руководство Совета получило ряд указаний по вопросам своей деятельности, в которых были чётко расставлены политические акценты. Во-первых, Совет не имел права самостоятельного принятия решений «по вопросам православной церкви», а обо всём докладывал правительству и выполнял его указания. Во-вторых, не мог *прямо* [здесь и далее курсив автора. – Е. Б.] вмешиваться в административную, каноническую и догматическую жизнь Русской православной церкви, напротив, *подчеркивал её самостоятельность*. В-третьих, следовало установить такие отношения с патриархом, чтобы *не давать повода* рассматривать председателя Совета как обер-прокурора, а также выбрать формы общения (встречи, приёмы), которые могли быть использованы для *соответствующего* влияния. В-четвёртых, чтобы не *испортить* отношений с Московской патриархией, Совет не мог «смотреть в карман Церкви и духовенства». В-пятых, при рассмотрении заявлений групп верующих об открытии культовых

¹ Положение о Совете по делам Русской православной церкви при СНК СССР, утвержденное Постановлением Правительства СССР от 7 октября 1943 г. № 1095 // Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. Р-26. Оп. 22. Д. 124. Л. 6 – 8.

² Постановление Совета Министров СССР «О распределении обязанностей в Совете Министров СССР между Председателем и Заместителями Председателя Совета Министров по наблюдению за работой министерств, комитетов и главных управлений». 28 марта 1946 г. // Политбюро ЦК ВКП (б) и Совет Министров СССР. 1945 – 1953. М., 2002. С. 30 – 31.

зданий следовало «регулировать, но не зажимать». В-шестых, обеспечить условия для того, чтобы епископат стал *полновластным* хозяином епархии и мог распоряжаться церковными суммами. В-седьмых, «не делать препятствий» к организации семинарий, свечных заводов и др.¹.

Совет, кроме полученных указаний, руководствовался положениями Декрета СНК от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» и Постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. Кроме того, в годы Великой Отечественной войны правительством были приняты новые законодательные акты. Так, на основании Постановления СНК СССР от 22 августа 1945 г. Церковь получила ограниченные права юридического лица, позволявшие церковным органам (в том числе приходам) арендовать, строить и приобретать в собственность дома для своих нужд, транспортные средства, производить и продавать верующим предметы религиозного культа. Для осуществления этих функций было разрешено открывать финансовые счета, заключать сделки и осуществлять наём работников.

Новые государственные узаконения находились в противоречии с законодательством в области религии, не предусматривавшим предоставления Церкви права юридического лица, но их действие было приостановлено². В результате функцию «наблюдения за *правильным* проведением законов и постановлений Правительства СССР, относящихся к православной церкви», осуществить в полной мере было невозможно. Данное обстоятельство заставляло руководство Совета обращаться в высшие инстанции с предложением принять закон союзного значения, призванный регулировать государственно-церковные отношения в новых исторических условиях. Однако инициативы не получили одобрения руководства страны³. Предложения будут реализованы только в 1990 г. с изданием Закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях». Поскольку пересмотра действовавшего законодательства о религии и Церкви в 1940-е гг. не проводилось, Совету приходилось руководствоваться документами, не действовавшими, как отмечалось, по ряду основных положений.

Кроме того, при рассмотрении вопросов, связанных с православной церковью, небольшие вопросы Совет был вынужден решать самостоятельно, без со-

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 669. Л. 3 – 5.

² Горанский А. О., Мандрик С. В. Подготовка и осуществление реформы приходского управления 1961 г. в Белоруссии // Вестник церковной истории. 2003. № 3. (11). С. 127.

³ Чумаченко Т. А. Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР. 1943 – 1965 гг. Автореф. ... д-ра ист. наук. М., 2011. С. 28.

гласования с правительством или ЦК КПСС. Такая практика работы, усложнение функций, нарабатанный с годами опыт объективно требовали расширения прав Совета, позволявших согласовывать с правительством только наиболее принципиальные вопросы, а также самостоятельно принимать положительные решения в ответ на наиболее настойчивые ходатайства больших групп верующих в обход позиции представителей органов местной власти¹.

Следует отметить, что согласно Постановлению СНК СССР от 28 ноября 1943 г. № 1325 «О порядке открытия церквей» право принимать решения об удовлетворении или отклонении ходатайств верующих получили Советы Министров автономных республик, областные и краевые исполнительные комитеты Советов депутатов трудящихся². Отклонённые ими ходатайства Совет пересмотру не подвергал. Материалы с заключениями направлялись в Москву только в тех случаях, когда местные органы власти принимали решения об открытии культовых зданий. Совет мог отклонить или поддержать их позицию, а при положительном решении – представить на одобрение Правительства СССР³.

Однако в послевоенные годы постепенно стала набирать силу тенденция ограничения влияния православной церкви, что осложнило, а затем сделало невозможным открытие новых культовых зданий. Представители местных партийных и советских органов под разными предлогами принимали меры для сокращения количества церквей и молитвенных домов. Данная политическая линия формировалась постепенно. С 1943 по 1948 г. включительно на основе заключений местных органов власти по представлению Совета правительство дало разрешение на открытие 1270 культовых зданий, в том числе в 1944 г. – 207, в 1945 г. – 509, в 1946 г. – 369, в 1947 г. – 185⁴. Как свидетельствует статистика, с 1946 г. в Совет стало поступать меньше заключений об открытии культовых зданий, а со второй половины 1948 г. представители органов местной власти стали отказывать всем заявителям⁵. Причина заключалась в общем ужесточении церковной политики государства, которая во многом была вызвана ослаблением внешнеполитического значения Русской православной церкви в условиях нарастающей глобальной конфронтации между СССР и США. Также это было связано

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 669. Л. 2.

² Инструкция Совета для уполномоченных от 5 февраля 1944 г. // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 6 а. Л. 1, 1об.

³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. П-17. Оп. 132. Д. 6. Л. 84.

⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 669. Л. 8.

⁵ РГАСПИ Ф. 17. Оп. 132. Д. 7. Л. 6.

с провалом идеи создания всемирного антипапского движения христианских церквей под эгидой Московской патриархии и утверждением в Восточной Европе режимов «народной демократии», сделавших излишней просоветскую миссию Церкви в этом регионе¹. Всё большее недовольство властей вызывал рост влияния Русской православной церкви на советских граждан, проявившегося, например, в участии коммунистов и комсомольцев в религиозных обрядах.

В результате в 1948 г. по представлению Совета правительство дало разрешение на деятельность 27 культовых зданий², в том числе был открыт молитвенный дом в пос. Высокое г. Куйбышевка-Восточная Амурской области³. Однако с марта 1948 г. ни одно ходатайство верующих не было удовлетворено⁴. Так, 18 марта Совет вынес последнее, позднее отменённое правительством, постановление об утверждении принятых местными органами власти решений об открытии 18 церквей и 10 молитвенных домов⁵. Дальнейшие предложения Совета о положительном решении вопросов об открытии культовых зданий оставались без рассмотрения⁶.

При этом документы свидетельствуют о том, что молитвенный дом в пос. Магдагачи Тыгдинского района Амурской области начал действовать в соответствии с постановлением Совета, принятым в июне 1948 г.⁷. Совет, на наш взгляд, таким образом, проводил свою политическую линию в отношении территорий, где было очень мало культовых зданий. Так, в результате открытия двух молитвенных домов к 1 января 1949 г. на Дальнем Востоке действовало 11 культовых зданий: 5 – в Приморском крае, 2 – в Хабаровском крае, 4 – в Амурской области. Однако в целом политика «непрепятствования» росту численности православных храмов в 1948 г. была свёрнута. Её следствием явилось то, что некоторые группы верующих, потеряв надежду на открытие культовых зданий законным путем, стали самовольно занимать пустовавшие храмы⁸. В стране увеличилось количество нелегально действовавших молитвенных домов. По дан-

¹ Логинов А. В. Власть и вера: государство и религиозные институты в истории и современности. М., 2005. С. 332.

² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 669. Л. 8.

³ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1207. Л. 134.

⁴ РГАСПИ. Ф. П-17. Оп. 132. Д. 285. Л. 168.

⁵ Русская православная церковь. XX век. К 1020-летию крещения Руси / Беглов А. Л., Васильева О. Ю., Журавский А. В. и др. М., 2008. С. 402.

⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 669. Л. 8, 9.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1207. Л. 134.

⁸ РГАСПИ. Ф. П-17. Оп. 132. Д. 497. Л. 116.

ным Совета, к 1948 г. их число в центральных областях России доходило до 200 – 300 в каждой, что было в 2 – 3 раза больше зарегистрированных¹. Зная о данной статистике, правительство не изменило курса на ограничение деятельности Церкви. Спокойная реакция верующих (а в 1949 г. по сравнению с 1948 г. на 31,2 % уменьшилось количество ходатайств об открытии культовых зданий, на 22 % сократилось число жалоб на отклонение заявлений) позволила власти продолжить политику «запрещения Церкви»². Тенденция снижения количества обращений с просьбами об открытии культовых зданий сохранялась до 1954 г. (см. табл. 1).

Таблица 1 – Сведения о подаче ходатайств верующих с просьбами об открытии культовых зданий в органы власти в 1946 – 1954 годах (СССР в целом)³

1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953	1954
5002	3072	3174	2297	1143	729	818	990	1361

В русле нового курса со второй половины 1948 г. был проведён ряд мероприятий по ограничению деятельности Русской православной церкви и духовенства. Так, по рекомендации Совета Московская патриархия была вынуждена запретить проведение служб вне церковных зданий; отменить крестные ходы (кроме пасхальных), ограничить разъезды священников по населённым пунктам для отправления религиозных треб на дому у верующих. Кроме того, одному священнику было запрещено обслуживание нескольких приходов одновременно, а церкви, в которых из-за отсутствия духовенства службы не проводились в течение 6 – 12 месяцев, стали снимать с регистрации⁴.

К этому времени возобновились преследования служителей культа. В сентябре 1948 г. было принято секретное постановление ЦК ВКП (б) «О мерах по усилению антирелигиозной пропаганды». В документе говорилось, что «изменение отношения духовенства к советскому государству не может изменить реакционного существа религиозной идеологии»⁵. В результате в 1948 г. был арестован архиепископ Оренбургский Мануил (Лемешевский), митрополит Нестор

¹ Чумаченко Т. А. Правовая база государственно-церковных отношений в 1940-е – первой половине 1960-х годов: содержание, практика применения, эволюция // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2008. Вып. 24. № 15. С. 141.

² РГАСПИ. Ф. П-17. Оп. 132. Д. 285. Л. 167, 169.

³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 669. Л. 9; ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 130. Л. 13.

⁴ РГАСПИ. Ф. П-17. Оп. 132. Д. 285. Л. 169.

⁵ Религия и государство в российской цивилизации. Политика советской власти (1917 – 1991). М., 2007. С. 332.

(Анисимов), инспектор Московской духовной академии Вениамин (Милов)¹, в 1949 г. – священник молитвенного дома пос. Магдагачи Амурской области К. Сова². Преследованиям подверглись и другие духовные лица³.

В соответствии с инструктивным письмом Совета от 13 августа 1948 г. уполномоченные стали отказывать в прописке в режимных территориях, к которым относился и Дальний Восток. Теперь прописка предоставлялась духовенству только в порядке исключения⁴. Использование паспортного контроля создавало дополнительные трудности для деятельности православных приходов. Одновременно представители органов власти активизировали свою деятельность по ограничению разъездов священников в районы, где не было действовавших церквей и молитвенных домов. Данные меры использовались потому, что каждый приезд служителей культа способствовал укреплению авторитета православной церкви, материального положения приходов, а также приводил к увеличению количества ходатайств верующих об открытии церквей⁵.

Подходящим поводом для продуцирования антицерковных настроений и усиления административных мер к верующим и духовенству явилось крещение в Саратове⁶. Опасность разгрома церковной организации в конце 1940-х гг. была отодвинута только благодаря активизации деятельности Церкви в антивоенном движении⁷. В то же время изъятие у религиозных общин церковных зданий продолжилось⁸ (см. табл. 2).

Свёртывание политики «непрепятствования» росту численности православных храмов проявилось и на Дальнем Востоке. Так, в 1948 г. Приморский крайисполком принял решение о переоборудовании под кинотеатр здания быв-

¹ Отношения Русской православной церкви и государства в XX веке: курс лекций. Арзамас, 2008. С. 136.

² ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 472. Л. 20.

³ Гераськин Ю. В. Взаимоотношения Русской православной церкви, общества и власти в конце 1930-х – 1991 гг. (на материалах областей центральной России). Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2009. С. 31 – 32.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 148. Л. 42, 43.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 314. Л. 4.

⁶ Речь идёт о событиях, вошедших в историю как «Саратовская купель». В январе 1949 г. в Саратове была оборудована Иордань. В праздник Крещения после окончания обряда духовенство и большинство верующих ушли, а оставшиеся (300 чел., а по другим данным – 500) начали окуна́ться в ледяную воду. Появился фотограф, сделавший снимки. Саратовское купание ЦК ВКП(б) было расценено как пример «церковного мракобесия», явилось сигналом для целого ряда антирелигиозных статей воинствующего характера и административных мер против духовенства и верующих // См. Русская православная церковь. XX век. К 1020-летию крещения Руси / Беглов А. Л., Васильева О. Ю., Журавский А. В. и др. М., 2008. С. 415, 416.

⁷ Гераськин Ю. В. Указ. соч. С. 32.

⁸ Русская православная церковь. XX век. К 1020-летию крещения Руси... С. 402, 426.

шей церкви в г. Иман¹. Причина заключалась в том, что краевые власти не хотели «допустить переноса» религиозной деятельности в районный центр². В 1949 г. были запрещены службы в церкви г. Сучан Приморского края, под зданием которой, как выяснилось, проходила галерея шахты³. Рассматривался вопрос о прекращении деятельности материально слабого прихода на станции Лазо. Весь комплекс мероприятий, как считали представители партийных и советских органов власти, приводил к ослаблению религиозного влияния на население.

Таблица 2 – Сведения о сокращении количества культовых зданий с 1949 по 1954 гг.⁴

Территории	01.01. 1949	01.01. 1950	01.01. 1951	01.01. 1952	01.01. 1953	01.01. 1954	01.01. 1955	Уменьшение к 1954 г.
СССР	14477	14344	13912	13786	13555	13467	13422	на 1055
РСФСР	3185	3162	3061	3016	2995	2980	2922	на 263

В ситуации ограничения деятельности Церкви и закрытия культовых зданий в начале 1949 г. Г. Г. Карпов обратился в ЦК ВКП(б) с предложением об упразднении аппарата Совета на местах⁵. Первый шаг в этом направлении был сделан ещё в феврале 1947 г., когда по решению Государственной штатной комиссии были сокращены должности уполномоченных в Таджикской и Туркменской ССР, Дагестанской, Якутской, Коми АССР, Грозненской, Мурманской и Черкесской областях⁶. В 1949 г. предполагалось оставить уполномоченных только при Советах Министров Украинской и Белорусской ССР, Закарпатском и Львовском облисполкомах. Определяя, на каких территориях необходимо сохранить своих представителей, Совет руководствовался следующими соображениями. Так, в Украинской ССР имелось 9005 действующих церквей, 51 монастырь и 4 духовных учебных заведения, в Белорусской ССР – 1053 культовых здания, 3 монастыря и семинария. Должности уполномоченных при Закарпатском и Львовском облисполкомах сохранялись в связи с тем, что шёл процесс ликвидации греко-католической (униатской) церкви путем её воссоединения с Русской православной церковью. На остальных территориях функции, ранее вы-

¹ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 148. Л. 70, 83.

² ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 622. Л. 12.

³ ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 14. Л. 12 – 14.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 180. Л. 22.

⁵ Создан в соответствии с Постановлением СНК СССР от 7 октября 1943 г. № 1095.

⁶ РГАСПИ. Ф. П-17. Оп. 132. Д. 6. Л. 56.

полняемые уполномоченными, по предложению Г. Г. Карпова, следовало возложить на Советы Министров республик, областные и краевые исполкомы. На назначенных должностных лиц возлагалась работа по регистрации приходов, их исполнительных органов и духовенства. Такой порядок позволял выполнить основную задачу Совета об информировании правительства о деятельности церковного центра в СССР и за границей¹. С учётом изменения курса государства в отношении Церкви, встал вопрос о разработке нового Положения о Совете, конкретизировавшего его права, задачи и функции².

Важным пунктом улучшения практики работы с религиозными организациями в начале 1950-х гг. вновь явилось предложение об объединении Советов, в целом сохранивших, кроме одинаковых функций, параллельно действовавшие институты уполномоченных. Совет по делам Русской православной церкви продолжил эту работу, упразднив к 1 января 1952 г. должности уполномоченных в 23 республиках, краях и областях. Сокращение затронуло только те территории, где действовало менее 20 зарегистрированных церквей и молитвенных домов. Так, в соответствии с распоряжением Совета Министров СССР от 26 марта 1950 г. № 4068-р «в виду незначительного объёма работы» упразднили должности уполномоченных при Приморском и Хабаровском крайисполкомах³. К 1 сентября 1951 г. осталось 90 чел. уполномоченных, вакантные места имелись в Ульяновской и Станиславской областях⁴. При этом Совет по делам религиозных культов, председатель которого не поддерживал идеи слияния двух структур, сохранил сеть своих уполномоченных, в том числе на территориях, где действовало от 2 до 8 религиозных объединений⁵. На наш взгляд, сокращение проводилось с целью последующего объединения Советов, а интересы территорий не были учтены. Например, возникли существенные трудности в проведении грамотной церковной политики на местах, т. к. необходимые документы и консультации по вопросам, относившимся к деятельности Церкви, были прекращены. В результате Хабаровский, Приморский крайисполкомы, Амурской облисполком и др. стали часто обращаться в Совет с просьбами о направлении наиболее «важных указаний и положений по вопросам Русской православной церкви»⁶.

¹ РГАСПИ. Ф. П-17. Оп. 132. Д. 111. Л. 17 – 21.

² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 669. Л. 7.

³ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 868. Л. 172; Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-1359. Оп. 2. Д. 3. Л. 20.

⁴ РГАСПИ. Ф. П-17. Оп. 132. Д. 497. Л. 213.

⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 669. Л. Л. 7.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 969. Л. 59, 64.

Например, о выездах священников для совершения треб по приглашению верующих, о мерах борьбы с незарегистрированным духовенством, о колокольном звоне и др.¹. Кроме того, при сокращении не были учтены интересы верующих, которые считали уполномоченного единственной и последней инстанцией, где можно найти защиту от притеснений органов власти, решить возникавшие серьёзные вопросы, например, о предоставлении помещений под церковь².

Вновь обратиться с предложением об объединении Советов Г. Г. Карпова побудило Постановление ЦК КПСС от 25 января 1954 г. «О серьезных недостатках в работе партийного и государственного аппарата», содержащее положения о сокращении центрального аппарата министерств и ведомств. Для решения вопроса предлагалось упразднить должности уполномоченных там, где действовало меньше 50 культовых зданий. Как и ранее, их функции следовало передать работникам краевых или областных исполнительных комитетов с доплатой от 300 до 500 руб.³ Сокращение было призвано стать ещё одним шагом на пути объединения двух органов. Одновременно предлагалось утвердить новое Положение о Совете, в котором были бы конкретизированы его задачи и функции, определены вопросы, которые он мог решать без согласования с правительством. Одним из важных, требовавших незамедлительного решения, являлся вопрос о ходатайствах верующих⁴. Так, повсеместные отказы со стороны органов местной власти заставляли граждан обращаться с заявлениями в Совет, их количество постепенно увеличивалось (см. табл. 3). Однако результативность была практически нулевой по причине их отклонения местными органами власти.

Сложившаяся практика на местах заставила Г. Г. Карпова обратиться в ЦК КПСС с просьбой о предоставлении Совету права «исходя из политических соображений» удовлетворять наиболее настойчивые ходатайства значительных групп (от тысячи и более человек). Предполагалось открывать до 25 культовых зданий в год при «сохранении линии на постепенное сокращение количества церквей на территориях, подвергавшихся оккупации»⁵. Председатель Совета писал, что многие ходатайства заслуживают внимания и должны быть решены положительно, прежде всего, по ряду областей РСФСР. Данная позиция объяснялась тем, что из всех культовых зданий, действовавших на территории СССР, в

¹ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 868. Л. 176.

² Горбатов А. В. Государство и религиозные организации в Сибири в 1940 – 1960-е гг.: монография. Томск, 2008. С. 66.

³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 669. Л. 6.

⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 669. Л. 7, 8.

⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 669. Л. 11, 12.

РСФСР располагалось 21,8 %, а в УССР – 63,7 %¹. 17 февраля 1955 г. Совет Министров СССР принял постановление № 259 «Об изменении порядка открытия церквей». Документ предоставил Совету право регистрировать действовавшие религиозные общества, имевшие молитвенные здания. Однако это не привело к возобновлению процесса в масштабах, характерных для периода Великой Отечественной войны² (см. табл. 4).

Таблица 3 – Сведения о ходатайствах верующих об открытии культовых зданий в 1954 – 1955 гг. и их результативности³

Наименование территории	Всего в 1954	В том числе				Всего в 1955	В том числе			
		Снято с рассмотрения	Отклонено	Представлено на рассмотрение Совета	Не рассмотрено		Снято с рассмотрения	Отклонено	Представлено на рассмотрение Совета	Не рассмотрено
РСФСР	1012	419	577	1	15	775	354	391	5	25
СССР	1361	551	745	1	64	1310	562	679	22	47

Таблица 4 – Сведения о церквях и молитвенных домах в СССР и РСФСР за 1954 – 1958 гг.⁴

Территория	01.01.1955	01.01.1956	01.01.1957	01.01.1958	01.01.1959
СССР	13 376	13 417	13 430	13 414	13 323
РСФСР	2916	2923	2933	2930	2914

Изменение в практике работы Совета, а также незначительное открытие культовых зданий в 1954 г., вызвало резкий рост прошений. Так, в 1955 г. верующими гражданами СССР в Совет и его уполномоченным на местах было подано 1310 ходатайств об открытии 667 церквей и молитвенных домов, принято 1700 верующих, в т. ч. около 1300 по РСФСР, из которых более 200 чел. приез-

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 22. Л. 40, 41.

² Чумаченко Т. А. Правовая база государственно-церковных отношений в 1940-е – первой половине 1960-х годов... С. 141.

³ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 130. Л. 13, 14; Там же. Д. 156. Л. 11а – 12а.

⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 53. Л. 23, 25, 27; РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 15. Д. 37. Л. 8; Там же. Д. 57. Л. 23.

жали в Москву¹. А в 1956 г. поступило уже 2265 ходатайств (на 73% больше, чем в 1955 г.), в т. ч. из РСФСР – 1673 (на 79% больше, чем в 1955 г.). Однако, вопреки надеждам заявителей, ситуация радикально не изменилась. Из 1673 ходатайств, поступивших в 1956 г., для удовлетворения в Совет было направлено только одно². Как свидетельствует статистика, курс на ограничение деятельности Русской православной церкви в целом сохранялся. В то же время постепенно набиравшая силу новая антирелигиозная кампания дала дополнительные основания для объединения государственных органов по делам религии.

В январе 1957 г. Г. Г. Карпов вновь обратился в ЦК КПСС, предлагая для лучшей координации вопросов, связанных с церковной политикой государства, устранения серьезных недостатков в работе провести объединение Советов. Назвав создание двух самостоятельных структур ошибкой, он писал о том, что «нет необходимости иметь два органа, осуществляющих связь между правительством и руководством религиозных объединений»³. Линию на объединение поддерживали некоторые уполномоченные, в частности, по г. Ленинграду и Ленинградской обл.⁴ Одним из аргументов являлось сокращение штатной численности обеих структур. Так, к началу 1957 г. в центральных аппаратах числился 81 чел. (43 – в Совете по делам Русской православной церкви и 38 – в Совете по делам религиозных культов). Работу, связанную с основной деятельностью, осуществляли только 33 чел., а остальные являлись работниками дублировавших функции друг друга канцелярий, бухгалтерий и хозяйственных аппаратов. Кроме того, оба Совета имели 180 чел. уполномоченных в республиках, краях и областях, и объединение позволяло сократить их численность⁵. Нежелание руководства страны объединить Советы было обусловлено идеологическими установками: появление в системе государственных органов централизованной структуры со своим аппаратом на местах могло рассматриваться как заявка на долговременные отношения с религиозными организациями, что в тот момент противоречило целевой линии на построение коммунистического общества⁶.

Кроме того, накануне масштабной антирелигиозной кампании предложение об объединении было невозможно. Процессы ликвидации православных общин, закрытия культовых зданий, монастырей, наступление на финансовые позиции

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 22. Л. 41.

² ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 180. Л. 12, 13.

³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 642. Л. 179.

⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 669. Л. 31.

⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 642. Л. 180, 181.

⁶ Чумаченко Т. А. Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР... С. 46, 47.

Церкви и др., начатые в широких масштабах с 1958 г., привели к тому, что вопрос об объединении Советов в очередной раз был снят с повестки дня. Государство направило свои усилия на «ограничение влияния Церкви». В результате количества храмов и молитвенных домов в СССР сократилось с 13 324 (1958 г.) до 7 551 (1964 г.)¹, монастырей – с 56 до 16². Данная политическая линия сказалась и на положении православных приходов, священнослужителей и верующих Дальневосточного региона, где за время антирелигиозной кампании были закрыты два культовых здания. Избранный государством антирелигиозный курс позволил поставить под жёсткий контроль деятельность православных приходов и духовенства в регионе.

Политику вытеснения Церкви проводили сначала Г. Г. Карпов, а затем А. В. Куроедов, назначенный председателем Совета в 1960 г. После завершения широкомасштабной антирелигиозной кампании, совпавшей с отстранением Н. С. Хрущёва от власти, было принято решение об объединении Советов. Единый Совет по делам религий, образованный в 1965 г., создавался «в целях последовательного осуществления политики Советского государства в отношении религии». Идею объединения, с которой на протяжении многих лет выступал Г. Г. Карпов, поддержало коллективное руководство СССР, пришедшее к власти в 1964 г.³ Отказавшись от хрущёвской утопии построения коммунизма, лидерами страны была признана необходимость сохранения религиозной политики государства, а также право на существование религиозных организаций.

В. Г. Попов

О ДАТЕ ОСНОВАНИЯ ХАБАРОВСКА **(историческая дискуссия)**

Россиянам хорошо известен граф Николай Николаевич Муравьёв-Амурский, но, преимущественно, в виде изображения его памятника, помещённого на пятитысячной денежной купюре. Необходимо познакомить россиян с важнейшими политическими и административными действиями легендарного генерал-

¹ Одинцов М. И. Государство и Церковь в России : XX век. М., 1994. С. 116, 124.

² Митрохин Н., Тимофеева С. Епископы и епархии Русской православной церкви. М., 1997. С. 443.

³ Чумаченко Т. А. Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР... С. 47.

губернатора Восточной Сибири, отмеченными современным правительством России, в том числе, и таким оригинальным образом.

Данная статья написана на основе документов, обнаруженных автором в Государственном архиве Читинской области (ГАЧО), и посвящена основанию Н. Н. Муравьевым г. Хабаровска и десанту 13-го сибирского линейного батальона в устье р. Бури в июне 1858 г. Для удобства читателей в статье указываются две даты – по старому и новому стилю.

В начале 1858 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев (тогда ещё без добавления к фамилии – Амурский) был уверен в том, что без силового давления на месте переговоров ему не удастся убедить маньчжурского командующего князя И Шаня решить пограничный вопрос и провести новую границу по Амуру. Поэтому он приказал создать ударную группировку из двух батальонов пехоты и двух батарей лёгкой артиллерии в станице Усть-Зейской (будущий г. Благовещенск), добавив к уже находившемуся в станице 14-му батальону 13-й из Забайкалья. Всего в отряде было более 1500 офицеров и солдат. Но отправить по Амуру больше двух сотен плотов, барж и лодок сразу же не удалось. Н. Н. Муравьев распорядился оставить на зимовку в селении Шилкинский завод на реке Шилке речной винтовой пароход со стальным корпусом, закупленный в Америке и названный «Лена».

Однако в конце апреля 1858 г. на реке Шилке после ледохода был совсем небольшой подъём воды, и пароход не удалось поднять с мели, на которую его загнали на зимовку. Солдаты 13-го батальона получили задание прокопать в песке канал и вывести пароход на чистую воду. Командующему 13-м батальоном капитану Я. В. Дьяченко Н. Н. Муравьев лично объяснил, что на этом пароходе он хочет прибыть к Айгуню, где планировал вести переговоры с И Шанем: так солиднее и грознее с позиции технического превосходства. Ведь и англичане плавали по рекам юга маньчжурского Китая на пароходах и побеждали. Пароход новейшей конструкции на Амуре – это яркий образец мощи новой капиталистической России.

К тому времени солдаты всего 13-го батальона были собраны с мест прежней дислокации в 20 деревнях вдоль берегов Шилки и жили в палатках на берегу реки. Я. В. Дьяченко получил в дополнение к имевшимся у него в батальоне инструментам стальной лом, три топора и огромный смолёный пеньковый канат толщиной в 24 см и длиной почти в 200 м. Но 800 солдат батальона не смогли за двое суток сдвинуть пароход с места, и раздосадованный Н. Н. Муравьев опять отправился вниз по Амуру на деревянной барже, видимо, для красоты изложения

названной «катером», с маленькой медной пушкой на носу. «Мотором» деревянного катера, как всегда, были мускулы солдат линейных батальонов. После отплытия генерала пароход «Лена» огромными усилиями был все-таки снят с мели. Но батальон отправился в путь по Амуру с опозданием.

Надо отметить, что вместо обещанных М. С. Корсаковым 25 маньчжурских лодок, оставшихся после героически-трагической Амурской экспедиции 1856 г., штабс-капитан А. Калинин, исполняя поручение Я. В. Дьяченко, смог выбрать только 10 для батальона, 5 для Уссурийской экспедиции штабс-капитана М. И. Венюкова (кстати, надо отметить, отвратительно организованной, в том числе и по вине самого штабс-капитана) и 5 для 14-го батальона. Остальные, «хранясь» под открытым небом, оказались в полуразваленном состоянии. Причём батальон использовал эти лодки только для сплава до станицы Усть-Зейской. Там 5 лодок были переданы другой команде, и из станицы Благовещенской батальон отправился вниз по Амуру, имея только 5 лодок для оперативного управления более чем сотней плотов со своим имуществом, 150 лошадьми (для будущих почтовых станций), более чем сотней быков и коров. Кроме своего вооружения и обоза, солдатам 13-го батальона, каторжанам и солдатам-штрафникам пришлось сплавливать 4 крепостных орудия с порохом и снарядами. Эти орудия были установлены на деревянных лафетах у устья р. Уссури солдатами того же 13-го батальона. Жерла огромных орудий смотрели на абсолютно пустынный маньчжурский берег, но устрашали. В Пекин пошли тревожные доклады.

19 (31) мая Н. Н. Муравьёв возвратился в станицу Усть-Зейскую после успешного подписания Айгунского договора с И Шанем о границе по Амуру и внезапно решил не дислоцировать 13-й батальон, отменив свой предыдущий приказ. Он лично отдал Я. В. Дьяченко знаменитое «устное приказание» отправиться «к устью реки Уссури» и заложить там штаб квартиру 13-го батальона. Этот документ, подписанный Н. Н. Муравьёвым, обнаружен мной в архиве. Таким образом, впервые документально доказано, что 31 мая по новому стилю на территории будущего Хабаровска солдат и офицеров 13-го батальона не было. Этот город был основан позднее. Первые плоты 13-го батальона отправились в путь на следующий день – 20 мая (1 июня). Сам же капитан Я. В. Дьяченко оставался в станице Благовещенской, пытаясь вплоть до 22 мая (3 июня) «выбить» через управлявшего сплавом 1858 г. военного губернатора Забайкальской области М. С. Корсакова стекло, топоры и железо для будущего строительства на новом необжитом месте. Обнаружен его подлинный рапорт об этом. Можно ска-

зять, что рапорт, подписанный Я. В. Дьяченко, стал первым строительным документом г. Хабаровска. Всё это погрузили на плоты, освободившиеся от съеденного продовольствия и скота, и отправили с 3-й и 4-й ротами вниз по Амуру.

22 мая (3 июня) Н. Н. Муравьёв со своим штабом на катере с двойным составом гребцов из самых сильных солдат 14-го батальона отправился вниз по Амуру. По дороге солдатам приходилось постоянно браться за вёсла и грести, потому что баржа-«катер» Н. Н. Муравьёва имела большую парусность и из-за сильного встречного ветра еле двигалась вниз по течению. Только через 9 дней Н. Н. Муравьёв прибыл к огромной излучине, где Амур разделялся на два рукава. Пройдя ещё 36 вёрст по правому рукаву Амура вдоль правого берега реки, называвшемуся в то время Уссурийской протокой (ныне эта практически занесённая песком протока передана КНР), Н. Н. Муравьёв прибыл 31 мая (12 июня) к посту Усть-Уссурийскому, находившемуся у тогдашнего устья р. Уссури. Вместе с ним прибыл и Преосвященный Иннокентий. В соответствии с только что подписанным договором, Уссури становилась пограничной рекой между двумя империями. Но территория между Уссури и Тихим океаном оставалась пока в их совместном владении. Напомню, место для поста было указано в начале июня 1857 г. прапорщиком топографом А. Н. Поповым по приказу Н. Н. Муравьёва, а сам пост был основан 26 пограничными казаками во главе с зауряд-хорунжим С. А. Токмаковым¹, о чём пишет Н. Н. Муравьёв в своём письме М. С. Корсакову: «Казачи, слава богу, здоровы, у них на посту всё хорошо, строят дом, магазин, огороды засажены, и времени вообще даром не теряли, устье Уссури совершенно в глуши, в 4-х верстах от главного русла Амура». Вероятно, 4 версты – это ширина острова, разделявшего два рукава Амура. Н. Н. Муравьёва на этом посту ждал контр-адмирал П. В. Казакевич, военный губернатор Приморской области. Капитан лейтенант А. А. Болтин, находившийся под его руководством, осенью 1857 г. во время осмотра устья Уссури и поиска мест, удобных для поселения пеших казаков, посадил на мель закупленный в Америке новейший пароход «Амур». Адмиралу пришлось поздней осенью плыть на утлой лодке в Николаевск и возвращаться весной тоже на лодке с гребцами к месту, где сидел на мели пароход «Амур». Можно понять крайнее недовольство Н. Н. Муравьёва такими обстоятельствами: пароходов на Амуре было уже 6, и ни одного для генерал-губернатора Восточной Сибири! Правда, с «Амуром» морякам повезло больше, чем с «Леной»: Уссури во время ледохода была более полновод-

¹ Государственный архив Читинской области (ГАЧО). Ф.30. Оп. 2. Д. 210. Л. 71 – 72 об.

ной, чем Шилка, и «Амур» сойдя с мели, вышел, шлепая своими колёсами, на главное русло в район утёса Бури, где стал на якорь. Место это было указано казаками капитан-лейтенанту Нордвику, капитану парохода «Амур» (разозлённый П. В. Казакевич сменил командира парохода), как наиболее удобное для образования нового русского поселения. Н. Н. Муравьёв, несмотря на всё своё нетерпение идти всё время вперед, ждал подхода первых плотов 13-го батальона и провёл на Уссурийском посту 3 дня. За это время он детально ознакомился с разведкой местности, произведённой зимовавшими на Амуре командирами казачьих постов Сунгарийский – сотником Т. Е. Киселёвым и Уссурийский – С. А. Токмаковым. Оба указали на утёс Бури в 35 верстах вниз по протоке как наиболее удобное место для контроля над Уссури и Амуром. 3(15) июня Н. Н. Муравьёв на своём катере с гребцами прошел вниз по протоке до соединения её с главным руслом Амура и поднялся на борт парохода «Амур». Первые подошедшие плоты 1-й роты 13-го батальона под командованием подпоручика П. Монастыршина, ветерана Амурских сплавов, были направлены лично Н. Н. Муравьёвым в устье р. Бури. Он сделал это сам по причине большой важности избрания места для дислокации батальона. При этом историческом событии присутствовали также генерал-губернатор П. В. Казакевич и Преосвященный Иннокентий. Хочу подчеркнуть – ни один город на Амуре не основывался таким собранием выдающихся амурских деятелей!

Н. Н. Муравьёв писал в связи с этим своему родственнику и будущему преемнику должности генерал-губернатора – генералу М. С. Корсакову 3 (15) июня 1858 г: «Мы шли ужасно долго от сильных противных ветров, которые, вероятно, задержали и прочие все сплавы, и пришли на устье Уссури только 31 мая... я ставлю 13-й батальон весь на Бурее, т.е. на главном русле [Амура], чтобы он мог удобнее во всякое время спускаться и подниматься к устью Амура, а в протоки в мелководье пароходы ходить не могут. Около устья Уссури весьма немного мест для поселения; вследствие сего я отправлю во 2-ю роту только 150 семейств и 350 будут в 1-й роте, т.е. в Амурском батальоне, для которого места довольно»¹.

На месте будущего Хабаровска текли две чистые реки: Бури (Бурей) и Ури, позже названные Чердымовкой и Плюснинкой, а потом засыпанные (на их месте ныне располагаются роскошные Амурский и Уссурийский бульвары). По правому берегу Амура, в устье Бури-Бурей находилось самое большое на Амуре

¹ Барсуков И. П. Граф Муравьёв-Амурский. М., 1891. С.515.

стойбище гольдов (как тогда называли нанайцев). В. К. Арсеньев даже приводит их родовое имя – Юкомика. Это стойбище располагалось примерно на том месте, где находится сегодня гостиница «Интурист». Через месяц гольды, по данным того же В. К. Арсеньева, откочевали в верховья Уссури, а потом, перевалив через хребет Сихотэ-Алиня, обустроились на берегу Тихого океана, где постепенно вымерли от оспы.

В распоряжении первых колонистов оказались два берега реки Бури: правый низменный и левый высокий и покатый. Вот на удобном левом берегу чистой нерестовой речки Бури-Буреи и высадились по приказу Н. Н. Муравьёва первые офицеры и солдаты. Только после того, как он лично указал место высадки и основал, таким образом, новое селение, генерал-губернатор Восточной Сибири отправился дальше к устью Амура.

Тяжёлый сплав по Амуру и высадка на правом берегу могучей реки на месте, лично указанном Н. Н. Муравьёвым, были совершены в следующем составе офицеров 13-го батальона: командующий батальоном – капитан Яков Дьяченко, казначей батальона – штабс-капитан Александр Калинин, командир 1-й роты – подпоручик Пётр Монастыршин (он прибыл первым на место высадки), командир 2-й роты – капитан Лев Чумаков (прикомандирован из 14-го батальона), командир 3-й роты – подпоручик Виктор Черепанов, командир 4-й роты – подпоручик Егор Куркин, поручик Андреян Леонтьев, прапорщик Матвей Плотников, прапорщик Фёдор Кандиба, лекарь Вичислав Якубов (прикомандированные приказом Н. Н. Муравьёва для усиления батальона); из состава 14-го батальона: штабс-капитан Захар Поповский, подпоручик Андрей Садовников, прапорщик Александр Серебренников; из состава 16-го батальона: подпрапорщик Антон Красавский, подпрапорщик Николай Козловский¹.

Эти офицеры руководили труднейшим в истории 13-го батальона (имевшем в своём составе свыше 800 солдат) сплавом по Амуру, начатом в первых числах мая и окончившимся прибытием к месту назначения (с 3 (15) июня по 10 (22) июля 1858 г.). После завершения сплава прикомандированные офицеры, забрав с собой солдат 14-го батальона на 5 лодках, бичевой отправились вверх по Амуру. Каторжане, участвовавшие в сплаве батальона, были отправлены через Николаевск на Сахалин добывать уголь для паровых судов Тихоокеанской эскадры. Штрафные солдаты из Саратовского, Пензенского, Пермского и Нижегородского батальонов частично остались в 13-м батальоне. А большинство бы-

¹ ГАЧО. Ф. 30. Оп. 2. Д. 24. Л. 20 – 20 об., 21 - 21 об.

ли расселены во вновь заложенных казачьих станицах по р. Уссури. 10 (22) июля Н. Н. Муравьёв, возвращаясь с низовьев Амура, дал селению, основанному им в урочище Усть-Уссурийском название Хабаровка в память легендарного русского первопроходца и казачьего атамана Ерофея Павловича Хабарова. Во всех обнаруженных в архиве подлинных приказах Н. Н. Муравьёва и докладных Я. В. Дьяченко наш город называется селением, а не постом. Поста тут не было.

Таким образом, генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьёв основал г. Хабаровск 15 июня (по новому стилю), и с этого же дня солдаты 13-го сибирского линейного батальона приступили к строительству своей штаб-квартиры под командованием подпоручика П. Монастыршина и под общим руководством капитана Я. В. Дьяченко. Первые казармы были построены из брёвен плотов, а семейные солдаты получили право вырыть себе землянки, положив начало гражданскому населению.

Автор статьи считает, что обнаруженные им в Государственном архиве Читинской области фамилии 285 солдат, унтер-офицеров, их жён и детей, оберофицеров 13-го батальона должны быть помещены на мемориальные плиты у памятника собирательного образа офицера-амурца, установленного в Хабаровске¹. Также мемориальные плиты должны быть установлены и на месте пяти легендарных казачьих пограничных амурских постов, выставленных по приказу Н. Н. Муравьёва. Списки героев казаков, которые несли службу в 1856 – 1858 гг., спустя 150 лет обнаружены мной в архиве. Выбитые в граните имена героев будут выражением уважения благодарных потомков героям «Амурского дела» и незыблемости русского присутствия на Амуре.

В. Г. Попов

РУССКИЕ И МАНЬЧЖУРЫ НА АМУРЕ: НЕИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ ИЗ ИСТОРИИ ПОДПИСАНИЯ И РАТИФИКАЦИИ ПЕКИНСКОГО ДОГОВОРА

На Дальнем Востоке России прошла череда научных конференций, посвящённых 200-летию со дня рождения графа Н. Н. Муравьёва-Амурского и 150-летию заключения Пекинского (дополнительного) договора 1860 г. о грани-

¹ ГАЧО. Ф. 30. Оп. 2. Д. 89. Л. 330 – 330 об., 332 – 340. Д. 141. Л. 239 – 239 об.

це между Российской империей и Великой Цинской, называемой Маньчжурской по имени народа и территории, на которой он жил издревле. Данная статья подготовлена на основе документов, обнаруженных автором в Государственном архиве Читинской области (ГАЧО) и практически неизвестных не только широкому кругу читателей, но и большинству историков. Празднование в Хабаровском крае даты заключения Айгунского договора, введение особого наградного знака в честь договора, который юридически не существует и является только протоколом о намерениях, не вступившим в силу в строгом соответствии с существовавшими в то время дипломатическими процедурами, является одним из мифов истории. А мифы мешают современным политикам проводить взвешенную политику в нынешних, как всегда, не простых российско-китайских отношениях. Более того, исторические мифы воспитывают у народа ложное благодушное отношение к южным соседям. Реальное значение для установления новой границы между Российской и Цинской империями имел не Айгунский предварительный договор, а *Тяньцзинский* договор (1858 г.) и дополнительный к нему *Пекинский* договор (1860 г.), о котором пойдет речь в данной статье. Чрезвычайный курьер Российского посланника в Пекине артиллерист А. Ф. Баллюзек преодолел в рекордные 30 дней просторы Сибири и 18 декабря 1860 г. доставил в Санкт-Петербург проект договора о границе между Российской и Великой Цинской империями. 20 декабря этот договор вступил в силу после его подписания Александром II.

Описание событий более чем 150-летней давности необходимо начать с пояснения того, что же за «китайская» империя существовала за Амуром и Уссури в то время. В середине XIX века огромной территорией к югу от Амура продолжала управлять аристократия небольшого феодального государства маньчжур, завоевавшего двумя веками ранее не только разные и разрозненные, передравшиеся друг с другом китайские народы, но и другие народности, издавна населявшие юго-восточную Азию. Ударной силой северного агрессора были конные жестокие орды. Своё государство маньчжуры называли Великой Цинской империей, или сокращённо Цин, по имени правившей в ней династии. Но «окитаиваться» маньчжуры не хотели, они сохраняли свой язык как государственный и не пускали многочисленных китайцев-ханьцев на свои исконные земли, располагавшиеся в Манчжурии, на северо-востоке современной КНР. Центром маньчжурской цивилизации был город Мукден. Разразившаяся в Цинском Китае в 1858 – 1860 гг. война с англичанами и французами была вызвана упорным нежеланием правившей маньчжурской династии и, в первую очередь, главного со-

ветника императора, государственного секретаря маньчжура Су Шуня идти на соглашение с европейцами о вовлечении последней на планете крупной феодальной империи в мировые капиталистические товарно-денежные отношения.

В столице Российской империи Санкт-Петербурге внимательно следили за чрезвычайными событиями на востоке Азии. Цели империи были ясны: воспользоваться ситуацией и укрепить свои азиатские позиции. Генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев, сосредоточив напротив маньчжурского города Айгуна отряд в 1500 солдат и две батареи лёгкой артиллерии¹, не считая посёлённых в 1854 – 1857 гг. амурских казаков, в мае 1858 г. продиктовал хейлунцзянскому главнокомандующему маньчжурскому князю И Шаню предварительный Айгунский договор². Практически одновременно российский чрезвычайный посланник в Цинской империи граф и адмирал Е. В. Путятин заключил Тяньцзинский договор (июнь 1858 г.)³. Этот договор был подписан маньчжурами благодаря решительной победе англичан и французов, принудивших правителей феодального Китая подписать договоры об открытии их империи для торговли. Плодами разгрома, кроме русских, воспользовались ещё и американцы. Определённую роль сыграло также то, что приехавшие в конце 1858 г. в Санкт-Петербург вице-адмирал граф Е. В. Путятин и контр-адмирал Г. И. Невельской – специалисты по маньчжурской империи – убедили сначала брата царя великого князя Константина, а за ним и императора Александра II, что не следует ограничиваться только устьем Амура и бухтами Де-Кастри и Императорской на побережье Татарского пролива, вследствие их замерзания на полгода и сложного для судоходства больших военных кораблей. Оба адмирала доказывали, что Цинская империя крайне слаба, и если европейцы поведут настоящие военные действия, то власть Цинов рухнет. Бухты на юге Манчжурии захватят англичане, уже бывшие там и даже добывавшие там уголь. Поэтому надо стремиться занять незамерзающие гавани на юге Манчжурии (Уссурийский край) рядом с корейской границей. А дальновидный Н. Н. Муравьев вообще выдвинул идею создания на руинах маньчжурской империи новых независимых государств – Манчжурии и Монголии, естественно, под протекторатом Российской империи, как буфера между Китаем и Российской империей⁴. Поэтому прибывший в Цинскую империю русский посланник генерал граф Н. П. Игнатьев имел инструкцию МИДа,

¹ ГАЧО. Ф. 30. Оп.2. Д.159. Л. 76.

² Российско-китайские отношения 1689 – 1916. Официальные документы. М., 1958. С. 29 – 30.

³ Там же. С. 31 – 32.

⁴ Барсуков И. П. Граф Н. Н. Муравьев. М. 1891. С. 571.

утверждённую царём, добиваться ратификации подписанного Н. Н. Муравьёвым и предварительного Айгунского договора 1858 г., но в расширенном варианте, в основном за счёт кардинального изменения ст. 1 о проведении границы между империями по р. Уссури до корейской границы и передаче всего Уссурийского края Российской империи – равного по территории тогдашней Франции. Таким образом, если маньчжурский император известил о ратификации им договора, носившего название *Айгунский*, выгодного маньчжурам своей неопределённостью границы, то Александр II не только не подписал его, но выдвинул новые территориальные требования.

Исторический период, о котором идёт речь в статье, был эпохой великих империй, и если одни императоры правили по феодальной старине и допускали отставание в развитии капиталистической экономики, то другие более продвинутые спешили их наказывать за это. Так, жёстко и решительно поступили императоры европейских капиталистических государств в союзе с отсталым турецким султаном по отношению к русскому феодальному императору Николаю I во время Крымской (Восточной) войны. И только потеряв Черноморский флот, военную базу Севастополь, миллион солдат, получив обескровленную экономику страны, его сын Александр II понял, что нужны реформы. По планете по стальным рельсам летел капитализм, освободивший огромные производительные силы. Российская империя ценой огромных усилий правящей элиты вскочила в последний вагон экспресса модернизации. А маньчжуры, привыкшие в спавшей тысячелетним сном Азии считать себя центром Поднебесной, отставали от этого процесса.

Посланник царя, молодой и амбициозный генерал граф Н. П. Игнатъев начал переговоры с государственным секретарём Цинской империи Су Шунем летом 1859 г. в Пекине. При этом маньчжурский император, отказавшийся ратифицировать Тяньцзинские договоры с англичанами и французами, с русскими этот договор утвердил и подписал. На повестке дня оставался Айгунский. Но вместо трёх статей предварительного договора, продиктованного генерал-губернатором Н. Н. Муравьёвым и подписанного маньчжурским главнокомандующим И Шанем¹, Н. П. Игнатъев предложил резко изменённый договор из 6 статей². Главным и весьма существенным дополнением, в корне менявшим до-

¹ Российско-китайские отношения 1689 – 1916... С. 29 – 30.

² Игнатъев Н. П. Отчётная записка, поданная в Азиатский департамент в январе 1861 г. генерал-адъютантом Н. П. Игнатъевым о дипломатических сношениях его во время пребывания в Китае в 1860 г. СПб., 1895. С. 285.

стигнутый генералами в Айгуне компромисс, было то, что граница должна была проходить по левому берегу Амура и правому берегу Уссури до р. Тумыньцзянь (Туманная) на границе с Кореей. Но момент для предъявления новых территориальных требований был выбран неудачно. Маньчжурским войскам удалось в это время отбить попытку англичан и французов силой прорваться в Пекин, чтобы принудить императора Сянь Фына подписать договоры, заключённые в 1858 г. Англичане объясняли своё поражение русским вмешательством и прямо обвиняли русских генералов в поставке маньчжурам русских орудий, новейших штуцеров (скопированных тульскими мастерами с французских ружей, захваченных в Севастополе) и русских офицеров инструкторов для фортов Дагу, прикрывавших Пекин. Граф Н. Н. Муравьёв негодовал. Писал о том, что все 10 тыс. новых русских штуцеров, предназначенных маньчжурам, лежат на складах его генерал-губернаторства, хотя его солдаты всё ещё вооружены допотопными ружьями. Были ли на маньчжурских фортах Дагу русские пушки, русские штуцера и русские офицеры, российская история пока умалчивает. Но то, что оружие поставляли, является фактом. Заставить воевать маньчжуров с англичанами до последнего китайца и индуса (которые находились в составе английских экспедиционных войск, переброшенных в 1860 г. в маньчжурскую империю из Индии) стало первостепенной задачей русской имперской дипломатии.

Необходимо отметить, однако, что договоры, продиктованные под гром пушек в 1858 г. англичанами и французами, объективно создавали материальную базу для развития капитализма в отсталом феодальном Китае. Су Шунь, проводивший политику интеграции полиэтнического Китая в огромную современную нацию, явно переоценивал случайный разгром европейцев и, возможно, поэтому отказался обсуждать новые предложения русского посланника. Он счёл их верхом нахальства. В ответ на территориальные притязания, касавшиеся северных окраин собственно маньчжурской империи, Су Шунь заносчиво заявил: «Болотистые земли по левому берегу Амура представлены вашему бесприютному народу во временное пользование»¹. Переговоры были сорваны. Айгунский предварительный договор так и остался не ратифицирован. Юридически он перестал существовать. Раздосадованный Н. П. Игнатъев потребовал от Н. Н. Муравьёва одновременно с европейцами ввести его войска в пределы Манчжурии². Однако Н. Н. Муравьёв, прекрасно понимая слабость его ничтожных сил, растя-

¹ Там же. С. 287.

² Барсуков И. П. Указ. соч. С. 571.

нутых тонкой нитью вдоль левого берега Амура, ограничился демонстративными учениями амурских казаков напротив маньчжурских постов. Но так как Су Шунь и Н. П. Игнатъев вели переговоры в глубокой тайне, то с европейцами русские дипломаты говорили об отсутствии пограничных проблем с маньчжурами. А граф Н. Н. Муравьёв не ждал решений дипломатов и уже в начале весны 1859 г. отправил 6-ю военную экспедицию по Амуру для заселения станицами Амурского казачьего войска правого берега р. Уссури. Кроме этого, в июле того же года граф Н. Н. Муравьёв посетил на пароходе со стальным корпусом, закупленным в США и названном «Америка», огромный залив на юге Манчжурии (Уссурийский край) и дал ему название – залив Петра Великого вместо ранее данного французами названия – залив Наполеона III, рассудив, что в Российской империи своих императоров хватает на все вновь присоединяемые бухты Тихого океана. Граф Н. Н. Муравьёв, исполняя инструкцию министра иностранных дел А. М. Горчакова, утверждённую царём, распорядился выставить в гаванях этого залива весной 1860 г. солдатские посты Владивосток и Новгородский (Посьет), что и выполнил контр-адмирал П. В. Казакевич. Муравьёвская граница между империями проходила без договоров – там, где лучший генерал империи граф Н. Н. Муравьёв выставлял казачьи станицы или солдатские посты. Шашка казака и штык солдата решали пограничные вопросы увереннее лощёных дипломатов. Это было время расцвета великих империй и их великолепных и решительных генералов.

Летом 1860 г. обозлённые англичане и французы, подтянув резервы и, главное, знаменитую французскую артиллерию, вторглись на север Цинской империи и разгромили в бешеном пятичасовом бою под стенами Пекина монгольскую и маньчжурскую конную гвардию, последнюю и главную опору маньчжурского императора. Под снарядами французских новейших стальных нарезных орудий погиб цвет маньчжурской нации. Сабли и мужество маньчжур были бессильны против орудийного огня и сноровки артиллеристов. Всего 8 стальных орудий французов разбили 27 медных орудий маньчжур. 48 больших орудий были захвачены английской и французской пехотой, вооружённой новейшими нарезными штуцерами¹. Эта блестящая технологическая победа доставила французскому генералу Монтобану титул графа Бали цао по названию места битвы на мраморном мосту длиной в 8 ли². Император Сянь Фын отказался встречаться

¹ Игнатъев Н. П. Указ. соч. С. 110 – 111.

² 1 ли равен примерно 500 м.

с послами европейцев и при приближении передовых отрядов французов в панике бежал из своего летнего дворца Юань мынь юань, бросив там часть своих сокровищ и архивы. Посол Британской империи лорд Эльджин, чтобы принудить маньчжурских правителей подписать Тяньцзинские (1858 г.) договоры и дополнительные к ним статьи о контрибуции, разрешил своим солдатам разобрать сокровища летнего дворца императора на трофеи. Дворец приказал сжечь, также предупредив через пленного Сянь Фына, что если он не вступит в переговоры, то будет уничтожен и его дворец в Пекине. Лорд английской империи решил бить не по толпам слабо вооружённых маньчжур и китайцев, а по гордости и имуществу их высокомерного, но недалёкого властелина. Маньчжурские сановники были потрясены. Впервые в тысячелетней истории азиатской империи войска европейцев вошли в Пекин. В этот крайне тяжёлый для Цинов момент свою блестящую роль посредника между победоносными европейцами и разгромленными маньчжурами сыграл русский посланник граф Н. П. Игнатъев. Он гарантировал напуганным маньчжурским сановникам и 23-х летнему принцу Гуну, младшему брату императора, которому Сянь Фын передал право подписать любые документы, личную безопасность во время переговоров. Граф Н. П. Игнатъев даже предложил себя в заложники, пока принц Гун будет вести переговоры в лагере англо-французов, предварительно потребовав в качестве вознаграждения за оказанные услуги безоговорочного подписания подготовленного им договора теперь уже из 15 пунктов, вместо 3-х, имевшихся в предварительном договоре Н. Н. Муравьёва и И Шаня. Князь Гун согласился на это условие. При посредничестве Н. П. Игнатъева были заключены и сразу же утверждены императором Сянь Фыном англо-китайский и франко-китайский дополнительные договоры. Была определена и сумма огромной контрибуции за принуждение маньчжуров к нормам европейской дипломатии, к миру, к развитию капитализма. После этого европейцы вывели из Пекина войска, оставив там своих послов. Войска стали на зимние квартиры на Тихоокеанском побережье маньчжурской империи, как пушечная гарантия выполнения договоров. Так активно и жёстоко наступал на владения маньчжуров новый строй, названный торговым империализмом.

2(14) ноября 1860 г. русско-маньчжурский договор о границе и торговле, предложенный графом Н. П. Игнатъевым, был предварительно подписан принцем Гун-Цин-Ваном. Договор был составлен на трёх языках: русском, маньчжурском и китайском. Этот договор был немедленно ратифицирован императором Сянь Фыном. Спустя два дня текст договора опубликовали в пекинской правительственной газете. Это был огромный успех русской дипломатии и лично

молодого 28-летнего генерала графа Н. П. Игнатьева. Пекинский договор, в отличие от предварительного Айгунского, был ратифицирован Александром II 20 декабря 1860 г. и опубликован в Санкт-Петербурге 26 декабря того же года. По новому стилю это произошло 1 января и 7 января. Получается, что в российской истории отмечаются какие-то не те даты.

Граф Н. П. Игнатьев в своём отчете подчеркнул, что главная цель при заключении с маньчжурскими правителями Китая дополнительного договора «состояла в торжественном признании и подтверждении Правительством Айгунского договора. Цель эта вполне достигалась первой статьёй настоящего договора, в которую вошли обе статьи Айгунского договора. Весь Амурский и Уссурийский край этой статьёю самым ясным и положительным образом признаётся за Россией»¹. Но граф лукавил. Это был совсем другой договор. Сравнение текстов убеждает в этом². 1400 тыс. кв. км территории возвращались или вновь присоединялись к Российской империи. Государственный секретарь Су Шунь, сорвавший подписание императором Сянь Фыном кардинально изменённого Айгунского договора из 6-ти статей (вместо 3-х, содержащихся в нём изначально), в октябре 1860 г. был отстранён от ведения переговоров в Пекине, а позднее казнён. Новый договор получил название дополнительного Пекинского. Граф Н. П. Игнатьев вынужден был назвать его так, чтобы создать у английских и французских дипломатов и политиков представление, что все вопросы пограничного размежевания на востоке по Амуру и Уссури до р. Туманной по границе на западе, а также по торговле уже были решены ранее и в данном дополнительном договоре только уточняются и подтверждаются вновь. Так договор 1860 г. и вошёл в историю как *дополнительный* к Тяньцзиньскому 1958 г., а Айгунский предварительный договор остался в истории неподписанным российским императором. Такова была дипломатия империй – силовая, тайная и уклончивая. Нормальная имперская политика.

Но всё-таки остался открытым вопрос о точном определении границы по рекам Амур и Уссури с помощью карт. Организованная по приказу графа Н. Н. Муравьёва зимой 1858 – 1859 гг. героическая топографическая экспедиция под командованием полковника Генерального штаба К. Ф. Будогосского, начала свою работу с селения Хабаровка и к июню 1859 г. вышла к Посъету. Была составлена точная карта границы по р. Уссури до корейской границы. Н. Н. Муравьёв сам отвёз К. Ф. Будогосского и его карту на пароходе «Америка» к бухте на

¹ Игнатьев Н.П. Указ. соч. С. 303.

² См.: Российско-китайские отношения 1689-1916... С. 34.

севере Китая. Полковник лично доставил карту в Пекин посланнику графу Н. П. Игнатьеву. Составление карты границы по рекам Амуру и Уссури было настоящим подвигом российских военных топографов. Но принц Гун отказался подписать русскую карту¹, мотивируя это тем, что карты европейцев и карты маньчжур сильно отличаются. Карта границы по рекам Амур и Уссури была приложена к договору только с подписью и печатью русского посланника. Сложная проблема согласования карт была решена съездом российских и маньчжурских топографов лишь летом 1861 г. Делегацию Российской империи в качестве пограничного комиссара возглавлял военный губернатор Приморской области контр-адмирал П. В. Казакевич.

Так трудно становилась граница между двумя империями. Считаю необходимым подчеркнуть, что во время переговоров русского графа и маньчжурского принца 150 лет тому назад ясно отмечалось – новая граница по р. Уссури проводится на окраинных территориях маньчжур («Там могилы маньчжур»²). Современных китайцев-ханьцев на этих территориях в то время не было. Маньчжуры берегли свои родовые земли от китайцев. Но в результате геополитической ошибки И. В. Сталина в 1945 г. было уничтожено маньчжурское государство – Манчжоу Ди Го. Известно, что взятый в плен советскими войсками император Пу И, будучи ответственным лидером маньчжурского народа, находясь в условиях советского плена, боролся за будущее своего народа и шёл на компромиссы. Есть свидетельства, что он даже предлагал И. В. Сталину принять его в члены ВКП(б) и сделать Манчжурию советской республикой. Пу И, вероятно, знал о планах Н. Н. Муравьёва о создании буферного маньчжурского государства. Но Сталин этого не знал, и по его приказу Пу И передали лидеру КНР Мао Цзедуну. Китайские коммунисты принудительно ассимилировали маньчжуров, после чего те исчезли как самостоятельный этнос. Историческая граница по рекам Амур и Уссури досталась новым государствам – РФ и КНР.

Ныне на территории бывшей Манчжурии проживают около 300 млн. переселённых туда китайцев-ханьцев. Наиболее радикальные из них требуют вернуть «исконно китайские земли», хотя, чего им ещё надо? И. В. Сталин фактически подарил Мао Цзедуну 1300 тыс. кв. км Манчжурии.

В нынешней ситуации, когда дальневосточное население Приамурья и Приморья катастрофически уменьшается, даже города Хабаровск и Владивосток теряют своих жителей, наши современники должны знать пограничную историю

¹ См.: Игнатьев Н. П. Указ. соч. С. 301.

² Там же. С. 290.

и трезво учитывать реальные факты, а не исторические мифы в нынешних отношениях с нашим великим южным соседом, партнёром и противником одновременно.

Е. С. Скрабневская

ХАБАРОВСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ: ОТ СТАРОСТ ДО ГОРОДСКИХ ДУМ

Местное самоуправление Российской Федерации в настоящее время переживает сложные времена. Закреплённые Конституцией РФ самостоятельность и независимость регионов от государства на практике всё больше подменяются прямым или косвенным администрированием. Тем более актуальным становится опыт самоуправления императорской России, которое смогло стать существенным фактором формирования гражданского общества в условиях самодержавного режима. В данной статье раскрываются некоторые аспекты организации и деятельности органов общественного управления на примере города Хабаровска.

Значительный рост населения городов Дальнего Востока России во второй половине XIX века породил множество проблем городской жизни, которые не успевали разрешаться силами местной администрации. Уже в конце 1860-х годов появилась необходимость создания общественного управления, которое должно было заняться проблемами благоустройства, здравоохранения, образования и пр. До образования городских дум и управ по Городовому положению 1870 г. самоуправление в дальневосточных городах осуществлялось силами старост.

В ноябре 1879 г. и городское общество Хабаровки получило разрешение генерал-губернатора Восточной Сибири выбрать старосту¹. Для исполнения указания генерал-губернатора военный губернатор Приморской области отдал распоряжение городской комиссии по устройству Хабаровки составить предварительный список жителей, имеющих право голоса на выборах. В 1880 г. в здании городского общественного собрания после литургии и молебна были проведены выборы городского старосты. Первым старостой Хабаровки стал хорошо известный в городе своей общественной деятельностью купец 2-ой гильдии Иван Матвеевич Протодияконов.

¹ Бодиско А. М. Из жизни Хабаровска. Хабаровск, 1913. С. 11 – 12.

Старосты давали клятву добросовестного исполнения своих обязанностей, и после утверждения их кандидатур военным губернатором, вступали в должность. Все решения общественного управления также требовали утверждения представителями администрации – военным губернатором или заведующим гражданской частью Суйфунского округа. До введения Городового положения 1870 г. города не могли распоряжаться даже собственным бюджетом без разрешения министерства внутренних дел. Бюджетные статьи направлялись на рассмотрение в Приморский областной совет, затем по одному экземпляру – министру внутренних дел и генерал-губернатору Восточной Сибири, и на утверждение военному губернатору¹. Непосредственно обращаться к генерал-губернатору городские власти не могли. Все документы проходили длительный бюрократический путь, что существенно задерживало реализацию многих городских проектов².

Старосте приходилось разбирать множество вопросов – от мошенничества и клеветы до проблем городского благоустройства. Принимать правильное решение помогал жизненный опыт, коммерческая сметка и мужицкая хватка³. Очевидно, именно поэтому на выборах горожане отдавали предпочтение купцам, как наиболее инициативным и активным людям, тем более что должность старосты была почётной, и вознаграждения за неё не полагалось. Городские старосты, без сомнения, были деятельными натурами. Им удавалось сочетать выполнение общественных обязанностей со своей основной, предпринимательской, деятельностью. Немногочисленных городских сборов, разрешённых военным губернатором, было вполне достаточно для покрытия подобных расходов. Более того, в первые годы доходные статьи городских бюджетов настолько превышали расходы, что остаток денежных средств раздавали купцам в качестве кредитов⁴. Но в одиночку старостам было сложно справиться со своими обязанностями, поэтому при них создавались комитеты по устройству городов, комиссии по производству городских работ, в которые входили наиболее уважаемые и авторитетные люди: представители от гражданских и военных ведомств, от купцов и мещан и т. д.⁵ Каждые 3 года по специальному разрешению военного гу-

¹ Российский государственный архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 28. Оп. 1. Д. 1. Л. 135 – 137.

² Чернышёва В., Чечулина Г., Сутурин А. Хабаровск. 1858 – 1983. Очерк истории. Хабаровск, 1983. С. 30.

³ Хисамутдинов А. А. Из Владивостокской старины. Владивосток, 2001. С. 8

⁴ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 1. Л. 86, Л. 70 – 75; Д. 2. Л. 8; Приморский календарь. 1906 год. С. 38 – 39; Бодиско А. М. Указ соч. С. 49, 58.

⁵ Востриков Л. А., Востоков З. В. Хабаровск и хабаровчане. Очерки о прошлом. Хабаровск, 1991. С. 22, Приморский календарь. 1906 год. С. 38; Бодиско А. М. Указ. соч. С. 2 – 4, 11.

бернатора все общественные учреждения, как и старосты, переизбирались. Военные губернаторы разрешили старостам совместно с комиссиями и комитетами распоряжаться городскими землями без права отчуждения, проводить распланировку городов, собирать средства на городские нужды, а также возложили обязанности заботиться о противопожарной безопасности, санитарных нормах и благоустройстве городов¹. Для ведения специальных работ при старостах вводились должности городских архитекторов, врачей, базарных старост, сторожей, фонарщиков и т. д.² Таким образом, общественное управление становилось всё более разветвлённым и разносторонним, что впоследствии существенно облегчило становление городского самоуправления по Городовому положению, так как к моменту появления первых городских дум, горожане уже накопили некоторый опыт общественной деятельности.

С введением общественного управления, жизнь Хабаровки стала постепенно благоустраиваться. На главных улицах возводили деревянные или каменные тротуары, обустроивались общественные места – рынки, набережные. Городские улицы начали освещаться керосиновыми фонарями. В интересах обывателей под контроль города были взяты водовозы. Торговцев водой поставили в такие условия, что им стало невыгодно поднимать цены на свой товар³. Старосты следили и за качеством продовольственных товаров, что было особенно важно, так как в городах часто вспыхивали различные эпидемии⁴. Иван Матвеевич Протодияконов сумел добиться перечисления нескольких процентов из налога с оборота, взимаемого с купцов и промышленников, на покрытие неотложных городских нужд. Из этих средства было выделено 50 руб. на отстрел бродячих и одичавших собак, которые не только совершали нападения на людей, но и представляли другую угрозу для горожан – как распространители бешенства⁵.

Старосты не упускали из внимания и вопросы развития образования. Иван Матвеевич неоднократно пытался решить вопрос об открытии в городе учебного заведения, дающего среднее образование. Отсутствие возможности продолжить учёбу в городе заставляло родителей переезжать ради детей или отправлять своих детей в Иркутск, Томск и другие российские города. В 1881 г. для исправления тяжёлой финансовой ситуации в единственном в Хабаровке Алексеевском

¹ Чернышёва В., Чечулина Г., Сутурин А. Указ. соч. С. 45 – 46.

² Приморский календарь. 1906 год. С. 15 – 16.

³ Востриков Л. А., Востоков З. В. Указ. соч. С. 22.

⁴ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 2. Л. 20.

⁵ Востриков Л. А., Востоков З. В. Указ. соч. С. 18.

училище, открытом осенью 1875 г., И. М. Протодяконов добился передачи его городу. Кроме того, ему удалось, заручившись поддержкой военных губернаторов И. Г. Баранова и М. П. Тихменёва, получать из Иркутска ежегодное пособие на училище¹. При старосте Станиславе Исидоровиче Бахаловиче началось строительство городского двухклассного училища.

Как только общественное управление существенно расширило сферу своей деятельности, городских средств стало не хватать², и в скором времени городской бюджет из профицитного превратился в дефицитный. По примеру других городов России старостам дальневосточных городов пришлось обращаться за помощью к правительству, частным и общественным банкам, и даже к частным лицам³.

Жизнь городов дальневосточной окраины усложнялась, становилась всё более разносторонней и разноплановой. Самоуправление постепенно накапливало опыт, соединяя практику других городов и собственные идеи со спецификой Дальнего Востока. Но инициативы горожан всё чаще наталкивались на препятствия, вызванные ограниченностью общественного управления. В связи с этим нарастало требование обывателей предоставить им более широкие возможности для проявления самостоятельности. С введением Городового положения городское самоуправление перешло на новый, более высокий уровень.

В апреле 1882 г. военный губернатор Приморской области генерал-майор М. П. Тихменёв предписал комиссии по благоустройству Хабаровки представить свои соображения о введении Городового Положения 1870 г. Комиссия под председательством старосты И. М. Протодиаконова подготовила проект, который был направлен генерал-губернатору Восточной Сибири генерал-лейтенанту Д. Г. Анучину. Однако генерал-губернатор отклонил все предложения, сославшись на то, что инициатива создания городского самоуправления должна исходить от общества, а не от местной администрации.

Городской староста в феврале 1885 г. сделал доклад в Приморском областном правлении о преждевременности введения Городового Положения в Хабаровке по причине недостатка избирателей и необходимых средств для содержания городского самоуправления. Но перенесение в 1890 г. областного центра из Хабаровки во Владивосток поставило город в сложную ситуацию – забота о нуждах Хабаровки со стороны административных властей заметно сократилась. Поэтому комиссия по устройству вновь занялась вопросом об организации го-

¹ Там же.

² РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 2. Л. 59; Д. 1. Л. 107 – 108.

³ Там же. Д. 2. Л. 59.

родского общественного управления: «Только Хабаровка остаётся вне сферы деятельности Городового положения, будучи административным центром края, постоянным местом жительства главного его начальника и местом нахождения всех центральных и многих областных управлений, имея достаточный контингент правоголосных избирателей, Хабаровка имеет не менее, если не больше права на применение к ней одной из великих реформ прошлого царствования»¹.

Приамурский генерал-губернатор А. Н. Корф, ознакомившись с разработанным комиссией ходатайством, не посчитал возможным представить его на рассмотрение вышестоящего начальства, поскольку в Государственном Совете шло обсуждение нового Городового положения.

Только в 1892 г. проблема создания нового самоуправления Хабаровки начала постепенно разрешаться. Несомненная заслуга в этом принадлежит военному губернатору Приморской области П. Ф. Унтербергеру. Именно он, получив предложение министра внутренних дел ввести Городовое Положение 1892 г. в городах области, обратился к старосте С. И. Бахаловичу с просьбой подготовить заключение о возможности создания самоуправления в Хабаровке. 12 ноября 1892 г. городской староста телеграфировал П. Ф. Унтербергеру о необходимости введения в Хабаровке Городового Положения в полном объёме с одновременным получением статуса областного города. Окончательно вопрос решился в ноябре 1893 г., когда военный губернатор Приморской области телеграммой из Владивостока назначил выборы городских гласных Хабаровска.

Выборы в первую думу Хабаровска² состоялись 5 декабря 1893 г. Из 7960 горожан избирательные права получили 400 чел., т.е. всего 6 % от общего числа жителей города³. Поскольку городская дума избиралась на основании Городового Положения 1892 г., хабаровские избиратели избежали проблемы формирования трёх избирательных собраний, с которой ранее столкнулись жители небольших городов России.

В первую думу г. Хабаровска были избраны 26 гласных и 3 кандидата⁴. Утром 23 января 1894 г. гласные собрались для избрания исполнительного органа городского самоуправления – управы. До начала заседания, после молебна, гласные принесли присягу⁵.

¹ Приамурские ведомости. 1894. 10 апреля.

² В 1893 г. Хабаровка была переименована в г. Хабаровск по представлению Приамурского генерал-губернатора С. М. Духовского в связи с созданием в ней городского самоуправления.

³ Скрабневская Е. С. Выборы в городские думы на российском Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. // Записки Гродековского музея : вып. 5. Хабаровск, 2003. С. 65.

⁴ Приамурские ведомости. 1894. 16 января, 27 февраля; Приморский календарь 1906 г. С. 41.

⁵ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 6. Л. 4; Д. 39. Л. 33.

Затем староста С. И. Бахалович объявил о начале работы думы. Первый вопрос, поставленный на голосование, касался содержания городского самоуправления. В соответствии с законодательством Российской империи члены городского самоуправления, за исключением городской управы, не получали вознаграждения за свою работу. После бурного обсуждения, затянувшегося на несколько часов, большинством голосов оплата труда городского головы была установлена в размере 2 тыс. руб., членов управы и секретаря – по 1,2 тыс. руб.

При решении второго вопроса – выборы управы – гласные оказались более единодушными. Городским головой заочно избрали известного хабаровского купца Василия Фёдоровича Плюснина. Членами управы стали коллежский секретарь Алексей Александрович Рассушин и титулярный советник Константин Мартимианович Наумов, на которого также возложили обязанности заместителя головы. Кандидатами в члены городской управы были избраны надворный советник Андрей Львович Сухоруков и статский советник Георгий Трофимович Орлов. Должность городского секретаря получил титулярный советник Владимир Николаевич Оводов. Список избранных лиц был направлен на рассмотрение военному губернатору Приморской области, но утверждения не произошло, так как 29 января из Москвы пришла телеграмма от В. Ф. Плюснина, в которой он отказался от должности городского головы¹.

Новые выборы состоялись 2 февраля 1894 г. На заседание под председательством С. И. Бахаловича собрались 19 гласных. Они избрали новым головой военного инженера полковника Владимира Григорьевича Мооро. Кроме того, произошли перестановки в управе: вместо А. Н. Сухорукова, которому канцелярия Приамурского генерал-губернаторства запретила занимать общественную должность, кандидатом стал верхнеудинский мещанин Дмитрий Николаевич Туковиков². Но никто из думских избранников так и не приступил к своим обязанностям.

Военное министерство, на службе которого находился В. Г. Мооро, не решило ему принять обязанности городского головы, В. Н. Оводов попросил освобождения от должности секретаря, так как нашёл более выгодную службу. В такой ситуации пришлось полностью пересмотреть состав городской управы. Окончательный состав исполнительного органа городского самоуправления Хабаровска был определён только 12 февраля 1894 г. Городским головой избрали чиновника Алексея Александровича Рассушина, его заместителем –

¹ Приамурские ведомости. 1894, 30 января.

² Там же. 1894, 6 февраля.

Д. Н. Туговикова, вторым членом управы – коллежского асессора Георгия Ивановича Мурашёва¹. Утверждение списка управы завершило формирование городского самоуправления.

3 апреля 1894 г. в 12 часов дня состоялось торжественное открытие городского управления. На нём присутствовали гласные, представители всех размещённых в городе ведомств, начальники Окружного управления и отдельных частей войск Хабаровского гарнизона. Генералы были в лентах, остальные – в обыкновенной форме. После прибытия генерал-губернатора С. М. Духовского, перед собравшимися с речью выступил протоиерей о. Александр Протодиакон: «Во имя Всевышнего! Слава и благодарение господу Богу! И у нас в Хабаровске утверждено Городовое Положение. Как не порадоваться, как не благодарить начальственных лиц, которые отнеслись к этому делу с полным сочувствием и помогли положить начало новой городской думе. Почтенные граждане города Хабаровска, к вам слово моё! Городской голова и члены управы утверждены, теперь им предстоит нелёгкая задача: поставить дело управления крепко и незыблемо ради пользы государства и общества, помолитесь же братья, чтобы Господь Бог помог им в этом деле, благословил и вразумил их и теперь, и всегда!».

Протоиерей отслужил молебен, окропил всех святой водой и провозгласил многолетие царствующему дому Романовых и Преосвященному Макарию Епископу Камчатскому, Курильскому и Благовещенскому.

По мере представления гласных, членов управы и городского головы А. А. Рассушина генерал-губернатору, С. М. Духовской уделил время каждому, чтобы получить наиболее полное представление обо всём составе городского самоуправления. После знакомства главный начальник Приамурского края поблагодарил старосту С. И. Бахаловича за его семилетнюю общественную деятельность и обратился ко всем со словами поздравления: «Поздравляю вас, господа, с открытием нового Городового Положения. Сорок лет назад, когда в здешней местности почти не было признаков жизни, впервые показались на Амуре плоты и ладьи русского воинства во главе с генералом Н. Н. Муравьёвым, впоследствии графом Амурским. В одно из своих посещений здешних высот, где теперь стоит его памятник, генерал Муравьёв высказал: “Здесь быть со временем большому городу!” И, действительно, вскоре началось заселение пункта, названного именем одного из предприимчивых наших казаков, Хабарова. Сначала образовался военный пост, военная штаб-квартира, затем показалось посе-

¹ Там же. 1894, 13, 27 февраля.

ление, впоследствии явилась губернаторская резиденция, а с 1884 г. и генерал-губернаторская. С сегодняшнего дня Хабаровка становится городом наряду со всеми давно устроенными городами Российской Империи... В тот же период времени были случаи (как, например, в Америке) роста городов несравненно более быстрого. Но рост Хабаровки шёл и идёт при своеобразных условиях. Девизом нашей деятельности на Амуре служит: “Россия для русских”. Если бы настужь растворить двери выходцам со всего мира – здесь всё бы скоро переменилось, но куда бы затем это привело здешний край? Из нашей же необъятной пространством России выходцам доходить сюда пока очень трудно. Хабаровка находилась как раз там, куда не могли доходить ни переселенцы, двигавшиеся сухопутно через всю Сибирь, ни привозимые морем в Южно-Уссурийский край. Поневоле Хабаровка оставалась квартирой для служащих... Ныне открытие города счастливо совпадает с началом Графско-Хабаровской линии железной дороги и вместе с железной дорогой можем ожидать, в виде вспомогательных к ней мер правительства, доведение переселенческого дела до здешних мест; это даёт надежду что в будущем, кроме места пребывания для служащих, Хабаровск станет центром местной экономической жизни, соответствующей выгодному его географическому расположению при слиянии двух наших больших рек... На ближайшей очереди Хабаровску приходится подумать о подготовке себя к роли удобного и лёгкого перегрузочного пункта для грузов, имеющих приходить из Владивостока по железной дороге для следования далее водой и обратно, а впоследствии и для прибывающих водой из Николаевска для следования далее железной дорогой и обратно. Рекомендую новому управлению на первых же порах остановиться на своевременном приготовлении города к этой роли, ибо тормоз в перегрузках будет и тормозом всего грузового движения. Вообще, будущность Хабаровска много зависит от вашей, господа, умелой деятельности. Желаю вам приложить все старания, всё умение, всю энергию, не оставляя девиза “Россия для русских”, желаю вам успехов и того, чтобы слова генерала Муравьёва “здесь быть со временем большому городу” осуществились возможно скорее и полнее»¹.

В тот же день городской голова отправил телеграмму военному губернатору Приморской области о состоявшемся торжественном открытии городского самоуправления. В ответной телеграмме военный губернатор написал: «Прошу

¹ Там же. 1894, 10 апреля; Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2644. Л. 31, 32.

принять и передать всему городскому обществу моё поздравление с введением нового городского положения. Желаю городу всякого преуспеяния».

Так торжественно и празднично началась история хабаровского городского самоуправления. Дума рассматривала подлежащие её ведению дела по предложению городского головы, управы, органов администрации, а также по просьбам и жалобам частных лиц. Расписание заседаний думы составлялось гласными на год, их сроки утверждались военным губернатором. Внутреннее делопроизводство дума определяла сама, но при этом она обязывалась соблюдать правила о порядке производства дел в земских, дворянских и городских общественных и сословных собраниях. Вопросы, вынесенные на рассмотрение, представлялись губернатору и рассылались гласным перед каждым очередным собранием думы¹.

На сентябрьских заседаниях заслушивали годовой отчёт о деятельности управы, на ноябрьских гласные обсуждали проект городского бюджета на предстоящий год. Все доходы и расходы города с подробными комментариями отражались в смете. Анализ городских смет и ежегодных отчётов хабаровской управы позволяет сделать вывод, что статьи на медицинские, санитарные и образовательные нужды исполнялись полностью. Что касается так называемых «обязательных» расходов (содержание городского управления, общественных зданий, пособия разным учреждениям и ведомствам, расходы на полицию, отопление и освещение тюрем, воинский постой), то на них городская дума не всегда выделяла запланированные средства в полном объёме². Кроме городского бюджета к предметам ведения думы было отнесено принятие мер по развитию торговли, промышленности, кредитного, биржевого дела, здравоохранения, образования, благоустройства, санитарного состояния и др. В связи с развитием городского хозяйства, эволюцией городского населения и усложнением его социальной структуры была расширена деятельность города по воспитанию нравственности и религиозности городского населения³.

В начале XX века для оптимизации деятельности думы управа разработала инструкцию, регламентировавшую процедуру заседания. В соответствии с ней в начале каждого заседания председатель зачитывал перечень всех вопросов, вы-

¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Т. XII. СПб., 1895. С. 441.

² Отчёт Хабаровской городской управы о исполнении сметы за 1908 год. Хабаровск, 1909; Отчёт Хабаровской городской управы за 1909 год. Хабаровск, 1910; Отчёт Хабаровской городской управы за 1910 год. Хабаровск, 1911; Хабаровская городская управа. Общий свод по исполнению сметы доходов и расходов по городу Хабаровску за 1910 год. Хабаровск, 1911; Отчёт Хабаровской городской управы за 1911 год. Хабаровск, 1912.

³ ПСЗ РИ. Т. XII. СПб., 1895. С. 440.

несенных на обсуждение. Каждый вопрос повестки заседания выносился вместе с докладами комиссий, которые занимались его разработкой, и заключением управы. Гласные, изъявившие желание принять участие в обсуждении предложенного вопроса, записывались в очередь, подавая записки или поднимаясь со своего места. Прения по проблеме прекращались после того, как высказывались все желающие, либо после принятия гласными постановления, что вопрос исчерпан. Право формулировки постановления принадлежало председателю думы. Решение принималось голосованием.

Надзор за деятельностью городской управы по закону принадлежал не каждому гласному в отдельности, а всей думе в целом. Рассматривать документы управы имели право только уполномоченные на это думой гласные, а также гласные, избранные думой для рассмотрения сложных дел и гласные, входившие в состав подготовительных и ревизионных комиссий¹.

Всей текущей работой управы руководил городской голова. Дела, подлежащие коллегиальному обсуждению, управа решала большинством голосов². Во время думских заседаний члены управы сидели отдельно от остальных гласных за одним столом с председателем. Как правило, рядом ставили дополнительный стол – для заведующих городскими отделами, вопросы которых подлежали рассмотрению.

Первое время городской голова, занимая руководящее место в управе, выполнял также обязанности председателя думы. Это позволяло лучше координировать работу органов городского самоуправления, поскольку в одних руках были сосредоточены функции председателя управы – исполнительного органа – и думы – распорядительного. Властные функции городского головы в качестве председателя думы были весьма значительны. Он мог лишить гласного слова, запретить обсуждение внесённого предложения, не допустить присутствия (или удалить) посторонних, закрыть собрание и т.д. Злоупотребление головы своими правами могло привести к обострению обстановки в думе³. Кроме того, такая практика в некоторой степени мешала демократизации самого института самоуправления. По справедливому замечанию современников, в таких условиях существовала возможность препятствовать критике действий управы. Позднее был

¹ Мышь М. И. Городовое Положение 11 июня 1892 года с относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями. Петроград, 1915. С. 1232.

² ПСЗ РИ. Т. XII. СПб., 1895. С. 442.

³ Мышь М. И. Указ соч. С. 1230.

принят более целесообразный порядок избрания гласными председателя из своей среды¹.

В соответствии с действовавшим законодательством хабаровская дума разрабатывала обязательные для всех горожан постановления, регламентировавшие наиболее важные стороны городской жизни – о мощении улиц, строительстве домов и их нумерации, использовании колодцев, профилактических мерах и пр. Для придания постановлению законной силы требовалось, чтобы его поддержало большинство гласных. Обнародовать такое постановление можно было только после разрешения губернатора². Следует отметить, что Дума была вынуждена согласовывать с военным губернатором каждое своё решение: расписание заседаний городских дум, избрание должностных лиц, принятие смет, создание городских комиссий, проведение благотворительных акций и т. д. Без разрешения представителей царской власти дума не имела права распоряжаться городскими землями, проводить распланировку города, создавать пожарные команды, собирать средства на городские нужды и т.д. Голова был обязан предоставлять военному губернатору список вопросов, намеченных к обсуждению на очередном заседании думы, копии её постановлений, сообщать о переносах заседаний с указанием причины. Центральная и местная администрации возлагали на городскую думу обязанности, касавшиеся не только устройства городской жизни (забота о противопожарной безопасности, санитарных нормах, благоустройстве), но и направленные на удовлетворение государственных нужд за счёт местного населения: предоставление и содержание полицейских помещений, квартир для военнослужащих, выделение денежных средств для дозорных и т.д.³

Решение важных для городов проблем – строительство богаделен, приютов, ночлежек, школ – затягивалось также из-за столкновения потребностей города с ведомственными интересами. Только после долгой тяжбы с Амурским обществом пароходства и торговли Хабаровск отстоял своё право распоряжаться набережными и бечевниками на Амуре⁴. Подобные явления сковывали инициативу города, что вызывало справедливое разочарование городских обывателей.

¹ Приамурские ведомости. 1894. 18 декабря; РГИА ДВ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 52. Л. 27, 33.

² ПСЗ РИ. Т. XLV. СПб., 1874. С. 832; РГИА ДВ. Ф. 28. оп. 2. Д. 8. Ч. I. Л. 82.

³ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 7а. Л. 5; Приморский календарь. 1906 год... С. 38; Бодиско А. М. Указ. соч. С. 2 – 4, 11; Чернышёва В., Чечулина Г., Сутурин А. Указ. соч. С. 45 – 46; Востриков Л. А., Востоков З. В. Указ. соч. С. 22.

⁴ РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 5. Д. 268. Л. 106 – 107; Ф. 702. Оп. 2. Д. 725. Л. 2, 3, 7, 58, 71, 83; Оп. 3. Д. 104. Л. 11 – 15; Ф. 28. Оп. 1. Д. 305. Л. 45; Д. 937. Л. 2, 6; Ф. 159. Оп. 1. Д. 39. Л. 9; Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 849. Оп. 1. Д. 73. Л. 6.

С первых дней своего существования городское самоуправление Хабаровска столкнулось с проблемой, носившей общероссийский характер – отсутствием кворума на заседаниях думы. Городовое Положение 1892 г. определило необходимое количество гласных для кворума: не менее половины общего числа для городов, где число гласных не превышало 40 человек, и не менее одной трети гласных для остальных. Гласные Хабаровска были наиболее добросовестными, когда к работе приступал новый состав думы. Постепенно активность городских избранных снижалась, и на заседаниях последнего года исполнения общественных обязанностей численность гласных часто не превышала 1/3. Такое количество гласных не позволяло заниматься решением вопросов, вынесенных на обсуждение, из-за чего заседания переносились на более поздние сроки. Но отсрочка также не гарантировала наличия необходимого числа гласных, созванных в другой срок. Всё это затягивало принятие важных решений. Кроме того, гласные, которые стремились добросовестно исполнять свой общественный долг, фактически отстранялись от участия в управлении, поскольку, в соответствии с законом, вопрос, вынесенный на повестку дня в городскую думу повторно и не рассмотренный из-за несостоявшегося заседания, решался городской управой¹.

Таким образом, нарушался принцип коллегиальности, появлялась возможность принятия кулуарных решений в интересах ограниченного круга лиц. Хабаровская дума принимала постановления о различных наказаниях для «прогульщиков», исключала из своего состава наиболее злостных из них. Но ни эти меры, ни прямые запреты пропусков заседаний без уважительных причин, установленных Городовым Положением, не могли заставить гласных приходить на все собрания городской думы.

Для выполнения определённых задач по решению думы гласные входили в состав городских комиссий. По срокам действия они были временные и постоянные. Первые, как правило, назначались для разрешения какой-либо отдельной проблемы: продовольственной, размещения беженцев, призрения семей нижних чинов, мобилизованных в армию, проведения дороги, обследования городских предприятий, принятия мер к удешевлению цен на хлеб, составления проекта правил о переоценке недвижимых имуществ, составления проекта инструкций городской управе и т. д. Комиссии по народному образованию, здравоохранению, благоустройству, санитарные, строительные, ревизионные и т. п. действо-

¹ РГИА ДВ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 52. Л. 17, 18, 20.

вали постоянно¹. Формирование многочисленных городских комиссий наглядно демонстрировало основные направления деятельности хабаровского самоуправления: планировка и благоустройство города, обеспечение санитарно-гигиенических норм, профилактика заболеваний, борьба с эпидемиями и эпизоотиями, создание системы противопожарной безопасности, организация работы учреждений образования и здравоохранения, обеспечение населения продовольственными и промышленными товарами, благотворительность, организация общественных работ, размещение новоприбывших, решение вопросов освещения и водоснабжения, контроль торговых и промышленных предприятий, организация культурного досуга горожан и пр.

По роду деятельности городские комиссии подразделялись на подготовительные и исполнительные. Первые занимались предварительным рассмотрением поставленной проблемы, собирали необходимые документы, консультировались с городским юристом, т. е. выполняли подготовительную работу, о которой отчитывались на заседаниях городской управы и думы. Исполнительные комиссии начинали действовать после того, как дума принимала постановление о проведении конкретных мероприятий. Такая специализация, несомненно, создала для городской управы дополнительные трудности в управлении, но в то же время она способствовала более детальной и последовательной реализации замыслов общественного самоуправления.

В начале XX века общественное управление Хабаровска представляло довольно разветвленную систему, состоявшую из управы и многочисленных комитетов и комиссий: лесной отдел, землемерный отдел, врачебно-санитарная часть, телефонный отдел, технико-строительная комиссия, земельная комиссия, финансовая комиссия, оценочная комиссия, ревизионная комиссия, больничная комиссия, комиссия по призрению бедных, комиссия по народному образованию, по благоустройству новых частей города, библиотечный комитет, собственные канцелярия, бухгалтерия и юрисконсульт. Кроме того, в ведении города находились городская пристань, городская бойня, пожарная команда, ассенизационный обоз и пр.

Городские думы, решая повседневные проблемы жизни города, стремились соответствовать требованиям, возложенным на местное самоуправление россий-

¹ РГИА ДВ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 52. Л. 37 – 40; Памятная книжка Приморской области на 1911 год. Издание Приморского областного статистического комитета. Владивосток, 1911. С. 26 – 28, 50 – 55, 61, 62, 67 – 69, Памятная книжка Приморской области на 1908 г. Владивосток, 1907. С. 121 – 122.

ским законодательством и потребностями общества, хотя порой в оценке деятельности органов самоуправления Хабаровска современники были чрезмерно строги. Действительно, противоречивый процесс становления органов городской власти был усложнён региональной спецификой – малоосвоенностью и малооселённостью территории, на которой оно создавалось, значительной удалённостью от центра, наличием пограничных проблем, своеобразием административного управления и т. д. Не успевала дума добиться разрешения одних вопросов, как жизнь ставила новые. Первая мировая война потребовала от Дальнего Востока участия в решении общегосударственных задач: проведение мобилизаций, заготовка продовольствия и снаряжения для армии, организация приёма беженцев, помощь солдатским семьям, сбор пожертвований и т. п. В таких условиях хабаровская дума не всегда своевременно реагировало на растущие потребности горожан: размещение переселенцев, распланировку городских улиц и наведение порядка на них, формирование пожарных обозов, борьба с эпидемиями и т. д.

Тем не менее, начиная с последней трети XIX века, в жизни города произошли серьёзные позитивные изменения, и этим переменам горожане в значительной степени были обязаны самоуправлению. К 1917 г. Хабаровск стал одним из наиболее значительных городов России на Дальнем Востоке и играл значительную роль в экономической, политической и культурной жизни региона.

Часть 2

Философия

С. В. Гончарова

«БУДУЩЕЕ – ЭТО МЫ ...» или РАССУЖДЕНИЯ СТУДЕНТОВ О БУДУЩЕМ

Традиция обращённости к будущему как закономерному этапу развития человека и человечества относится к эпохе античности. Философия Древнего мира учит нас, что всё живое на Земле проходит циклы рождения, молодости, зрелости и старости. А затем наступают смерть и вновь рождение. Всю историю человечества пронизывают различные предсказания будущего. Повышенный интерес к грядущим социальным переменам, изменениям в различных сферах общественной жизни наиболее ярко проявляется в кризисные периоды его развития. По мнению В. С. Стёпина, в жизни общества периодически возникают такие состояния, когда оно уже не может ответить на исторические вызовы, сохраняя прежний уклад жизни, когда ранее сложившиеся ценностные ориентиры не способны обеспечить сцепление и взаимодействие новых и традиционных видов и способов деятельности, поведения и общения людей¹. В эпоху кризиса личный опыт большинства людей уже не согласуется с общепринятыми нравственными нормами. Они не знают, что взять из прошлого, что адресовать будущему, чему учить детей, на какие образцы поведения и деятельности ориентироваться.

Интерес к будущему в настоящее время во многом связан со стремительным технологическим прогрессом, обострением глобальных кризисов, разрушением системы мировоззренческих ориентиров прошлого, ценностей настоящего. «Всё отчетливее, – считает В. С. Стёпин, – возникает проблема новой стратегии человеческой жизнедеятельности. Речь идёт о поиске нового типа цивилизационного развития»². Обострение общечеловеческих проблем, связанных с развитием культуры и цивилизации в XX веке акцентирует внимание учёных на проблемах будущего, его реальности и перспективах.

¹ Стёпин В. С. Конструктивные и прогностические функции философии (Доклад на XXII Всемирном философском конгрессе. Сеул, Южная Корея) / http://iph.ras.ru/uplfile/root/stepin/funksii_filosofii.pdf.

² Там же.

Выполняя прогностическую функцию, философия не только занимает особое место в сфере изучения будущего материи, сознания, познавательных процессов, тенденций развития человека, природы и общества, но и привлекает способностью прогнозировать, выдвигать гипотезы. Принято считать, что исследование будущего, составление социальных прогнозов и выявление перспектив развития человечества, стало за последние три – четыре десятилетия относительно самостоятельным междисциплинарным направлением в науке, что вызвано реальной потребностью современного общества¹. Между тем, исследования будущего имеют свою историю.

Научное прогнозирование начало формироваться на рубеже XIX – XX веков, объединив учёных и писателей-фантастов (Г. Эрманн, Г. де Молинали, Г. Уэллс и др). Во многом их работы, связанные с кризисом классической науки, послужили основой для развития прогностических традиции философии в трудах Н. Ф. Фёдорова, В. И. Вернадского, К. Э. Циолковского, А. П. Сорокина, Л. А. Чижевского, Н. Д. Кондратьева, Э. Леруа, П. Тейяр де Шардена и мн. др. Эти выдающиеся учёные разработали концепцию «ноосферы» (сферы разума), которая впервые вывела исследование будущего на новый уровень, на изучение глобальных проблем.

Стремительное развитие науки и техники, новейшие технологии начала XX века позволили поднять исследования на совершенно новый уровень, заложив основы научного прогнозирования. В 1920-х годах в работах ряда советских экономистов, в частности, В. А. Базарова-Руднева была создана концепция «технологического прогнозирования», в которой рассматривалась вероятностная оценка возможных – ожидаемых и желательных – последствий намечаемых плановых и иных решений. Позднее, в 1950-е – 1960-е годы к таким же теоретическим выводам и проблемно-целевому подходу в изучении будущего пришли зарубежные футурологи² (О. Гелмер, Т. Гордон, Д. Белл, Б. де Жувенель и др.). В центре внимания учёных было исследование тенденций возможных проблем и поиск путей их решения.

Выделяют следующие этапы в развитии современных исследований будущего.

Первый этап (1950 – 1970 гг.) во многом связан с предшествующим историческим периодом, когда происходило формирование предметного поля футу-

¹ Фролов И. Т. Введение в философию: учебное пособие для высших учебных заведений. М., 2007. С.211.

² Футурология (лат. *futurum* – будущее и греч. *λόγος* — учение) — прогнозирование будущего на основе использования, преимущественно, метода экстраполяции существующих технологических, экономических или социальных тенденций.

рологии, как узкоспециализированного исследования, основанного на проблемно-целевом подходе. Этот метод позволил проследить ход развития проблемы в будущем и выявлять наиболее общие тенденции, а также причины возникновения проблем. Теоретически проверка любой гипотезы осуществлялась мысленным моделированием ситуации в будущем. В этот период в научный оборот была введена концепция научно-технической революции (Дж. Бернал, Н. Винер). Основные работы учёных (Р. Юнгк, Т. Гордон, О. Гелмер, Б. де Жувенель, Д. Белл, Э. Янч, О. Флехтгейм, Г. Кан, Дж. МакГейл, Ф. Полак, И. Галтунг, А. Печчеи, А. Тоффлер и др.) посвящены становлению современного технологического прогнозирования, развитию теории, методологии и технологии поисковых и нормативных прогнозов.

Выделение второго этапа (1972 – 1980 гг.) основано на результатах деятельности Римского клуба¹, открытии и становлении глобалистики² как нового особого направления в исследовании будущего. В центре внимания учёных были анализ и перспективы развития глобальных проблем современности. К тому же времени относят и возникновение альтернативистики³: поиска возможных альтернативных вариантов развития существующей цивилизации и способов преодоления кризисного состояния современного общества. В этот период в своих работах исследователи (Д. Медоуз, Г. Гендерсон, М. Фергюсон, Л. Броун и др.) делают акцент на радикальной переориентации экономики и политики, на необходимости перехода к оптимальному сочетанию критериев экономики и экологии, к качественно иному образу жизни общества, включая полное переосмысление сущности научно-технического прогресса.

Третий период, сложившийся в 1982 – 1990 гг., не характеризуется качественно новым уровнем исследований и во многом опирается на достижения

¹ Римский клуб – международная общественная организация, объединяющая представителей мировой политической, финансовой, культурной и научной элиты. Организация внесла значительный вклад в изучение перспектив развития биосферы и пропаганду идеи гармонизации отношений человека и природы.

² Глобалистика – совокупность научных исследований, направленных на выявление сущности глобальных проблем, или проблем, затрагивающих интересы человечества в целом и каждого отдельного человека, и поиск путей их преодоления. В более широком смысле термин употребляется для обозначения междисциплинарной области философских, политологических, социальных и культурологических исследований различных аспектов глобальных проблем, включая полученные результаты, а также практическую деятельность по их реализации как на уровне отдельных государств, так и в международном масштабе.

³ Альтернативистика – отрасль исследования будущего, охватывающая возможные пути перехода от существующей к альтернативной мировой цивилизации, способной преодолеть глобальные проблемы современности.

предыдущих периодов, без ярких событий и новых идей. Это положение сохраняется и в настоящее время¹.

К сожалению, классификация этапов, предложенная И. В. Бестужевым-Ладой, включает работы лишь западноевропейских учёных и не рассматривает философско-эзотерические традиции Востока. В частности, согласно учению Ошо², одного из современных религиозно-мистических практиков, создать будущее невозможно. «Будущее означает то, чего ещё нет; организовать его нельзя. Будущее остаётся неорганизованным, будущее остаётся открытым. Будущее – это чистая потенциальность; пока оно не случится, нельзя быть в нём уверенным»³. Возможность дальнейшего развития человечества этот мыслитель видел, прежде всего, в распространении среди людей Востока и Запада идеи полного освобождения личности и от всякого влияния на неё факторов идеологии, культуры, морали⁴.

Вместе с тем, несмотря на различные подходы в исследовании перспектив развития, большинство учёных признают, что будущее властно вторгается в повседневную жизнь общества и каждого из нас в настоящем. Будущее самым непосредственным образом воздействует на настоящее во всех сферах: экономике, политике, культуре, образовании.

Сегодня возросший интерес людей к своему непосредственному, обозримому и даже отдалённому будущему связывают, в первую очередь, со стремительными темпами исторических изменений. Ускорение темпов истории, с точки зрения выдающегося историка Б. С. Поршнева, неизбежно сопровождается тем, что будущее будет значительно отличаться от настоящего и тем более от прошлого. Динамика изменений, наблюдаемых каждый день человеком, в значительной мере определяет его интерес к будущему, с которым связывают не только осуществление своих планов, ожиданий, идеалов, но и опасения.

В значительной мере эти настроения нашли отражение в студенческих творческих работах, небольших эссе по философии на тему: «Реальность будущего».

Будущее, действительно, волнует молодых людей: смогут ли они реализовать себя, состояться в профессии, создать семью и свой собственный мир. Сту-

¹Бестужев-Лада И. В. Исследования будущего : проблемы и решения // URL : /http://futuroligija.ru/bibl/bestuzhev-lada-i-v-issledovaniya-budushhego-problemy-i-resheniya/.

² Чáндра Мóхан Джéин (1931 – 1990 гг.) с начала 1970-х более известен как Бхагвáн Шри Раджнiш и позднее как Óшо – известный неоиндуистский гуру и мистик, выступающий с критикой традиционных религий.

³ Ошо. Осознанность // URL: <http://magic-life.com.ua/info/books/1152-osho-osoznanost>.

⁴ Соколов Н. Ошо : по ту сторону морали // URL : <http://www.orient.rsl.ru/assets/files/food/102-osho.pdf>.

денты в целом склонны высоко оценивать свои личные шансы относительно грядущих жизненных событий. Большинство из них видит будущее достаточно оптимистичным, задумываются о путях достижения желаемого.

Божок Антон: «Мне близка мысль о том, что будущее – это постоянное проецирование человека. То есть каждый человек сам творит свой проект, он выбирает тех людей, которых хочет выбрать, попадает именно в те ситуации, которые ему нужны. А идея свободы, которая дана каждому человеку первоначально, ещё раз подтверждает, что будущее – это свободная воля человека. По Сартру, человек тяготится свободой, поскольку это неоправданность своих поступков. И действительно, самое страшное – это осознавать, что кроме тебя никто ничего не делает: нет судьбы, нет Бога, нет закона. Но чувствовать себя одиноким и потерянным не хочется, это единственное, с чем трудно смириться в философии экзистенциализма. Я считаю, что будущее реально. Потому что моё будущее зависит только от меня и моих идей. Моё будущее станет отражением моей личности, моей свободы».

Разуваева Ирина: «Если будущее не реально, зачем тогда мечтать? У каждого из нас есть цели, мечты, всё это для того, чтобы существовать, ведь без целей и желаний человек – это лишь вертикальная лужа».

Емельянов Владимир: «На мой взгляд, будущее реально, если в настоящее время заложить основу, фундамент для будущего, то оно обязательно будет».

Большая часть студентов демонстрируют позитивное отношение к избранной профессии, формулируют собственные представления о проектировании своего будущего. Созданный ими образ будущего реалистичен и свидетельствует о достаточно ясном видении личных перспектив.

Голованов Сергей: «На будущее возлагают огромные надежды, и жить без будущего, значит, не жить совсем. По моему мнению, я нахожусь на такой стадии своей жизни, которую можно назвать строительством будущего. Окончив школу, каждый из нас идёт учиться в какое-либо другое заведение, получая тем самым профессию. Выбор одной из множества профессий можно назвать фундаментом, в строительстве будущего... Помимо личного будущего, мы все вместе строим общее будущее нашей планеты».

Волкова Маргарита: «Каждое “завтра” для нас – будущее, и ведь оно наступает, а “сегодня” становится “вчера”... Мы не знаем, что ожидает нас завтра, но мы можем правильно распорядиться временем сегодня: найти друзей, спутника жизни, получить образование, не совершать поступки, за которые нам

в будущем будет стыдно. То есть, сегодня сделать всё возможное для своего хорошего будущего».

Абасов Сергей: «Приходило ли нам когда-либо в голову, что мы – художники своей собственной жизни? Задумывались ли мы всерьёз над тем, что человек, который больше всего влияет на нашу жизнь – это мы сами? Только от нас зависит, какие краски вы выберете для полотна своей жизни... Именно сегодня и сейчас мы определяем, что с нами будет завтра. Иными словами, настоящее определяет наше будущее».

Торопкина Екатерина: «Будущее реально, если верить в него. Каждый человек должен задумываться о будущем, ставить правильные цели, строить планы, которые будут приносить благо не только самому себе, но и обществу».

Многие студенты проявили обеспокоенность не только реальностью собственного, индивидуального будущего, но и судьбой планеты и человечества в целом. Во многом, идею общественного прогресса они связали с необходимостью пересмотра ценностной иерархии, существующей сегодня в обществе. Принципиальное изменение моральных норм и гуманизация отношений рассматриваются молодыми людьми как необходимое условие дальнейшего успешного развития цивилизации.

Скворцова Ксения: «Будущее напрямую зависит от самих людей. В век быстрого развития технологий необходимо научиться применять достижения с умом. Переработка без ущерба для природы продуктов всех естественных процессов и продуктов жизнедеятельности, несомненно, очистит окружающую природу. Значит, вернётся жизнь в местах, где когда-то она была загублена. Все меры, направленные на улучшение экологической обстановки, увеличат шанс на будущее планеты, а значит и наше будущее».

Власенко Снежана: «Будущее – это инерция, действие прошлого. Время как категория реально, значит и будущее реально. “Реально” значит, будет явлено или уже явилось. Будущее – это дальнейшее восхождение общества на новые ступени исторического процесса... В нашем мире всё развивается, и человек может совершенствоваться до бесконечности. Поэтому пока мы развиваемся, совершенствуемся, строим планы и живём – у нас есть будущее, и оно реально».

Часть студентов рассматривает грядущее как потенциальные события, которые могут свершиться или не свершиться, могут проявиться прямо сейчас или вообще никогда не произойти.

Пильщиков Никита: «Будущее – это время, которое ещё не наступило, а время идёт постоянно. Всё в нашем мире имеет конец, но конец чего-то одного

это начало другого, поэтому время бесконечно. Но будущее можно рассматривать не только как время, а как события, которые должны будут произойти... Некоторые события уже предопределены. Я верю, что они произойдут, поэтому с этой точки зрения будущее тоже реально, события реальны, также как и время».

Лоншакова Дарья: «Будущее – это множество событий, которые ещё не произошли, но произойдут. Будущее – это великая тайна, вечная загадка, которую нельзя разгадать, но можно предвидеть. Будущее, в отличие от прошлого и настоящего, неизвестно. Человек сам творит своё будущее, его действия определяют то, что случится с ним в дальнейшем».

Реалии современного мира: кризисы, глобальные проблемы, не гарантированность существования человека, страх перед завтрашним днем, порождают пессимистические настроения среди молодёжи.

Кашук Олег: «Многие люди задаются вопросом: “Реально ли будущее, какое место займём мы в нём, и что случится, когда нас не станет?” Будет ли иметь место в будущем человек?.. Я считаю, что самый важный фактор в существовании будущего у людей – случай, но будет ли он счастливым или нет, никто не знает».

Рахвалов Артём: «Будущее будет, но не такое радужное и светлое, как мы хотели бы себе представить. Люди озлоблены, пытаются из всего извлекать пользу, зарабатывая на всём что можно и нельзя, переступают человеческие жизни, разрушают природу. Сейчас мир стал обманчивым, каждый сам за себя, каждый сам себе».

Толстокулакова Анна: «Я считаю, что будущее человечества не реально, потому что люди сами себя истребляют... Мы должны признать, что мир катится в никуда и только люди в силах остановить это движение в бездну».

Рассматривая будущее, философия намечает новые пути социального развития. Её теоретические исследования, направлены на конструирование новых категориальных смыслов культуры, иной иерархии ценностей. «Генерируя теоретическое ядро нового мировоззрения, философия тем самым вводит новые представления о желательном образе жизни, который предлагает человечеству»¹.

Сиротин Егор: «Открыв новые горизонты, испытав новые чувства, о которых я раньше только мечтал, я поставил себе новые цели, которые заставляют меня жить!.. Даже когда нападает грусть, когда появляются мысли о том, что будущее нереально, я вспоминаю о том, что уже есть. Неужели всё было зря? Вряд

¹ Стёпин В. С. Указ. соч.

ли. Я вспоминаю о тех, кто рядом, и я чувствую ответственность за их жизнь. Ведь они помогают мне жить, значит, и я должен буду отвечать взаимностью».

Коробейникова Екатерина: «Будущее – это мы. Оно живёт в нашем сознании, поэтому оно возможно... Будущее происходит каждую минуту нашей жизни».

Маркова Юлия: «Будущее существует. Существует, пока существуют любовь и дружба, существует зависть и ненависть, человек совершает ошибки, мечтает, строит планы, хочет, что бы каждое завтра было лучше, чем сегодня».

Будущее, как и прошлое, реально существуют лишь в настоящем. Прошлое во многом существует в виде наследия предшествовавших поколений в материальной и духовной культуре человечества. Будущее в основном проявляется в социальных идеалах, в мечтах, надеждах и опасениях, которые на него возлагают современное поколение людей.

Реальность будущего во многом зависит от реализации тех возможностей, которые существуют в современном мире и которые со временем появятся. Его становление определяется не только действительными обстоятельствами – имеющимся экономическими и интеллектуальными ресурсами, объективными закономерностями и тенденциями развития общества, но и результатом разноплановой деятельности людей. Основой, которой является свобода творческой мысли, способствующая наиболее полному раскрытию потенциала человека. По мнению большинства учёных, именно от деятельности, мировоззренческой позиции и личностных качеств ныне живущих поколений зависит будущее человечества.

Г. М. Конобеев

ФИЛОСОФИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И КРИЗИСА

Философия недумания отходит в прошлое, мы начинаем понимать, что источники опасности находятся скорее внутри нас, чем во внешнем мире, и что усилия непрерывного самоисследования и созерцания существенно важны для окончательного выживания.

М. С. Пек

В формировании и развитии человечества можно условно выделить два этапа: этап формирования Homo sapiens и этап его культурно-исторического

развития (культурно-исторического самоутверждения на планете). Культуру и историю создаёт уже Homo sapiens – Человек разумный. То, что было до его возникновения, – многомиллионный и даже многомиллиардный период возникновения и эволюция жизни от её простейших до наиболее совершенных и организованных форм – с большим трудом прослеживается и осмысливается современным научно-рациональным познанием, полно загадок и, видимо, никогда не породит единой, общепринятой формы объяснения. Возникнув, культура становится способом жизнедеятельности человечества, а развитие культуры – способом её существования в мире. Культура (как и всё в мироздании) не может существовать, не подвергаясь изменениям, не развиваясь. В ходе философских дискуссий неоднократно высказывалась заслуживающая внимания гипотеза о существовании универсального, «космического» закона – *Закона развития*, утверждающего: то, что не развивается, неизбежно истощается, деградирует и умирает. Так человек (личность), не развиваясь умственно или в своей способности любить и творить, умирает как мыслящее, любящее и творческое существо (творческая индивидуальность). На своём жизненном пути каждый из нас встречал немало людей «умерших» интеллектуально, творчески или в своей способности любить.

Развитие культуры во времени носит название *культурно-исторического процесса*. Этот процесс, на наш взгляд, реализуется в трёх основных направлениях: создании материализованных ценностей, формировании общественных (человеческих) отношений и развитии самого человека – личности, социальных и национальных общностей, человечества в целом (см. рисунок 1).

Рисунок 1. Содержание культурно-исторического процесса

Первое воплощение культурно-исторического процесса – создание материализованных ценностей культуры – есть сфера общественного производства, в том числе, материального, идейно-теоретического, художественно-эстетического. Сфера общественных отношений функционирует благодаря вырабатываемым обществом социальным нормам и создаваемым в соответствии с требованиями

времени социальным институтам. Хотя роль первых двух направлений культурно-исторического процесса – материализованной (опредмеченной) культуры и сформированных и достигнутых общественных отношений – весьма значима как для данной, так и заимствующих её других локальных (национальных и исторических) культур, именно *третье направление является ключевым, определяющим в культурно-исторический процесс*. Если бы кому-то вздумалось уничтожить ту или иную национальную культуру или культуру планетарную, удар следовало бы нанести по человеку. Все другие выражения и грани культуры были бы уничтожены автоматически. Это подтверждается ходом истории – процессом вырождения и гибели многих великих цивилизаций прошлого. Изменения зарождались в людях, сначала в отдельных индивидах, а затем в широких слоях населения: угасала «пассионарность», цивилизации гибли под натиском внешних завоевателей, прежде всего, по внутренним причинам. Некому было отстаивать и защищать их достижения (ценности) и культурное своеобразие. Психодуховная деградация современных россиян в этой связи вызывает тревогу за судьбу российско-православной (или точнее, российско-поликонфессиональной) цивилизации и заставляет внимательнее посмотреть на происходящие в их сознании изменения.

Философия – самосознание культуры

Если культура как созданная человеком «вторая природа» (в русле «первой»), обеспечивающая его существование и (надбиологическое) развитие, выступает *самосознанием человечества* (прежде всего, благодаря развитию самого человека), то философия выступает уже *самосознанием культуры*. В самом деле, культура формирует четыре основные формы познания человеком мира и самого себя: искусство, религию, философию и науку. (Миф, на наш взгляд, следует отнести к единой *религиозно-мифологической форме* познания и отражения мира). Из этих четырёх форм, по нашему мнению, только философия может претендовать одновременно на рациональность, всеохватность и глубину познания.

Что позволяет философии осуществить всеохватное и углублённое понимание человека, мира, истории? Это её рабочий инструмент – *рефлексивно-оценочная форма познания и моделирования мира*. Философская мысль – это *мысль, запечатляемая в оценке*, и одновременно, оценка, достигаемая через углублённое, логически строгое мышление, рациональную обработку чувственного восприятия и интуиций (озарений). Выстраданная философом оценка пре-

крашает (на время) процесс размышления, это «растекание мыслью по древу», схваченное и выраженное в понятиях, суждениях и концепциях познанное. А философская мысль, со своей логико-рациональной стороны, подвергает критическому анализу любую, самую авторитетную оценку, что предотвращает догматизм и канонизацию достигнутого уровня понимания мира, человека и пр.

Философия всегда – с начала своего возникновения и в процессе исторического развития – выступала двуединым процессом *поиска истины* и *духовного самоопределения человека*. Поиск истины породил науку, духовное же самоопределение человека в силу эволюционных и культурно-исторических причин было более чем на полтора тысячелетия «перехвачено» религией.

Действительно, по силе воздействия на умы и души людей прошлых эпох религия не могла сравниться ни с какими другими формами познания и моделирования человеком мира, иными формами *духовного труда* человечества. Но мифологизированная религиозная картина мира не могла удовлетворить критически мыслящий ум человека уже в эпоху Возрождения и в Новое время, тем более не может удовлетворить взыскующий ум наших современников. Догматическая религиозная мысль, религиозное ценностное мышление в свете научной критики и рациональных критериев познания и моделирования человеком мира, в силу уязвимости религиозного мышления в целом, вне всякого сомнения, со временем уступит смысло-ценностное видение и осмысление мира философии. А философия, как рефлексивно-оценочная форма познания, останется востребованной как для верующих, так и для атеистов, и споры о ценностях и смыслах перейдут из сферы религиозной нетерпимости и инаковости в сферу философского, а не религиозного дискурса, позволяющего с лёгкостью вступить в диалог и занять новую для конфликтантов позицию, что будет шагом вперёд в обретении единства человечества, человека и мира. Если кровопролитные религиозные войны и стычки сопровождали человечество на всём протяжении его истории, то войны философские – всего лишь дискуссии, пусть даже не всегда приводящие к диалогу и взаимопониманию – останутся единственно допустимой формой противостояния и противоборства на планете.

Философия, несмотря на свою временную подчинённость религии, затем науке и политике, тем не менее, сохранила оба начала духовного поиска: логико-рациональное и эмоционально-интуитивное, и их самобытное осуществление. Первое роднит её с наукой, второе – с религией и искусством. Наука, накрывшая население планеты лавиной добытых ею фактов и рационально оформленных, всё более усложняющихся теорий и гипотез, лишённых душевно-ценностного

начала, намного опередила познавательные возможности непрофессионалов. И наука, и религия в своём актуальном состоянии не отвечают сегодня ожиданиям масс в создании объясняющих мир теорий, соответствующих достигнутому уровню развития человека. Это может сделать только философия. И она это делает, опираясь, с одной стороны, на здравый смысл и отвергая высоконаучную «заумь», а, с другой стороны, просвещая и подтягивая население своей просветительно-образовательной работой до понимания необходимости умственного и духовного труда и роста.

Философия, в отличие от науки, ставит вопросы и ищет ответы о предельных основах бытия, о смысле жизни и её фундаментальных ценностях. И, в отличие от религии, как «бесконечное» вопрошание, не довольствуется данными на века ответами-догмами. Для неё нет запретных, охраняемых авторитетом пророков вопросов и тем. Как и наука, философия строит свои модели мира с помощью понятий и текстов. А поскольку философствование – это не только размышление, но и оценка – утверждение или суждение с позиции определённых ценностей, философские категории (понятия) всегда имеют эмоционально-образный облик. Философские категории как и слова литературно-художественного (тем более, поэтического) текста – по большей части метафоры: многогранные, символические выражения чувств и отношений автора и его персонажей. В этом отношении философский текст гораздо ближе к тексту литературному, чем к научному. Многогранность философских понятий-метафор позволяет им в зависимости от контекста и таланта автора высвечивать неочевидные, скрытые до времени свойства и отношения исследуемого и моделируемого объекта познания, что в литературном повествовании подобно выражению характера, предмета или ситуации через пробуждение чувств, симпатий или антипатий, чем достигается недоступная для научно-рационального познания полнота и глубина репрезентации. Философия, как и наука, отвечает требованию логичности, системности, проверяемости полученных выводов на практике. Отвечая требованиям формальной логики в построении суждений, философия не строит свои теории исключительно на них. Философия, как определяет её Н. Бердяев, скорее искусство, «искусство интуитивного познания мира».

Философская интуиция отличается от интуиции научной. Хотя механизм возникновения интуитивного знания в науке, философии, искусстве и в обыденной жизни вряд ли различен, способы его выражения в философских категориях-оценках отличаются от выражения интуиции в сфере научного познания.

Являясь своеобразным посредником между наукой и искусством, между (преимущественно) «лево и правополушарными» восприятием и мышлением, философия – философское мышление и концептуализация – только и могут выступать действительно объединяющим, сплачивающим началом разделённого по многим основаниям человечества в эпоху глобализации. Эту востребуемую временем роль не могут выполнить сами по себе ни религия, ни наука, ни искусство, ни политика (политико-правовая культура).

Эволюция сознания и её ступени

Р. Бёкк в книге «Космическое сознание»¹ выделяет три качественно своеобразных стадии или ступени эволюции сознания человека, три уровня его развития: «простое» сознание, самосознание и Космическое сознание, даёт их качественные характеристики, прежде всего, отмечая преобладающий тип мышления и детерминанты поведения человека (см. табл.).

Таблица – Ступени эволюции сознания человека

Уровни развития сознания человека	Формы мышления	Формы поведения
Космическое сознание	интуитивное	на основе предвидения и осознания
Самосознание – интеллект	абстрактно-логическое художественно-образное	сознательное наряду с инстинктивным
Простое сознание	наглядно-действенное	инстинктивное

Простое сознание характеризуется отсутствием человеческого интеллекта и присущих ему видов мышления, оно оперирует самими предметами, что определяется как мышление *наглядно-действенное*. Поведение предчеловека – носителя «простого сознания» – определяется почти полностью инстинктами. Такой «человек», не способен увидеть себя со стороны и создать Я-концепцию, немногим отличается от высших животных и ведёт стадный образ жизни. Сообщество таких людей ещё нельзя назвать человеческим обществом.

Общество возникает на второй стадии эволюции сознания – *стадии самосознания*. На этой стадии возникает интеллект, абстрактно-логическое и художественно-образное мышление, формируются искусство, религия, а позже – фило-

¹ Бёкк Р. Космическое сознание. М., 1995.

софия и наука. Общество формируется и до настоящего времени осуществляет своё историческое развитие в пределах второй стадии эволюции самосознания. И прогресс в ней проявляется почти исключительно в сфере накопления и избирательного, но далеко не всестороннего использования (по отношению к жизни и развитию человека) знаний, идей, культурных ценностей.

Эту стадию эволюции сознания можно смело определить по отношению к первой стадии – *тезису* в терминологии Гегеля – как стадию *антитезиса*. На ней происходит *отрицание* (в гегелевском смысле как вытеснение «на вторые роли» при сохранении в подчинённом состоянии позитивного содержания первой ступени) первобытного образа мысли и поведения. И это *отрицание* осуществляет сформировавшийся человеческий интеллект. Поведение человека, как и возникающая здесь предметная и другие виды деятельности, сохраняя и трансформируя сферу инстинктов (подсознания в целом), осуществляется (или может осуществляться, тут многое зависит уже от человека, а не от игры природных сил) *сознательно*.

Нужно отметить, что казавшееся «просветительскому» уму всеилие разума, сформировавшегося на второй ступени эволюции сознания, оказалось значительно завышенным. Уже в начале XX века З. Фрейд показал неослабевающую роль подсознания (в том числе «низшего» – инстинктов) в осуществлении человеческой жизнедеятельности и поведения человека. А бесчеловечные мировые войны XX столетия и вовсе показали всё «безумие» кажущегося человеческого и общественного прогресса. *Цивилизация ступени самосознания* умножила и подняла на щит *антиценности* – оборотную, теневую сторону культуры, ценности и смыслы «негативной» или «демонической» духовности, ценности разрушения, извращения, насилия и смерти¹.

Со времени возникновения культуры и цивилизации ступень самосознания представляют два его борющихся между собой подуровня, которые можно назвать условно *индивидуальным* и *личностным* по отношению к человеку как субъекту общественной жизнедеятельности. И, на наш взгляд, острие проблемы развития общества и человека сосредоточено сегодня именно на проблеме перехода от первого ко второму, которое человечество не может себе позволить или осуществить по ряду разнокачественных причин.

¹ О «негативной» духовности см.: Конобеев Г. М. Духовный труд личности : феномен, содержание, направленность // ДИХИ-2010: идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях. Хабаровск. 2010. С.75 – 88.

Индивидуальный уровень самосознания – это уровень *субъект-объектного* отношения человека к миру. Это взгляд и установка, рационалистическая и эгоцентрическая индивидуальная культура, ставящая в центр своего духовного мира личное преуспевание и благополучие, рассмотрение других людей как средства для достижения этого. Вершиной индивидуального самосознания, на наш взгляд, выступает «разумный эгоизм» или «буржуазный индивидуализм». На индивидуальном уровне самосознания любовь превращается в радостное потребление, а повседневное творчество посещает редких, очистившихся в страданиях индивидов.

Личностный уровень самосознания – уровень *субъект-субъектного* отношения человека к миру и другим людям. Он характеризуется способностью преодоления эгоцентризма, альтруистической, в целом, одухотворённой истиной, добром и красотой деятельностью человека. *Личность*, перешедшая на этот уровень, – это одухотворённый индивид, сумевший победить в себе «зоологический индивидуализм» нашей животной природы. Такой человек становится творцом, способной к альтруистической любви, саморегуляции и саморазвитию «подлинной личностью» (Э. Фромм).

Выход на личностный уровень самосознания подготавливает переход человека сначала на третий – *планетарный* подуровень самосознания, а затем – на третий уровень его эволюции – ступень *сознания Космического*.

Планетарное (ноосферное) сознание

Планетарное сознание человека и человечества можно определить по уровню эволюции как промежуточное между *самосознанием* и *сознанием Космическим*, или как высший подуровень самосознания по отношению к подуровням индивидуального и личностного самосознания (см. рисунок 2).

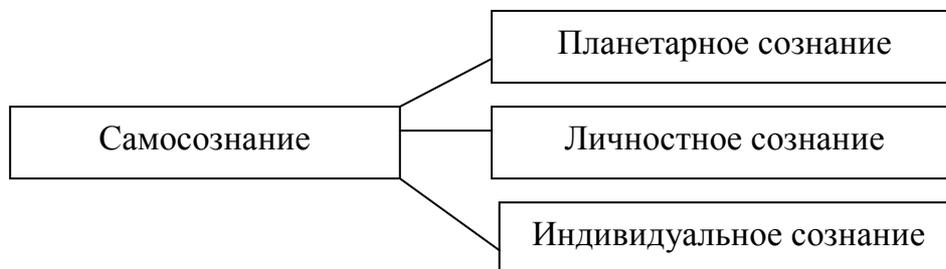

Рисунок 2. Подуровни самосознания

Достигается (осваивается, вырабатывается) планетарное сознание двумя путями. Первый – сознательные усилия, духовный (умственный и душевный)

труд индивида и личности (индивид, как и личность, способен к духовному труду, иначе он никогда не смог бы стать личностью, но трудится индивид вяло и несистематически, поскольку уровень его самосознания низок, степень *осознания* невелика). Планетарное сознание, достигаемое на этом пути, идёт «от ума», утверждается в процессе количественного накопления знаний, мыслительных способностей, представлений о мире, формирования сознательных убеждений. В терминах «квантовой психологии» и «психологии эволюции» Т. Лири и Р. Уилсона¹, это путь сознательного импринтирования (пробуждения) высших нейробиологических контуров, выработанных человеком в процессе эволюции, но у большинства людей «спящих». Это также путь йоги как сознательного самораскрытия психодуховного потенциала человека, а также путь иных систематически осуществляемых философско-религиозных и психодуховных практик, выработанных традиционными и современной культурой (НЛП, холотропные практики С. Грофа и др.).

Второй путь обретения планетарного сознания – через *озарение*. По Р. Бёкку, озарение есть путь достижения Космического сознания: озарённый человек обретает планетарное сознание как бы «попутно», наряду с сознанием Космическим, поскольку последнее предполагает и включает первое. Озарённый человек как бы перескакивает в результате «квантового скачка» сознания на более высокий его уровень, получая в подарок планетарное видение мира.

Названные нами два пути достижения планетарного сознания можно проиллюстрировать и дополнить картиной двух путей обретения человеком любви: «более преднамеренным» и «более непреднамеренным». Вызвать любовь, как и всякую иную эмоцию (особенно высшую) по желанию невозможно. Можно лишь, подобно актёру театра и кино, имитировать её возникновение и переживание. «Сердцу, – как справедливо гласит пословица, – не прикажешь». Одни авторы (Н. Бердяев и др.) убеждены, что любовь не может подготавливаться и культивироваться личностью, и, что она – дар свыше и, подобно стихийному бедствию, приходит к человеку неожиданно-негаданно. Другие мыслители (Э. Фромм и др.) уверены в том, что любовь (пусть не в полной, но в значительной мере) есть плод наших духовных усилий, и указывают пути и средства её культивирования (внимание, уважение и др.). В этом случае человек выступает, если не творцом, то в очень большой мере (может быть, наполовину) *сотворцом* своей любви.

¹ См.: Уилсон Р. Квантовая психология. Киев, 1998; Он же. Психология эволюции. Киев, 1998.

Видимо, и любовь, и планетарное сознание обретаются человеком трудно определяемым путём, включающим как непознанную игру «высших сил», так и собственные сознательные, целенаправленные действия.

Характеризуя особенности (свойства) планетарного сознания, следует отметить такие его качества, которые делают его носителя *человеком духовным*, что означает не только его способность к духовному труду, но и превращение духовного труда и его результатов в высшую ценность, смысл и норму жизни.

Чертой планетарного сознания выступает *сознание экологическое*.

Феномен так называемого «планетарного» сознания осмыслен не сегодня. В частности, это сделано русскими мыслителями-космистами, среди которых следует назвать автора теории ноосферы и ноосферного сознания В. Вернадского.

Третий уровень эволюции сознания – сознание Космическое – настолько превосходит уровень самосознания, насколько уровень самосознания превосходит ступень «простого» сознания. Мышление людей этого уровня определяется как «многомерное», поскольку оно оказывается способным улавливать явления и рефлексировать над связями и отношениями, перед которыми пасует «плоское» самосознание. Такому мышлению открываются глубины мироустройства и связей человека с миром. Мышление этого уровня Р. Бёкк определяет как «интуитивное» или сверхсознательное («просветление», «озарение»), поскольку этот уровень (по терминологии Гегеля, уровень *синтеза* двух предыдущих ступеней) востребует потенциально заложенные, но не развитые сверхсознательные (парапсихологические и экстрасенсорные) способности «простого» сознания, на первой ступени эволюции ещё не развитые и не способные раскрыться. Отношение к миру третьего уровня эволюции человека может быть определено как *субъект-трансцендентное*. Значимыми чертами и признаками этого отношения является осознание человеком себя «живой, мыслящей клеткой целостного Вселенского организма», а также способность преодолевать эгоизм во всех его формах, включая эгоизм корпоративный (эгоизм «мы»).

Уровень Космического сознания не столь уж и фантастичен, если обратиться к теории нейрологической или «квантовой» эволюции Т. Лири и его ученика Р. Уилсона, выделивших в психодуховном мире человека четыре низших и четыре высших нейрологических контура программного обеспечения человеческого мозга как биологического суперкомпьютера. Эти программы созданы процессом эволюции на века и тысячелетия, и задача состоит в том, чтобы использовать их возможности для процветания и обеспечения конструктивного будущего человека и общества. Поскольку масштабно реализовать эти возможности чело-

век в одиночку не может, общество должно направить свои силы и ресурсы не на уничтожение себе подобных, а на реализацию этой жизнеутверждающей перспективы.

Нужна ли этому поистине фантастическому уровню Космического сознания философия (каким будет сообщество таких «просветлённых» людей, сегодня можно только предполагать)? На наш взгляд, необходимость философии сохранится в самой отдалённой эволюционной перспективе, но для современников более значима роль философии для перехода к этим перспективам. Если Р. Бёкк, исследуя «озарённых» (то есть достигших Космического сознания) людей, не ошибся (а он не ошибся, поскольку сходные идеи и перспективы эволюционного развития человека высказывали многие исследователи), сегодня необходимо сосредоточить внимание общества (а значит и власть предержащих) не на гонке вооружений, а на переходе человечества сначала к личностному и планетарному, а затем – Космическому сознанию. Развитие человека, а не всепоглощающая и дебилизирующая народы жестокая борьба за власть, должна быть приоритетом всей современной политики.

*Глобализующемуся миру – глобальную
жизнеутверждающую философию*

Эпоха глобализации и осмысляющая её философия, на наш взгляд, есть начало эпохи перехода человечества на более высокий уровень сознания – сознания Космического, или, по крайней мере, есть период создания для этого всеохватывающих, планетарных социокультурных предпосылок. Глобализация и глобальный кризис должны изменить сознание и неадекватное мышление современников, и философия как самосознание культуры может и должна способствовать конструктивным переменам. Философия этого периода должна вернуть своё культурно-историческое предназначение и, став квинтэссенцией культуры общества и личности, утвердить одухотворённое творческое начало человеческой жизнедеятельности, способствовать реализации неэгоистического, субъект-трансцендентного отношения человека к миру, формированию Человека Духовного как высшей ступени духовного развития человечества.

В современную эпоху научно-технических достижений и неослабевающей деструктивности человеческого поведения перед лицом природного (космического) и культурно-исторического вызовов времени глобальные проблемы будут лишь нарастать, и справиться с ними человечество сможет, только объединив

свои усилия. Объединению планетарных сил и ресурсов необходима объединяющая народы и культуры глобальная философия – руководство к осознанию и конструктивному действию. Современный процесс глобализации, его конструктивные и деструктивные тенденции показывают, что этот самый сложный, противоречивый процесс настоятельно требует *сознательного участия всего человечества*. Именно в эпоху глобализации начинает реализовываться возможность участия каждой личности в процессе дальнейшей эволюции человечества¹. И это сознательное участие не может обойтись без соответствующей философии, указывающей как на необходимость, так и на формы этого участия. И поскольку глобализация есть планетарное условие перехода человека на уровень планетарного сознания, роль философии глобализующегося мира (новой очеловеченной философии) есть одновременно её роль в дальнейшей эволюции сознания.

Объединяющим человечество началом не может выступать наука, поскольку в неё не вмонтирован механизм обратной связи. На эту роль не может претендовать религия, ведь даже так называемые мировые религии – буддизм, христианство, ислам – сегодня, в эпоху «столкновения цивилизаций» скорее разделяют, нежели сближают человечество. Очевидна неспособность науки, религии, искусства, политики и права осуществить в одиночку требуемую временем переоценку ценностей вследствие ограниченности их способа познания и моделирования мира, способов их воздействия на сознание и поведение человека. Не могут выступать объединяющим человечество началом и все другие традиционные «наработки» отдельных национальных культур – моральные, правовые, политические и прочие. Только философия, причём, философия жизнеутверждающая, *биофильская*, может выступить в этом качестве². Решение этой задачи по плечу философии, отслеживающей культурные достижения во всех областях жизнедеятельности человека и общества, но не той, которая определяется как философия западная, восточная или какая-то иная – региональная, религиозная и др., и не теми известными нам течениями и школами западной, восточной или российской философии, а только «вечная философия», разработка которой начата первофилософами – мудрецами европейской Античности и древних цивилизаций Востока. Эта философия, несомненно, будет продолжена вечно, пока существует человечество³.

¹ См.: Клизовский А. Основы миропонимания новой эпохи. Рига.1990.

² О философском понимании терминов «био- и некрофилия» см.: Конобеев Г. М. Духовный труд личности : феномен, содержание, направленность // ДИХИ-2010 : идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях. Хабаровск. 2010. С.59 – 60.

³ О характере этой философии см.: Хаксли О. Вечная философия. М., 1997.

Значение философии и философской культуры возрастает в мире, потерявшем смысло-ценностную ориентацию в силу многообразия идей и культур, в мире, сбивом с толку и потерявшем человека как главное звено и цель культурно-исторического процесса.

Философия как рефлексивно-оценочная форма познания и моделирования человеком мира с целью его смысло-ценностного (духовного и практического) самоутверждения в эпоху глобализации и кризиса выступает своего рода *интегратором человеческой духовности*, культуры и всего глобализующегося человечества. Только такая философия, выверив собственные основания – парадигмы, способы мышления, систему оценок, выработанные мировой культурой в целом и собственно историко-философским процессом, оказывается в состоянии осуществить задачу осмысления причин конфликтов и кризисов, неотступно преследующих историческое человечество. Для философии пришло время сказать миру своё жизнеутверждающее слово и выступить спасителем человечества и созданной им культуры, запутавшейся в противоречиях «цивилизованного» мира.

Структура философской культуры и её новое содержание

Структура философской культуры социального субъекта (личности, социальной группы, класса, нации) воспроизводит структуру его общей культуры¹ (см. рисунок 3).

Рисунок 3. Структура философской культуры социального субъекта

¹ См.: Конобеев Г. М. Духовный труд личности: феномен, содержание, направленность... С.62.

Центральное место в философской культуре социального субъекта занимает подструктура мышления. Поэтому не только система образования, но и культурная политика общества в целом особое внимание должны уделять культуре мышления граждан. Ни о какой культуре не может быть и речи, если во внутреннем мире личности и в обществе царствуют бездумие (сон разума), и мышление граждан подавляет и парализует страх.

Что значит – мыслить философски? Это значит – овладеть и оперировать философскими категориями (понятиями), задавать вопросы (себе и другим), формировать суждения, и, главное, умножать категории, развивать категориальный аппарат, искать на эти вопросы (свои) ответы, набрасывать свою «категориальную сетку» как на мир предметов и явлений, так и на самого человека и всю полноту созданного им мира культуры, не избегая самых трудных изгибов души и общественного развития. Так исторически развивалась (западная) философия – от вопрошания мира природы к вопрошанию о собственной природе, культуре и анализу способов их трансформации и развития. Личность, овладевая философской культурой, должна повторить этот путь в «сжатые» до оптимальных пределов сроки. Мыслить философски – значит, мыслить логико-рационально, вплетая и воплощая свои интуиции (прозрения) в общий мировоззренческий текст, стремящийся (в тенденции) охватить всю полноту бытия. Иначе философия утратит свой системный характер, что демонстрируют многие направления современной западной философии, исключившие из поля своего умопознания онтологию, этику, философскую антропологию и другие разделы традиционного философского дискурса.

Философия как духовный труд и его мужественный выбор

Это мужество выбирать есть победа над ленью. А победа над ленью – значимый шаг на пути реализации эволюционных возможностей человека.

Философия есть логико-рациональное выражение человеческой духовности. А также, одновременно – эмоционально смягчённый перевод «жёстких» построений науки на уровень, доступный восприятию обыденного, преимущественно, «правополушарного» сознания. Между философией как рефлексивно-оценочной формой познания и моделирования мира и духовностью как смысло-

ценностным отношением человека к миру существует генетическая связь, которая отражается даже в их определениях. И там и тут фигурируют мысль (мышление) и оценка (ценностное отношение).

Практическое назначение философии состоит в *укреплении духовных основ жизнедеятельности каждого* из нас. Именно философия выступает логико-рациональным (понятийным, сознательным) выражением человеческой *духовности*, схватываемым ею на интуитивно-эмоциональном уровне. Через философское познание (рефлексию) человек осознаёт и утверждает свою духовность и духовные основы своего бытия. Философия, благодаря специфике своих понятий-метафор может осуществлять своеобразный перевод с логико-рационального «левополушарного» языка и выражения действительности на язык логико-эмоциональный, «правополушарный». Справедливо утверждение о том, что философия – посредник между наукой и искусством, философия «дружит» с обеими видами познания мира, способна понять и оценить, благодаря своему внутреннему богатству, своей «духовности» и науку и искусство. Духовный труд философа не в последнюю очередь есть труд осмысления и оценки глубин своего подсознания и превращения их активности в логико-рациональную систему взглядов, идей, моделей мира и принципов жизнедеятельности человека и общества. Это труд превращения бессознательного в сознательное, труд совершенствования того и другого в ходе познания и саморазвития.

Философствование – это глубокий и напряжённый духовный труд постановки и поиска ответов на «проклятые» вопросы своего времени, своей и чужой судьбы. Это труд исследовательский, носящий творческий характер.

Человеческая жизнь трагична, наполнена сокрушительными и непоправимыми ударами судьбы, разочарованиями, невзгодами, предательством и обманом. Отношения современников переполнены ложью, себялюбием, высокомерием, трусостью. Человек обладает свободой воли, но по большей части использует свой свободный выбор малодушно и эгоистично. Обретают свободу далеко не каждый и далеко не всегда, а только те из нас, кто находит силы мужественно противостоять тёмным полосам судьбы. Где же личность может найти для этого духовные, силы – вовне или внутри себя? Если, как утверждают христиане (и не только они), Царство Божие внутри нас, то главным являются наши внутренние силы. Силы вне нас станут нашими только тогда, когда мы *научимся делать их своими*. Большинство из нас (за исключением, может быть, верующих) не знают ни возможности, ни условий подобной «перекачки» сил – энергии и информации. Этому никто не учит, и если это происходит, то, как правило, неосознанно.

Философия выступает своеобразным ключиком для энергоинформационного взаимодействия человека с миром, раскрывая человека как микрокосм в макрокосмосе.

Почему философия, а не идеология может и должна выступить интегратором планетарной человеческой мысли и духовности? Видимо, потому, что одним из её определений является «ложное сознание», выдающее групповые интересы за общечеловеческие. Философию же никогда не определяли как ложное сознание, хотя в ней, как и в идеологии, ценностные основания во многом определяют её качественное своеобразие.

Философия, очеловечивающая мир

Познание мира осуществляется философией через познание природы человека. Это её «родовой» признак. Только философ (но не учёный или богослов и далеко не всякий художник) мог сказать: «Человек – мера всех вещей» (Протагор). Эта философская истина подразумевает не любого отдельно взятого индивида, но человека «человечного» – микрокосм, голограмму Вселенной, воплотившего в себе все её начала, включая духовное.

Вопрос о том, какая философия нужна человеку и человечеству в эпоху глобализации и кризиса, есть вопрос о том, какая философия нужна «больному», некрофилизованному обществу для овладения высшими уровнями самосознания.

Что же это должна быть за философия? Нужно ли создавать что-то новое или следует вернуться к плохо понятому и мало востребованному старому? На наш взгляд, необходимо и то, и другое, но прежде второе, чем первое. Все фундаментальные истины бытия высказаны и обоснованы, необходим их современный синтез в контексте требований современной эпохи и самое трудное – их практическое воплощение.

Прежде всего, это истина о человеке как микрокосме мироздания и как меры всех вещей, ядра и смысла культурно-исторического процесса. Это истина жизнеутверждающего (биофильского) и поэтому космического (в рамках религиозного миропонимания, божественного) предназначения человечества.

Философия (как и религия, искусство и наука) в своей общей тенденции и в своём устремлении в будущее опережала и опережает медленно эволюционирующее сознание человечества. Мысль как явление духовной реальности несравнимо более свободна, нежели реальность социальная со всеми её трудно преобразуемыми институтами, отношениями, нормами и убеждениями широких слоёв

населения. Общественная практика «выправляет» подчас безоглядный полёт мысли, отфильтровывает до времени бесплодный, прожектёрский полёт фантазии, но остановить его не только не может, но и делать это попросту не в праве, поскольку мысль, в том числе и мысль социальная (социально ориентированная), есть порождение социокультурной реальности.

Судьи культуры и реформаторы могут быть очень разными: образованными и не очень, духовно окрылёнными и принижёнными, верящими в человека и в свой народ или считающими их ленивым и безмозглым стадом. Предельно важно лишь то, какой философией будут руководствоваться и вдохновляться современные политики в современном предельно политизированном мире, создавшем массовую культуру потребления и самооглуления, утратившем веру в светлое будущее человечества и предуготовившем ему ядерный апокалипсис.

Миру нужна философия, к которой прислушались бы политики всего мира. Средства её воздействия, убедительность и ясность должны быть столь же впечатляющими и вразумляющими, как Новая весть христианства в эпоху крушения европейской античности. Такая глобальная философия будет сформирована на базе философского самосознания мировой культуры как синтез идей (разумных оценок) всей предшествующей философии Запада, Востока и России. Это будет одухотворённая (духовная), но не обязательно религиозная философия, взявшая от религии её страсть и порыв к пробуждению души и разума, к одухотворённой жизни, но опирающаяся в своих оценках не на церковные догматы, а на понятую в результате разносторонних форм познания природу человека и реальности (бытия). Новая философия, востребуемая современной эпохой глобализации и жизнеутверждающего развития человечества, будет представлять собой культурный синтез, в котором найдут своё отражение чаяния, ценности и нормы всех стран и народов.

Некоторые контуры этой философии прорисовываются уже сегодня, как и недопустимые для неё ограничения и идеи. Сегодня, на наш взгляд, можно говорить и о форме, и о содержании грядущей мировой философии, единственно способной не только объединить человечество, но и создать на её основе смысло-ценностную базу дальнейшего социокультурного развития как общества, так и человека.

Гибкость философской мысли, способность абстрактно-теоретического моделирования на основе иных, расширяющихся смысло-ценностных координат требует меньшего внутреннего напряжения, нежели занятие той или иной религиозно-мировоззренческой позиции, что подчас воспринимается многими мыс-

лящими людьми как измена традиции, предательство памяти предков, перерождение. В сфере абстрактной философской мысли ценностное начало суждений и выводов легко ослабляется началом рациональным («левополушарным»): свобода мысли – вещь более «лёгкая», нежели ценностная свобода – свобода выбора личностных и групповых ценностей.

Философия способна не только объединить человечество для решения глобальных проблем, она учит думать (не только вообще), но *думать глобально*, чего всегда не хватало людям. В предшествующие эпохи, вплоть до мировых войн и создания оружия массового уничтожения, это сходило людям с рук.

Пути формирования и утверждения новой философии

Человек будущего видится нам философом по самой своей сути – человеком, способным благодаря развитому философскому мышлению и философско-теоретическому моделированию мира не только понимать других и понятно выражать своё видение возникающих в нём проблем и путей их решения, но и способным возвращать всё большее взаимопонимание между людьми, чего, видимо, не дано локальным и мировым религиозным культурам современности в масштабах планеты.

Если *осознание* как духовное самоопределение человека – важнейшая цель философии, то тогда овладение философской культурой есть путь к оздоровлению и здоровью общества и человека – как физическому, так и психическому, и духовному. Осознание – это процесс приведения сознательного разума в синхронность с «разумом бессознательным», сферой человеческого под- или сверхсознания. Психотерапевты часто определяют лечение как процесс «превращения бессознательного в сознательное» или как «расширение сферы сознания до взаимодействия со сферой бессознательного». Наше бессознательное, как подчёркивают верующие философы, есть Бог. Мы заболеваем только потому, что наше сознательное «Я» противится бессознательной мудрости. Только потому, что наше сознание расстроено, возникает конфликт между ним и бессознательным, которое ищет возможности исцелить его. Поэтому, по мнению верующих, высшей, окончательной целью духовного развития отдельного человека является единство с Богом. Поскольку бессознательное и есть Бог, то мы можем определить цель духовного развития как достижение божественности сознательного «Я»¹. Философия как воплощение мудрости должна вести человека и челове-

¹ См.: Вальверде К. Философская антропология. М., 2003. С.283.

ство к внутреннему единству, осуществлению индивидуального *психосинтеза*¹ и социокультурного синтеза как его достижению, что тождественно единству человека и человечества с Богом. Если философия не ставит этой задачи, она не может претендовать на мудрость и истину.

*Философия в культуре и духовной жизни современного
российского общества*

Предмет философии, отмеченное нами её место в культуре, связь с социально-гуманитарными дисциплинами обосновывают её первостепенную роль в развитии общества и личности. Именно философия должна «вернуть», «встроить» в науку об обществе и внутреннюю политику государства *человека*, «потерянного» вследствие «некрофилизации» западного и российского общества и цивилизации. Именно в этом состоит её главное современное предназначение, её культурно-историческая миссия. Опираясь на логику и аргументацию, с одной стороны, и на выверенную веками шкалу одухотворённых, «очеловеченных» ценностей, с другой, философия должна внести идею биофильской духовности в социальную политику и социальную практику, ориентировать власть и народ на преодоление некрофилизации духовности и культуры. Именно здоровая, биофильская философия должна ставить диагноз «больному» обществу, обосновать политику его оздоровления, духовно-нравственного возрождения страны и народа.

Ответ на извечный вопрос: «Что делать?» – должен быть краток – *духовно трудиться*, поскольку духовный труд личности и общества есть форма или способ существования духовности.

Осознание массами необходимости сознательного участия в процессе дальнейшей эволюции сознания (в саморазвитии) через превращение духовного труда в повседневную норму жизнедеятельности можно назвать востребованной временем *революцией сознания*. Индивидуальный духовный труд личности есть условие и средство осуществления этой революции сознания как преодоления его индивидного уровня и выхода на подлинно человеческие уровни его эволюции. Суть подлинной революции сознания – превращение духовного труда в норму жизнедеятельности и духовную потребность личности и общества.

Как бы ни была привлекательна для россиян освященная жизнеутверждающей (биофильской) традицией Русская Идея, и ей, на наш взгляд, не по силам стать основой, общепринятой моделью современного, а тем более будущего

¹ См.: Ассаджоли Р. Психосинтез. М., 2008.

смысло-ценностного отношения человека к миру, с которой солидаризируется всё мыслящее и созидающее человечество. Но, возможно, она к этому ближе, чем философские наработки и традиции других культур по целому ряду особенностей, которые необходимо выявить и осмыслить в данном отношении.

На наш взгляд, существует три основных препятствия на пути реализации человеком и человечеством своих эволюционных возможностей и, в частности, возможностей духовного роста и формирования новой философской культуры. Эти препятствия: невежество, лень и «зашлакованность» (загрязнённость) на всех уровнях нашего целостного физико-психо-духовного организма. Анализ этих препятствий даст нам ответ на поставленный в статье вопрос: как превратить философию в действенное духовное орудие разрешения назревших глобальных проблем современности.

Е. Ю. Потанчук, В. И. Потанчук

МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ МЕТАФОРА: ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ¹

Активно проводимая в современной России модернизация всех сфер и отраслей общества (политической, социальной, технологической, коммуникационной и т.п.), а также социальных институтов (образования, здравоохранения, полиции, армии и пр.) – явление противоречивое и неоднозначное. Успех модернизационных процессов во многом зависит от вкладываемого в них смысла и приписываемого им значения. С феноменом модернизации, зачастую, смешивают другие, отличные от модернизационных, явления, например, инновационные или социального развития. Модернизация – не просто социальное развитие, не просто социальный прогресс, а такое изменение общества, которое предполагает его осовременивание. Следовательно, осуществление модернизации предполагает движение к некому образцу, т.н. «современному обществу». Только имея стандарт «modernity», можно определить, соответствует ему общество или отстаёт в своем развитии. Таким образом, в любых парадигмах и подходах к пони-

¹ Публикация подготовлена при поддержке федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг. Госконтракт 16.740.11.0110. Грант: «Исследование шансов и рисков социально-политической модернизации на Дальнем Востоке».

манию социальной модернизации наличествует представление о её цели – идеальном модернизированном обществе. Любая иная культура, осуществляющая модернизацию, будет выступать в роли «догоняющей», поскольку не может быть иной модернизации, кроме как догоняющей. Поэтому в российской теории и практике политического управления сложилось западнцентристское направление, основанное, по словам Л. С. Перепёлкина, на утверждении, что «Россия – не “такая страна”, она “неправильная”, она должна быть “переделана” по другим лекалам»¹.

Теории модернизации сформировались в американской социально-политической науке в середине XX века. Модернизация понималась преимущественно как «заимствование освободившимися от колониальной зависимости странами политического устройства и политической культуры западных стран, прежде всего США»². Критериями политической модернизации считались, например, наличие централизованного государства, парламента, многопартийности, всеобщих выборов, а также активное сотрудничество развивающихся сообществ со странами Западной Европы и Северной Америки. Позже, в 1970-е – 1980-е годы концепции модернизации превратились «в обоснование общей модели процесса развития цивилизации, суть которой состоит в описании перехода от традиционного общества к рациональному»³. Выделяют два типа модернизации: оригинальную и вторичную. В результате оригинальной модернизации страны Западной Европы и Северной Америки путём длительного внутреннего развития перешли к рациональному общественному устройству. Вторичная же модернизация характерна для стран, «отставших в своём развитии и пытавшихся догнать передовые более ускоренным способом за счёт использования опыта последних»⁴. Именно эту вторичную модернизацию и следует считать догоняющей. Считается, что такого типа модернизация протекала или протекает в странах Восточной Европы, СНГ и в Китае.

В качестве идеала современного (модернизированного) социума выступают страны и народы Европы и Северной Америки, пережившие в течение нескольких столетий сложные процессы социальной трансформации. «Генеалогически модерность восходит к западной цивилизации Нового времени, в различных регионах мира распространяются присущая ей институциональная среда и элемен-

¹Гавров С. Н. Модернизация России: постимперский транзит // Сайт «Библиотекарь.Ру» // URL : <http://www.bibliotekar.ru/gavrov-3/7.htm>. Дата обращения 30.04.12.

²Малетин С. С. Политология // URL : <http://www.easyschool.ru/books/15/16/1/> (дата обращения 30.04.12).

³ Там же.

⁴ Там же.

ты ценностно-нормативной системы. Модернизация как процесс и модерность как ее следствие, возникнув в западном мире, в XX веке стали распространяться в глобальном масштабе»¹. Э. Гидденс, Ш. Айзенштадт, Ф. Фукуяма считают, что модернизация – исключительно западное явление, её результатом является переход к политической, социальной и экономическим системам, сложившимся в XVII – XIX веках в Западной Европе и Северной Америке. Поэтому реализация проекта модернизации в обществе воспринимается как его вестернизация (Т. фон Лауэ, Д. Растоу, С. Хантингтон) или даже «самовестернизация» (С. Н. Гавров).

Отличительными чертами общества «modernity» являются: «в сфере политической – демократическое конституционное государство; в сфере государственного строительства – переход к национальному государству; в сферах науки и образования – формирование автономной науки; в экономической сфере – переход к капитализму»². Программы неких национальных модернизаций, учитывающих региональную и этническую специфику, – иллюзии, своего рода, попытки выдать желаемое за действительное, т.е. достичь компромисса между наступлением мира западных ценностей, далёкого от совершенства, полного собственных противоречий, на иные, незападные общества и идеей мультикультурализма, стремлением сохранить этническое, языковое и пр. разнообразие во всемирном масштабе. Кроме того, оказалось, что результаты «распространения модернизационных процессов в различных регионах мира под влиянием социокультурной традиции стран-реципиентов» неэффективны, поскольку полученные сочетания оказались нежизнеспособны. «Трансформирующиеся общества воспринимают инокультурные инновации, изменяя их, получая на выходе гибридные конструкции, в которых сочетаются элементы импортированного инокультурного материала и местной социокультурной традиции. Аутентичность в отношении первоначальных образцов и практическая эффективность гибридных конструкций, как правило, не высока»³. Именно такой нежизнеспособный гибрид получили в результате осуществляемой в России модернизации системы высшего образования. При переходе к двухуровневой системе, когда осуществляется подготовка бакалавров и магистров, в формы европейской образовательной культуры затолкали содержание прежней российской наследницы традиций советской высшей школы. Вместо широко образованного специалиста, способ-

¹ Там же.

² Там же.

³ Гавров С. Н. Модернизация России : постимперский транзит // Сайт «Библиотекарь.Ру». URL : <http://www.bibliotekar.ru/gavrov-3/7.htm> (дата обращения 30.04.12).

ного к успешному самообразованию в соответствующем направлении экономической, технической, гуманитарной или иной культуры, получится «образователь», у которого за четыре года бакалавриата в ходе изучения множества мелких курсов дисциплин (а, по сути, поверхностного знакомства с ними) не сформируются и требуемые традиционной российской системой образования знания, умения и навыки, и предполагаемые новым подходом основы общей культуры и компетенции. Подобного рода проблемы возникают из-за установок модернизирующегося общества на механическое перенесение заимствованных форм культуры, нежелания глубинных, коренных изменений в мышлении, поведении в социокультурной организации и т.п.

Становится очевидным, что, принимая за образец уже сложившиеся модели общественного устройства, модернизирующееся общество отказывается от своего собственного оригинального пути развития, эволюции. Как ни жаль, но феномен русской интеллигенции, видимо, уйдет в прошлое, поскольку он принадлежит феномену оригинальной русской культуры, а мог бы выступить в качестве целей для развития российского общества, в частности, образования, но не в модернизированном его виде. Вполне возможно, что переход к единой социальной модели – единственный способ выживания человечества в условиях техногенной цивилизации, когда развитие общества достигло такого состояния, что существование всех зависит от поступков и выбора каждой личности. Но модернизация как проявление глобализации не лишена противоречий. Исследование т.н. вторичной модернизации обнаружило, что она провоцирует кризисы социально-политического развития сообществ, её осуществляющих. Поэтому были описаны варианты «тупиковой модернизации», «кризисный синдром модернизации»¹. По словам В. С. Мартынова, при распространении проекта Модерна за пределы Европы неевропейская периферия сталкивается «почти исключительно с капиталистическим лицом Модерна и страдает от неравновесного обмена. Блага Модерна достаются только немногочисленным элитам, включённым в глобальные обмены и сопряжённые с ними формы политической деятельности. В результате во многих случаях происходит «закупорка» проекта Модерна»². Элиты обществ, осуществляющих вторичную модернизацию, «часто лишь симулируют Модерн на институциональном и идеологическом уровне. Призванные имитировать Мо-

¹ Малетин С. С. Политология // URL : <http://www.easyschool.ru/books/15/16/1/> (дата обращения 30.04.12).

² Мартынов В. С. Политический модерн за пределами Европы: ценностное единство и институциональное разнообразие // Полития. 2010. № 3 – 4. С. 55.

дерн в глазах внешнего мира, формальные институты существенно расходятся с неформальными практиками. Руководствуясь своими корпоративными интересами, эти элиты не допускают реального распространения ценностей и стандартов Модерна внутри собственных сообществ»¹.

Главная же проблема России состоит в нежелании современной власти, выбравшей курс на модернизацию Российского общества, определить, в чем состоит смысл модернизационных процессов. В современном политическом дискурсе модернизация осталась той самой стилистической фигурой, точкой бифуркации, содержание которой расплывчато². Метафоры меняют подходы к восприятию и постижению мира, и потому «они играют определённую роль в культурной эволюции»³, так как влияют на язык, способы мышления и поведенческие стереотипы индивидов. В данном случае размытость политической метафоры «модернизация» сводит на нет все усилия по её воплощению в социально-политическую реальность. Следовательно, неоднозначность и неопределённость значений, вкладываемых в содержание модернизации, – реальное препятствие на пути её осуществления. Пока под модернизацией в российской политике понимается активное финансирование сфер жизни общества с целью их технологического обновления, переоборудования, переоснащения и т.п. Но такой вариант модернизации в любом случае неэффективен, поскольку не предполагает изменения ценностных ориентаций общества. Модернизация же – отказ от ценностно-нормативного комплекса, характерного для традиционной культуры, где отсутствие личной ответственности за свершаемое деяние компенсируется идеологией «мы», когда ответственность распределяется между всеми или возлагается на элиту, на «них», на лидера, вождя и т.д.

Если же планируется осуществлять модернизацию частично (например, только в области технологий, оборудования, инфраструктур и пр. – т.н. индустриализацию), то не только не произойдет осовременивания общества, но, возможно, ещё более укрепится и усилится система традиционной культуры при усвоении и заимствовании чисто внешних аспектов модернизированного социума (например, некоторых социальных институтов: самоуправления, выборов), значение которых не будет осознано народом, а имеющийся социальный потен-

¹ Там же.

² См.: Бляхер Л. Е. Эвристичность метафор // Политические исследования. 2003. № 5; Потапчук Е.Ю. Пятый элемент (Трансформация метафоры в современном российском политическом дискурсе) // Политические исследования. 2006. № 5.

³Маккормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры. М., 1991. С. 360.

циал преобразований не будет использован. Примером подобной псевдомодернизации можно считать осуществлённую в Советском Союзе в 1920-е – 1930-е гг. беспримерную по масштабам и результатам индустриализацию. Выполнение поставленной задачи «пробежать» за 10 лет «расстояние в 50 – 100 лет», на которые СССР отстал от передовых стран Запада, привело к формированию тоталитарного режима, который лишь отсрочил, отложил подлинную модернизацию Российского общества. За парадным фасадом советского строя скрывалось проведённое в 1930-е годы скрытое, неявное восстановление и укрепление форм традиционной культуры, а, следовательно, отказ от глубинного её изменения. В этом контексте тоталитаризм, действительно, может представляться реакцией неприятия модернизации, ухода от модернизационных изменений¹.

Модернизация, предполагающая следование шаблонам европейской и североамериканской культуры, ведёт, скорее всего, к унификации, универсализации человечества, к единообразию в ценностно-мотивационной и поведенческой сферах. Модернизационное преобразование общества, ориентированное на европейскую модель, требует коренного изменения системы ценностных ориентаций. Экономическое, социальное, политическое обновление возможно только при условии укоренения в российском обществе ценностей, выработанных европейцами в эпохи Возрождения, Нового и Новейшего времени. Пока в России происходит присвоение только внешних, формальных признаков, характерных для модернизированного общества (например, приветствуемое распространение уверенности в возможности и необходимости гражданских прав и свобод, потребности в выражении своего социального недовольства и протеста, требований к комфортному существованию, социальных гарантий на будущее и др.), но не происходит изменения внутренних ориентиров личности, соответствующих современному уровню социальной организации, поскольку эгоизм, хамство, политическое бескультурье, неразборчивость в методах и приёмах достижения цели и пр. до сих пор преодолеваются с трудом. Требование свободы не сопровождается сопутствующим ограничением этой свободы в связи со свободой других, требованиями, принципиально сформулированными в западноевропейском социально-политическом знании ещё И. Кантом.

Нужно признать, что коренные изменения в аксиологической сфере должны захватить ментальный уровень российской культуры, поскольку присущие ей

¹Чернышова Л. Д. Аксиологические основания тоталитарной культуры: Автореферат дис... канд. филос. наук. Комсомольск-на-Амуре, 2012.

коллективизм, «безграничность» (в смысле неумения ограничивать себя, стихийность, склонность к крайностям) противоречат принципам индивидуализма и личной ответственности, которые сформировались в культуре «modernity». Россияне по-прежнему придерживаются системы ценностей, которую характеризуют, зачастую, как средневековую. По словам А. Кончаловского, «внешние приметы современности, общедоступные по всему миру – кока-кола, «Макдональдс», «Мерседесы», джинсы, рэп и «Гарри Поттер», – обманчивы, они не меняют веками устоявшихся глубинных ценностей, определяющих поведение человека той или иной культуры»¹. Между тем, «феодализм гнездится у нас в каждом чулане, стоптанном валенке, под сиденьем бронированного «Бентли» и в золотых часах «Ролекс» на холеной руке! И муж за рулем «Роллс-Ройса» будет обращаться со своей спутницей в добрых традициях XIV века»². «Могу нарушить, но не хочу», – вот принцип ответственного человека³, которого воспитала Европа в период возникновения капитализма, и современная власть должна понимать, что «никакие новые школы, больницы, местное самоуправление и самые продвинутые нанотехнологии не избавят Россию от средневековых взаимоотношений между людьми»⁴. «Россия ещё не избавилась от феодальной психологии», и государству необходимо «употребить все ресурсы и мощь – школы, законы, телевидение и прессу – для внедрения в сознание масс новой системы ценностей», чтобы продвинуться к «модернизации национального сознания, к воспитанию свободного русского человека»⁵.

Модернизация предполагает, прежде всего, укрепление и развитие культурной составляющей в жизни человека и общества. В противном случае, внедрение инноваций, финансовые вливания, технологическое и техническое обновление не принесут ожидаемых результатов, поскольку будет предложено правящей элитой и государством безынициативным, беспечным и безответственным гражданам. Ошибка, которая приведёт российскую модернизацию к негативным результатам, к бессмысленной трате ресурсов, социокультурному тупику, – отказ от регулируемого реформирования ценностно-духовной сферы современного российского общества. Например, в погоне за технологическим обновлением производства, образовательными и педагогическими инновациями и т.п. позабы-

¹ Кончаловский А. После перестройки Россия стала страной самых высоких заборов // Комсомольская правда. 2012. № 36 (25849). С. 8.

² Там же.

³ Там же, с.9.

⁴ Там же, с. 8.

⁵ Там же, с. 9.

та практика продуманного воспитания гражданина, в то время как подлинное образование («пайдейя») – есть процесс социализации личности, подготовки её к жизни в обществе в соответствии требованиями, предъявляемыми этим обществом. Именно в этом упрекает нынешнюю политику глава предвыборного штаба одержавшего победу кандидата в президенты В. В. Путина С. Говорухин: «Больше всего меня настораживает... недопонимание значения культуры в обществе»¹. «Если мы не будем улучшать нравы, тогда всё бесполезно, потому что задачи, поставленные перед страной, невыполнимы при нравственно нездоровом обществе»². Думается, не сокращаться, а активизироваться за счёт хорошо продуманной индивидуальной неформальной работы с учащимися должно гуманитарное образование в среднем и высшем звене. Знакомство с образцами русской и зарубежной литературы, например, должно осуществляться не с целью сдачи ЕГЭ, а для развития морально-нравственных качеств личности, формирования её социокультурных компетенций, а изучение социогуманитарных дисциплин (философии, культурологии, политологии, социологии и др.) – не для того, «чтобы было», а для укрепления духовных основ будущих сознательных и ответственных граждан России. В этом случае формальный подход к процессу обучения абсолютно не уместен, поскольку именно он и должен стать проводником модернизационных изменений в обществе, тем каналом, по которому должны распространяться новые ценности – ценности общества «modernity».

Мировая практика модернизаций показывает, что «форсированная модернизация имеет шансы на успех, прежде всего, в относительно иерархических обществах, где... авторитарные элиты тянут за собой «подданных», ещё не осознавших себя гражданами»³ (в качестве примера вспоминаются Индия и Китай). Только самой элите – политической, научной и творческой – следует осознать, что стоит за понятием «модернизация».

Таким образом, препятствиями для осуществления декларируемой в современной России модернизации являются три иллюзии в отношении самого этого феномена. Первое заблуждение, что модернизация предполагает лишь активное и повсеместное внедрение технологических и иных инноваций, т.е. может быть частичной и не затрагивать ментальный уровень социума, и как следствие этого представления – уверенность, что модернизация – процесс быстрый, исчисляе-

¹ Говорухин С. Я бы обвинил Путина в излишней мягкости... // Собеседник. 2012. № 11. С. 17.

² Там же.

³ Мартынов В. С. Указ. соч. С. 58.

мый одним-двумя десятилетиями. Второе, что модернизация не затронет этническую самобытность россиян. Третье, что модернизация может обойтись без глубинного изменения ценностно-нормативного комплекса культуры, и, следовательно, основные усилия должны быть направлены в экономику, политику, технологии и т.п., а не в сферу культуртрегерской, воспитательной деятельности.

И. М. Ревич

КУЛЬТУРА КАК МИШЕНЬ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

В современном мире существуют, по крайней мере, два вида взглядов и убеждений, связанных с отношением к тоталитаризму. Исток этих взглядов, несмотря на их различие, лежит в глубине этической сферы, в моральном фундаменте и нравственных позициях, которые отдельный человек занимает по отношению к сообществу. Эти взгляды и убеждения коренятся в доидеологической сфере, там, откуда идеологические представления черпают своё этическое наполнение. В этой связи можно утверждать, что в современном восприятии реальности тоталитаризма действуют как бы два типа рациональности: одно видение обусловлено системой либерально-демократических ценностей, видение с позиций европейского гуманизма (это видение осуществляет субъектность либерального типа); другое видение (субъектность тоталитарного типа) – обусловлено ценностями идеологии активизма, в которой провозглашалось и, к сожалению, провозглашается глобальное господство, достигаемое террористическими методами и милитаристским насилием. Поэтому, если мы хотим найти объективные критерии для понимания сущности тоталитаризма, нам приходится обращаться даже не к идеологиям, а к системам ценностей, которые порождают идеологии.

То, что большевизм и нацизм, как тоталитарные движения, были контрреволюционной реакцией на формирование, в первом случае, надклассовой, а во втором случае, наднациональной европейской идентичности, подтверждает исторически очевидный факт, что объектами ненависти и агрессивного насилия стали для этих разновидностей тоталитаризма общечеловеческие ценности: аутентичное и секуляризованное христианство (последнее – в форме культурного идеализма национально мыслящих элит Европы, включая Россию) и секуля-

ризованный иудаизм – в форме так называемого «европейского еврейства» как наднациональной европейской креативной силы, обладающей к удобству для нацистов, расовым идентитетом. Строго говоря, объектом неприятия для тоталитарных идеологий и режимов XX века стала иудео-христианская культура. В данном контексте важно отметить, что антизападничество, как неприятие ценностей европейского общества, неприятие ценностей иудео-христианской культуры являлось характерной чертой большевистской и нацистской (и является уже в наши дни для радикального ислама – джихадизма) ценностной модели.

Родовым признаком тоталитаризма является социцид, который представляет собой уничтожение социальных институтов, определяющих экономическую, политическую и правовую деятельность людей. Тоталитаризм в экономике – это раскрестьянивание, учинённое в советской деревне в 1930 – 1931 гг., фактически превращающее крестьянина в пролетария в самом уничижительном смысле. Тоталитаризм в политике – это демонтаж авторитетов, то есть изъятие власти у эволюционно продвинутых интеллектуальных элит. Тоталитаризм в праве – это отказ от юридической нормы в пользу «ситуационного права» в так называемых условиях «чрезвычайного положения» и «чрезвычайных комиссий», идеологически обоснованных К. Шмиттом в Германии и практиковавшихся Г. Вышинским в СССР. Интересно, что тоталитарную практику в правовой сфере впервые обосновал В. Ленин, говоря о пролетарском суде как главном инструменте «воспитания нового человека»¹. Только имея такую авторитетную идеологическую базу можно было создавать грандиозный архипелаг ГУЛАГ.

Опыт прошлого и особенно опыт XX века нам подсказывает, что агрессивная партикулярность класса, нации, религиозной конфессии напрямую приводит к социциду, антропоциду, элитоциду. Поэтому «национальные», «классовые» «религиозные» революции можно назвать партикулярными (частичными); и как партикулярный гуманизм («гуманизм для своих») является в своей сущности и перспективе антигуманизмом, так и партикулярные революции, по сути, являются контрреволюциями.

Существует мнение, что «классовый тоталитаризм» в определённой степени был оправдан, так как в его рамках осуществлялась модернизация страны методами не совсем хорошими, но это была всё-таки «догоняющая модернизация», приведшая к тому, что СССР догнал-таки передовые капиталистические страны. Действительно, СССР догнал Запад по каким-то показателям, но пока он дого-

¹ См.: Ленин В. И. ПСС. Т. 54. С. 150.

нял Запад, последний ушёл ещё дальше вперед. А в чём? Запад создал эффективную экономику, причём, нетоталитарными методами, так как благодаря либерально-демократическим ценностям создал социальные институты, которые задают определённые формы инициативе людей, чтобы затем определять их жизнь. Потом исследователи доказали (в частности, Д. Норт – лауреат Нобелевской премии за 1993 г.), что социальные институты не менее важны для страны, чем её ресурсы, и что с хорошими социальными институтами общество скорее станет процветающим, государство – социальным, гражданское общество – гуманистически эффективным. К сожалению, по качеству важнейших институтов современного государства и общества нынешняя Россия находится в конце мирового списка. И, видимо, одной из самой серьёзных причин этого является не полностью преодолённое тоталитарное прошлое.

Очевидно, что субъективность, отвечающая критериям культурного идеализма, и понятая в её гуманитарном осуществлении, есть, прежде всего, причастность экзистенции к самой себе. В этом смысле она есть *экзистенциальная причастность к гуманистическим универсалиям целостного антропологического мира*. Она воспроизводится как личностное бытие, сущностью которого является *влечение к субъективности*, её самокультивирование. Такого рода субъективность воспроизводится по аналогии с природно-антропологической витальностью, но только в формах культурного творчества. Единство влечения к жизни и влечения к субъективности формирует многообразные практики *вовлечения* личности в особое состояние антропологического мира, которое мы обозначаем понятием «человечность». Но у этого слова есть великий синоним: иудео-христианская культура. Действительно, именно иудео-христианская культура оказалась для европейского самосознания тем революционным ферментом, который приводил в движение социальные процессы европейского мира весь нововременной период, но особенно – в XIX веке. Именно этот век был своеобразным венцом эпохи Просвещения, со всеми её достижениями и недостатками. Однако оказалось, что к началу XX века против универсальных гуманитарных ценностей этой подлинно революционной эпохи выступили определённые партикулярные силы (движения), которые можно со всей очевидностью назвать сущностно контрреволюционными. Разумеется, они себя таковыми не считали; для них были характерны революционная риторика и невероятные пропагандистские потоги в доказательстве собственной непогрешимости и исторической необходимости, но именно эти социальные силы (движения), прежде всего, в России и Германии, оказа-

лись способными прервать прогрессивный ход социальных изменений в европейском контексте. Прервать – но не уничтожить. Поэтому возврат в культурное русло европейской истории есть преодоление контрреволюции, что напрочь отрицает ностальгические попытки искать нечто позитивное в нацизме и большевизме.

Большевизм, как радикальное милитаризованное социалистическое движение, приведшее к тоталитарной практике, являлся контрреволюционным феноменом. Это была реакция на либерально-демократическую эволюцию европейского мира, прежде всего, российского, в экономической, политической, правовой сферах.

Германский нацизм, который также являлся контрреволюционным феноменом, был ответом на возникающий «европеизм», на действительно революционные изменения, сутью которых было возникновение нового наднационального космополитического мира, прежде всего, в Центральной и Восточной Европе, осуществлявшегося в границах позитивного государственного национального возрождения либерально-демократического толка. Донацистской и добольшевистской реакцией на этот объективный процесс явилась мировая война, которую подготовили противники либерально-демократических преобразований и которые привели Европу ко Второй мировой войне. В. Ленин, кстати, видел в зарождавшемся новом либерально-демократическом европеизме только негативные (буржуазные) стороны, чем и был мотивирован его призыв к «превращению империалистической войны в гражданскую». Эту идею не замедлил подхватить Гитлер, развязавший свою собственную гражданскую войну в своей стране против граждан неарийского и ненацистского типа, чтобы затем превратить эту войну в общеевропейскую и мировую. Фактически большевизм и нацизм настаивали на необходимости гражданских войн мирового формата, результатом которых должен был стать новый мировой порядок. Причём, нацизм предлагал для Европы национально-социалистический мир, а большевизм – пролетарски-социалистический, устанавливаемый тоталитарными террористическими методами гражданской войны. В версии В. Ленина гражданская война, начавшаяся в России и перенесённая в Европу, сделала бы последнюю пролетарски-социалистической. В версии Гитлера гражданская война, начавшаяся в Германии и перенесённая в Европу, сделала бы последнюю национал-социалистической. Видимо, у нас есть основания рассматривать нацизм и большевизм, как две конкурирующие контрреволюции, сверхзадачей которых была борьба с гуманистической культурой, с культурным идеализмом интеллектуальных европейских элит. Не об ли говорит статистика физического и морального уничтожения этих элит?

В этой связи для нас чрезвычайно важна интерпретация идейного столкновения Э. Кассирера (убеждённого антинациста) с М. Хайдеггером (ставшим членом нацистской партии в 1933 г.), которое произошло в Давосской дискуссии в 1929 г. (в данном случае мы используем текст Давосской дискуссии в изложении Р. Сафрански¹).

По мнению Э. Кассирера, культура – это ставшее формой трансцендирование; она воздвигает для человечества просторный дом, который легче разрушить, чем сберечь, эту хрупкую защиту от варварства, способного в любой момент возродиться и потому представляющего для неё постоянную угрозу. Однако М. Хайдеггер упрекал Э. Кассирера в том, что его оппонент ищет для себя «комфорта в жилищах духа». Мы полагаем, что данный упрек есть, по существу, упрек в культурном идеализме и латентной этической *религиозности* Э. Кассирера, той интимной религиозности, на которой стоит вся секулярная европейская культура. Отсюда следует, что «комфорт в жилищах духа», вопреки М. Хайдеггеру, не несёт в себе уничижительного смысла. «Комфорт в жилищах духа» – это сотериологическое требование, так как речь здесь должна идти о трансцендентальных основаниях культуры, науки, этики – о трансцендентальных основаниях экзистенциальных стратегий личностей, укоренённых в традиции европейского гуманизма. Здесь уместно другое словосочетание: «защищённость от варварства», или «свобода бытия». Речь должна идти о социальной и антропологической свободе, благодаря которой человек укоренён в бытии не как игрушка судьбы, а как сама судьба бытия. По нашему мнению, ставший в центр судьбы бытия человек может быть увиден только благодаря оптике иудео-христианской культуры. Поэтому не будет преувеличением сказать, что М. Хайдеггер, не принимая антропологическое видение бытия (это особенно проявлялось в его антинеокантианском настрое), выступал против иудео-христианской культуры. По словам М. Хайдеггера, его оппонент совершенно правильно видит в любой культуре, в любом свершении духа выражение свободы, но не понимает, что эта свобода может застыть, закоснеть в своих формах. Поэтому свобода всегда должна выливаться в новое освобождение; если она превратилась в состояние культуры, значит, мы её уже потеряли. Однако мы полагаем, следуя логике культурного идеализма Э. Кассирера, что свобода превращается не в состояние, а в процесс бытийствования культуры. Только в этом случае становится возможной самозабвота экзистенции и поиск смыслов самой культуры в себе самой. М. Хайдеггер

¹ См.: Сафрански Р. Хайдеггер: германский мастер и его время. М., 2002; см. также : Мартин Хайдеггер – Эрнст Кассирер. Семинар //Фауст и Заратустра. СПб., 2001.

как бы предохраняет от того, что человек, осваиваясь в созданной им самим культуре, теряет сознание своей свободы. Поэтому необходимо снова пробудить это сознание, но философия довольства культурой на такое не способна. Следует вернуть человеческое присутствие *к его изначальной нагоде и брошенности*. Таков приговор М. Хайдеггера. Но Э. Кассирер предохранял от *другого*. Он полагал, что возврат к подобной изначальности есть не что иное, как забвение самой культуры, – забвение того хрупкого трансцендентального мира, которым держится европейский гуманизм. Важно подчеркнуть, что Э. Кассирер направлял внимание на достижения культуры, на этос культурного идеализма еще до Освенцима и ГУЛАГа. Мыслители, подобные ему, предохраняли европейское человечество от тоталитарного варварства. По мнению же М. Хайдеггера, Э. Кассирер не видит подлинной задачи философии: *извлечь человека, использующего продукты духа, из его ленивого и затхлого состояния и вернуть к суровости его судьбы*. В этом требовании М. Хайдеггера, по нашему мнению, содержится отказ от иудео-христианского Обетования (отношения к человеку как высшей ценности) и возврат к доиудейскому и дохристианскому, следовательно, доантропологическому – мифокосмологическому – взгляду на человека, жаждущему *иного* обетования. А последнее требует фундаментального противопоставления *универсального смысла человечности*, смыслу партикулярных, пусть даже эстетически приемлемых для апологетов национальных или классовых движений, представлений о человеке. Интересно, что, по мнению современников, в Давосском споре большинство слушателей было на стороне М. Хайдеггера, жаждавшего героики и революционного действия. Однако в исторической перспективе победил всё-таки Э. Кассирер. Но за это пришлось заплатить непомерно высокую цену. Важно ещё подчеркнуть, что в наше время опыт «классовых» и «национальных революций» есть опыт культурной памяти (в значительной мере – негативной), который может и должен быть предупреждением об опасностях, которые несут в себе определённые социальные силы, рядящиеся в революционные одежды. Сегодня ценности европейского гуманизма могут быть защищены только благодаря адекватной культурной памяти, поэтому в драме современности европейская иудео-христианская культура становится той парадигмальной инстанцией космополитического уровня, к которой необходимо обращаться, когда гуманистические ценности находятся под угрозой.

С прагматической точки зрения европейская иудео-христианская культура в нашем секулярном мире является средством спасения всего человечества в силу того, что она обладает тенденцией не партикулярного, а универсального поддержания священного: ценности человеческой жизни.

ОСТЗЕЙСКИЙ ВОПРОС В ПЕРЕПИСКЕ Ю. Ф. САМАРИНА 1846 – 1848 гг.¹

Первое знакомство Ю. Ф. Самарина² с остзейским вопросом произошло почти случайно: тяготясь службой секретаря в 1-м департаменте Правительствующего Сената, а затем секретаря общего собрания первых трёх департаментов, где он был вынужден заниматься бесплодной бумажной работой (1)³, Ю. Ф. Самарин с радостью принял в начале 1846 г. предложение перейти на службу в министерство внутренних дел, где был прикомандирован в качестве делопроизводителя в Комитет об устройстве быта лифляндских крестьян. Новая служба давала ему то, в чём он более всего нуждался – ощущение смысла и полезности своего труда. Передавая в письме к А. С. Хомякову направление работ, возложенных на Комитет, Самарин заключал: «Вы видите, что дела довольно и, что весьма редко, дело это такого рода, что можно взяться за него с полным сочувствием, без зазрения совести [выделено нами. – А.Т.]»⁴. Эта перемена обрадовала его московских друзей как возможность избавиться от давящей петербургской бюрократической рутин, и А. С. Хомяков, получив от Самарина известие о том, что поездка в Ригу откладывается⁵, писал: «Одно грустно, что всё-таки Питер. Я, было, за вас порадовался, что вы оттуда выбираетесь хоть в Чухляндию настоящую, а теперь опять, кажется, не то выходит»⁶. Из этого письма А. С. Хомякова достаточно ясно, что московские славянофилы мало интересовались и вообще имели весьма слабое представление об остзейских губерниях (2).

В момент, предшествовавший назначению в Комитет об устройстве быта лифляндских крестьян, Ю. Ф. Самарин следующим образом представлял стоящие перед комитетом задачи:

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Президента Российской Федерации (2011 г.). Тема: «Национальное самосознание в публицистике поздних славянофилов»; № МК-1649.2011.6.

² Юрий Фёдорович Самарин (21 апреля (3 мая) 1819 – 19 (31) марта 1876) – известный русский публицист и философ XIX века, научные взгляды которого формировались под сильным влиянием гегелевской философии. После знакомства с К. С. Аксаковым он сблизился с ведущими славянофилами: А. С. Хомяковым и братьями Киреевскими, что нашло отражение в данной статье.

³ Здесь и далее в круглых скобках ссылки на примечания в конце статьи.

⁴ Самарин Ю. Ф. Сочинения. Т. XII. Письма 1840 – 1853. М., 1911. С. 415.

⁵ Там же. С. 417.

⁶ Хомяков А. С. Полн. собр. соч. Алексея Степановича Хомякова. Т. VIII. Письма. М., 1900. С. 261 – 262.

«В двух словах задача заключается в том, чтобы эманципировать низшие классы, или, лучше, все классы (исключая одного высшего), от исключительного господства дворянского сословия. Обращение латышей в православную веру, вовсе не вынужденное, а свободное, совершится неминуемо, само собою; остаётся только отстранять препятствия, воздвигаемые на каждом шагу немцами-протестантами и особенно немцами-православными. Этот факт чрезвычайно важен, и, по моему убеждению, его никто не понимает: ни те, которые содействуют ему, ни противная сторона»¹.

«Православное движение, по моему убеждению, началось вследствие свободной потребности; потребность эту потому только нельзя назвать чисто религиозною, или, лучше, исключительно религиозною, что для простого народа, в противоположность образованным классам, религия ещё не отрешилась от жизни... Народ понимает перемену религии, как преобразование всего быта; духовная потребность богослужения, материальная потребность куска хлеба и уголка земли, сознание опоры, которую он найдёт в правительстве, вражда к презирующему его землевладельцу – всё это выразилось в настоящем событии. Только односторонний взгляд может объяснять его из *одного* побуждения, за исключением других; они участвовали в нём все вместе, нераздельно»² (3).

Таким образом, ещё до ознакомления с остзейскими делами, у Ю. Ф. Самарина была готовая схема интерпретации: переход латышей в православие совершится «сам собою» при условии, что будут устранены помехи со стороны немцев и «немцев-православных». Задача состояла в освобождении низших сословий от «исключительного господства» остзейского дворянства и выполнение данной «эмансипаторской» задачи должно было взять на себя императорское правительство, дав крестьянам «1) неотчуждаемую поземельную собственность; 2) право перехода в соседние губернии на условиях; 3) право приобретения земель; 4) для русских – право селиться на условиях в поместьях остзейских помещиков. Само собою разумеется, что право приобретения земель распространяется на все сословия»³.

¹ Самарин Ю. Ф. Указ. соч. С. 414.

² Там же. С. 417.

³ Там же. С. 415.

Уже в январе 1846 г. Ю. Ф. Самарин рассматривает остзейский вопрос сквозь призму борьбы с «немецкой партией», причём его энтузиазм основывается, как он думает, на решимости императора проводить означенную политику: «...Приезд Государя положил конец колебаниям. На докладной записке Л. А. Перовского (4) он написал своею рукою против всех вопросов: “руководствоваться прежними разрешениями, без всяких уступок и отступлений, а с теми, которые хотят воздвигать препятствия, кто бы они ни были (последние слова им подчёркнуты), поступать по всей строгости законов”. *Убедившись из этого, что делу даётся надёжный ход, я решился принять сделанное мне предложение ехать в Ригу...* [выделено нами. – А.Т.]»¹ (5). Положение дел в Лифляндии изначально представлялось Ю. Ф. Самарину нетерпимым. И министерство внутренних дел, как ему в тот момент представлялось, при опоре на прочную поддержку, исходившую от самого императора, должно было решительно преобразовать весь порядок вещей в Остзейских губерниях, начиная с положения крестьян и заканчивая устройством «гильдий, цехов, магистрата и, вообще, торговых и городских законов»². «Реформаторский зуд», охвативший Ю. Ф. Самарина, освободившегося от рутины сенатских дел и причастного теперь, хоть и в «малых чинах», к высшей правительственной деятельности, не вызвал одобрения со стороны А. С. Хомякова. Последний, не обсуждая по существу планы реформ в Лифляндии, сетовал только на откладывающуюся поездку к Ю. Ф. Самарину в Ригу:

«Хоть комитет ваш и устроен по Чухонским делам, да совсем не то действовать на месте, видеть своими глазами, бороться с наличными страстями, наконец, делать самому справки, или действовать издали, по бумажным донесениям, по чужим справкам, нападать на заглазные страсти и заглазных людей и заступаться также за людей, которых от роду не видывал. Всё это дело мёртвое и холодное, и скучное; *добро бы было лёгкое и сопряжено с большим досугом, а этого и ждать нельзя* [выделено нами. – А.Т.]. Так что мы можем радоваться вестям об вас, но не за вас, потому что положение ваше крайне не завидно. Терпи казак, хоть и атаманом не будешь»³.

А. С. Хомякова не особенно интересует административная преобразовательная активность, в которую вовлечён Ю. Ф. Самарин, ему куда важнее то, как

¹ Там же.

² Там же.

³ Хомяков А. С. Указ. соч. С. 262.

эти дела скажутся на его личности и в какой мере они оставят последнему время для досуга, для тех интеллектуальных интересов, которые в глазах А. С. Хомякова, по крайней мере, в то время, имеют наибольшую ценность. Ю. Ф. Самарин ощущает возрастающее отдаление, его всё больше увлекают практические дела, возможность влиять на политику, действовать. И не решаясь открыто возражать А. С. Хомякову, старшему и авторитетному другу и учителю, он в письме к К. С. Аксакову¹ вставляет критические выпады в адрес «москвитизма», упрёки в бездеятельности и пустых разговорах, в анархии и недооценке значения правительства и принимаемых им мер.

Ближе познакомившись с делами Комитета и с лицами, призванными решать проблемы лифляндских крестьян, Ю. Ф. Самарин быстро утратил прежнюю уверенность, однако сохранил полученное им в самом начале представление об общем направлении реформ, которые должно предпринять в остзейских губерниях:

«Тоска и отвращение сжимают сердце при виде тех людей, которым приходится отстаивать добрые начала. Чего не опорочат, чего не исказят они! Что станешь делать? Немудрено отойти в сторону и умыть руки; но совестно, когда чувствуешь правоту самого дела, отказаться от участия из опасения замарать руки. Все осуждают меня и смотрят на меня с упрёком и соболезнованием; до этого мне дела нет... Не менее того я решился. Моё участие в этом деле имеет большую важность, чем я сам предполагал. Все знают, что я действую по убеждению, следственно внутренне одобряю если не частные меры, то цель правительства; в том кругу, к которому я принадлежу, это – неслыханная новость, признак нового направления...»².

В мае месяце, после закрытия Комитета, Ю. Ф. Самарин получил назначение чиновником особых поручений при министре внутренних дел и был командирован к ревизионной комиссии, которой было поручено обревизирование городского устройства Риги и составление проекта преобразования последнего. Выехав из Петербурга 21 июля вместе с председателем комиссии Я. В. Ханьковым, он почти сразу же окунулся с головой в работу. Помимо массы частных поручений, на него было возложено составление исторического обзора городского устройства Риги – работа, в руках Ю. Ф. Самарина разросшаяся в капитальное историческое исследование (6).

¹ Нольде Б.Э. Юрий Самарин и его время. М., 2003. С. 40 – 41.

² Самарин Ю. Ф. Указ. соч. С. 419 – 420.

Сама Рига понравилась Ю. Ф. Самарину, едва ли не вопреки его воле: «Всё здесь неприязненно и чуждо нам, и, несмотря на это, с участием и почти с сочувствием смотришь на памятники и следы прошлого, утратившие всякий смысл в настоящем, потому именно, что везде ощущается присутствие свободно развившейся жизни»¹. Однако немецкое бюргерство, которое первоначально произвело на Ю. Ф. Самарина самое положительное впечатление (7), затем характеризуется им всё более негативно: погруженный в бесконечные дразги с Рижским магистратом, столкнувшись «с местными приёмами политической борьбы, с... политическим сутяжничеством»² (8), 6 октября 1846 г., пробыв в Риге чуть более двух месяцев, он пишет А. Н. Попову:

«Присмотрелся я к немцам и узнал вблизи, что такое их хвалёная честность и немецкий Biederkeitssinn (9); если б я захотел рассказать вам здешнюю скандальную хронику служебную, торговую и общественную, то я мог бы исписать целую тетрадь. Но здесь рука руку может; для каждой проделки, самой подлой и гнусной, придуман благовидный предлог. Номенклатура, терминология здесь хороша; например, взяток гнушаются, но кто же осудит *добровольное приношение?* Хороши они особенно в сношениях с русскими!»³.

Следуя за наблюдением Б. Э. Нольде⁴, отметим, что если бюргерство и его «проделки» вызывали презрение, то совершенно иной была реакция Ю. Ф. Самарина на встречу с местным немецким дворянством. В августе 1847 г. в письме к А. О. Смирновой-Россет он так передает свои впечатления:

«Возвратившись в Ригу (10), я застал уже всё лифляндское дворянство, съехавшееся на ландтаг. Какие вдруг появились бороды, галстуки и охотничьи куртки! *Вся эта компания чрезвычайно оригинальна, и хотя у меня вовсе не лежит к ней сердце, однако, должно сознаться, в её движениях и речах заметно какое-то сознание собственной силы и собственного достоинства, которое, конечно, не есть ещё добродетель, но, по крайней мере, предохраняет от многих гадостей* [выделено нами. – А.Т.]»⁵.

В письме к М. П. Погодину от 9 октября того же года Ю. Ф. Самарин подводит итог своим рижским впечатлениям:

¹ Там же. С. 272.

² Нольде Б. Э. Указ. соч. С. 47.

³ Самарин Ю. Ф. Указ. соч. С. 276 – 277.

⁴ Нольде Б. Э. Указ. соч. С. 51.

⁵ Самарин Ю. Ф. Указ. соч. С. 375.

«Я могу сказать это теперь: всё здесь дышит ненавистью к нам, ненавистью слабого к сильному, облагодетельствованного к благотворителю и вместе гордым презрением выжившего из ума учителя к переросшему его ученику. Здесь всё окружение таково, что ежеминутно сознаёшь себя, как русского, и, как русский, оскорбляешься»¹.

Назначение остзейским генерал-губернатором кн. А. А. Суворова, после недолгого колебания осудившего политику предшественника и принявшего сторону остзейских привилегированных сословий, а в особенности изменение внутривнутриполитического курса (после «Галицийской резни» 1846 г. и в особенности после революций 1848 г.), фактически поставили крест на планах масштабных реформ в прибалтийских губерниях. Утратив надежды на законодательную реализацию предложений комиссии в обычном правительственном порядке, Ю. Ф. Самарин попытался одновременно воздействовать на общественное мнение и политику правительства другим путём – написанные им в 1848 г. «Письма из Риги» стали одним из первых образчиков русской политической публицистики.

Однако вряд ли можно согласиться с тезисом, что пребывание в Лифляндии существенно изменило взгляды Ю. Ф. Самарина. «Письма из Риги» содержательно мало отличаются от его суждений о прибалтийских губерниях, высказанных ещё до отъезда в Ригу. Изменилось не содержание – появились эмоции, отсутствовавшие до столкновения с лифляндским бюргерством и рыцарством. Показательно, на наш взгляд, что именно в период пребывания в Риге Ю. Ф. Самарин завязывает переписку с Погодиным, уважаемым им университетским наставником (11). Взгляды Ю. Ф. Самарина на национальный вопрос в этот момент ближе всего именно к воззрениям Погодина. «Романтический национализм» последнего², опирающийся на ксенофобское противопоставление слабо рефлексированного и недифференцированного «русского» иному, «западному», был ему в этот момент эмоционально привлекательнее, чем туманные и слишком сложные попытки определить национальное у А. С. Хомякова или Киреевского. Ю. Ф. Самарин в этот момент нуждался в ясности противопоставления: ощущая себя передовым борцом с лифляндским рыцарством, «немцами-протестантами» и, в особенности, «немцами-православными», засевшими в петербургских министерствах и петербургском высшем свете, он испытывал потребность в чётком образе врага (12).

¹ Там же. С. 255 – 256.

² Виттекер Ц. Х. Граф С. С. Уваров и его время / пер.с англ. Н. Л. Лужецкой. СПб., 1999. С. 122.

Таким образом, на наш взгляд идейная эволюция Ю. Ф. Самарина по «остзейскому вопросу» в 1846 – 1848 гг. на основании его переписки может быть охарактеризована следующим образом:

1. Взгляды Ю. Ф. Самарина на содержание остзейского вопроса и пути реформирования сословных и поземельных отношений в крае, на распространение православия сложились ещё до его причисления к Комитету об устройстве быта лифляндских крестьян.

2. Ю. Ф. Самарин соглашается принять участие в Комитете, а затем и в трудах ревизионной комиссии, поскольку его понимание необходимых реформ совпадает с программой министерства внутренних дел. Он настойчиво подчёркивает, что действует не как чиновник, но поскольку его взгляды совпадают с тем, что он считает целью правительства, ставит себя в положение *деятеля*, а не *исполнителя*.

3. Пребывание в остзейских губерниях и непосредственное знакомство с тамошним положением вещей существенно не изменило содержания взглядов Ю. Ф. Самарина, но изменилось его эмоциональное отношение к остзейскому вопросу. Представители высших прибалтийских сословий, будучи подданными Российской империи, в то же время не считали себя частью России, утверждая и акцентируя собственное культурное превосходство над её основным народом. Слабые и малочисленные сами по себе, местные дворяне обладали несоразмерным влиянием на ход государственных дел: они позволяли себе управлять Россией, не считая себя её частью. Сочетание силы и слабости, поразившее и возмущившее Ю. Ф. Самарина в местном дворянстве, в то же время в другом отношении являлось и ситуацией самой России.

4. Фактический отказ от задуманных реформ, отказ от того, что Ю. Ф. Самарин считал «целью правительства», приводит его к решению воздействовать на общество и правительство. Если сначала он хотел пересылать свои публицистические статьи А. С. Хомякову, чтобы тот «давал им ход»¹, то затем сам стал их ревностным распространителем в высших сферах. Не случайно Ю. Ф. Самарин, записывая свой разговор с императором в Зимнем дворце 17 марта 1849 г., отмечает слова Николая I, сказанные им в конце беседы: «Вот ваша книга; вы видите, что она у меня и остаётся здесь». Т.е. Ю. Ф. Самарину удалось то, на что он рассчитывал – довести свою точку зрения до императора, причём точку зрения не отдельного человека, чиновника и т.п., но «направления»; говорить с вла-

¹ Самарин Ю. Ф. Указ. соч. С. 258.

стью и обществом от лица направления. Император не согласился, но выслушал и отчасти объяснился в своей политике. Б. Э. Нольде так характеризовал эту известную беседу: «Разговор императора и Самарина вечером 17 марта 1849 г. необыкновенно ярко передаёт столкновение традиции с новшествами политического выступления Самарина... В свете всего последующего невольно спрашиваешь себя, кто прав был в своей оценке русской окраинной политики – молодой, талантливый глашатай новой народнической истины или узкий, но выдержанный и последовательный носитель привычной консервативной государственности»¹. В определённом смысле именно этот разговор стал «рубежным» для политической мысли Ю. Ф. Самарина, обозначив границу между прежним размытым «национальным» движением, не видевшим конфликта с основами существовавшего устройства империи, и модерным национализмом зрелого славянофильства, осознавшего необходимость сложной, болезненной и длительной трансформации империи и полагавшим правильным направлением такой трансформации переход от традиционной империи к национальному государству.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Ю. Ф. Самарин писал из Петербурга брату Михаилу 8 марта 1845 г., описывая службу в Сенате: «Занятия – самые интересные, сопряжённые с приятностью и пользой для ума и сердца. Экзекутор принесёт кипу полученных из разных присутственных мест рапортов; их запишешь в настольный реестр и отметишь год, число, номер и т.д. Потом принесут копий с 30 с 3-х или 4-х указов; их перечтёшь в 6 или 7 рук и выправишь. Потом дадут на дом составить записку из какого-нибудь дела или извлечение из варварской просьбы. Сперва меня бесили беспрестанные повторения, дикое правописание, вычурный слог; я принимался поправлять ошибки и слог, но после бросил это дело, как ненужное и ни к чему не ведущее... Боже мой, сколько времени, и как бы можно было употребить его! На занятия, к которым лежит у меня сердце, изредка удаётся урывками посвятить часа два – три, сделаешь кое-какие выписки, но ни одна мысль не успеет созреть и выразиться»². Жалобы на бесплодность и скуку, отягощаемую бессмысленностью подобного труда, часты в письмах Ю. Ф. Самарина своим московским друзьям и родным. Из письма к отцу от 23 марта 1845 г.: «Любезный папенька, в последнем вашем письме вы увещеваете меня вооружиться тер-

¹ Нольде Б. Э. Указ. соч. С. 54 – 55.

² Самарин Ю. Ф. Указ. соч. С. 351 – 352.

пением для преодоления сухого и скучного труда. Признаюсь, очень интересных занятий, таких, которые требовали бы сильного участия мысли, я и не ждал... Пугает и сокрушает меня не сухость, а бесплодность труда»¹. Ю. Ф. Самарин рассчитывает найти какой-то выход из угнетающего его положения и думает о том, чтобы найти службу за пределами Петербурга. А. С. Хомяков в письме от 17 декабря 1845 г. соглашается с размышлениями Ю. Ф. Самарина²: «Вам, разумеется, надобно выехать из Петербурга; но куда? Всего бы лучше, если бы можно на год или более за границу; но по вашему письму это, кажется, совершенно невозможно. Мой совет выбрать (если уже в Москву нельзя или можно только с какою-нибудь невозможною секретарскою должностью) одну из ближайших губерний. Мне кажется, нам всем надобно быть довольно близко от друга»³.

(2) С положением дел в остзейских губерниях и о планах правительства в их отношении, в этот момент обсуждавшихся в министерстве внутренних дел, информировал московских славянофилов помимо Ю. Ф. Самарина также А. Н. Попов⁴.

(3) Спустя два десятилетия, полемизируя с остзейскими публицистами в «Окраинах России», Ю. Ф. Самарин будет неоднократно повторять данный аргумент, оттачивая его форму, но не меняя по существу. В послесловии ко 2-му выпуску «Окраин» он писал: «“Переходившие в православие побуждались житейскими расчётами, ожиданием выгод, надеждою получить землю, зажить лучше – *стало быть*, убеждение было ни при чём, и они просто продавали свою веру”. – Странный вывод, и что за удивительное легкомыслие в этом *стало быть*! Человек, взятый порознь, и тот очень редко, в любом своём действии, следует *одному* побуждению, всецело и безраздельно наполняющему душу; а, наоборот, почти всегда, при некотором внимании, подмечает в себе множество самых разнообразных двигателей, одновременно направляющих его волю: это общий закон человеческой природы; а тут дело идёт о целой массе людей тёмных, неразвитых, не обладающих способностью внутреннего анализа, людей, лишённых всякой возможности отрешиться даже мысленно от своей житейской обстановки и перенестись в область отвлечённых вопросов; а мы не хотим понять, что... их мучили и томили одновременно две неудовлетворённые потребности: голод плотский и жажда духовная. Чтобы целый народ, сам собою, мог пожелать обра-

¹ Там же. С. 316.

² Там же. С. 411 – 413.

³ Хомяков А. С. Указ. соч. С. 260.

⁴ Самарин Ю. Ф. Указ. соч. С. 414.

таться из лютеранства в православие, это нам кажется почему-то до такой степени диким и невероятным, что мы хватаемся с радостью за всякое другое, подвёртываемое нам объяснение, лишь бы оно обходилось без участия духовных инстинктов, и при этом не замечаем, что предлагаемое нам толкование, которому мы добродушно поддакиваем, в сто раз невероятнее»¹. Отметим, однако, существенное изменение тона и оценки: если в письме к А. С. Хомякову от февраля 1846 г. сложный характер побуждений к переходу в православие излагается посредством романтической лексики, имеющей положительную оценку: «неотрешённость от жизни», «преобразование всего быта», «нераздельность», то в «Окраинах» лексический выбор указывает уже не столько на «органичность» делаемого выбора, сколько на «неразвитость» крестьян («неразвитость» в противоположность «культуре» и «образованию»).

(4) Перовский Лев Алексеевич (1792 – 1856) – министр внутренних дел в 1841 – 1852 гг.

(5) Уже месяц спустя надежды Ю. Ф. Самарина на определённую политику правительства рассеиваются и остаётся в вера в «Русского Бога» а la Тютчев: «...На счёт успеха начатого дела меня обнадеживает, может быть, суеверное, тёмное предчувствие, что русское правительство, несмотря на все его недостатки, запечатлено каким-то *character indelebilis*, как говорят богословы, которого оно вполне утратить не может; есть какая-то разумная сила, ни в ком в особенности не проявляющаяся, но которая, будучи лишена представителя или органа, всё-таки, наперекор всем, определяет известный образ действий, известное положение правительства»².

(6) По окончании ревизии исследование было отпечатано в 1852 г. под заголовком «Общественное устройство города Риги. Исследование ревизионной комиссии, назначенной министром внутренних дел. 1845 – 1848. Том первый». Хотя публикация и была предназначена исключительно для лиц «высшего управления», однако, как писал в биографическом очерке Д. Ф. Самарин, «бывший министр внутренних дел Л. А. Перовский не решился выпустить его из своего кабинета и всё издание погибло; уцелело только 2 – 3 экземпляра, составляющие теперь библиографическую редкость»³; для публики работа стала доступной после переиздания её в VII-м томе собрания сочинений Ю. Ф. Самарина⁴.

¹ Самарин Ю. Ф. Сочинения. Т. VIII. Окраины России. М., 1890. С. 296 – 297.

² Самарин Ю. Ф. Сочинения. Т. XII. Письма 1840 – 1853. М., 1911. С. 420.

³ Самарин Ю. Ф. Сочинения. Т. VIII. Окраины России... С. XVII.

⁴ Самарин Ю. Ф. Сочинения. Т. VII. Письма из Риги и История Риги. М., 1889. С. 163 – 634.

(7) См. лирический пассаж Ю. Ф. Самарина о «среднем сословии» в письме к А. О. Смирновой-Россет от 28 августа 1846 г.¹

(8) 22 января 1847 г. Ю. Ф. Самарин писал из Риги А. О. Смирновой-Россет: «Я теперь занимаюсь изучением дел по некоторым частям здешнего управления лет за 10 тому назад. Не могу передать вам, какое это вселило во мне отвращение к этому роду деятельности вообще. Недобросовестные недомолвки, умышленное распространение несбыточных обещаний или тщетных угроз, сознательная несправедливость для примера, наконец, этот взгляд на вещи, совершенно отстраняющий понятие о том, что истинно и ложно, право и неправо, взгляд бездушного исполнителя, который видит в мире только средства и препятствия к исполнению мысли не его, к достижению цели, не им поставленной и которая завтра заменена будет другою или перенесена на другой край, всё это – не личные пороки и недостатки, а неизбежные условия этой деятельности. Вот что ужасно!»².

(9) «Немецкое прямодушие».

(10) Ю. Ф. Самарин ездил 11 – 17 августа в Ревель.

(11) См. воспоминания Ю. Ф. Самарина о Московском университете, написанные им в 1855 г. по предложению К. С. Аксакова³.

В 1848 г. Ю. Ф. Самарин пытался убедить А. С. Хомякова вновь начать тесное сотрудничество с Погодиным, объединить с ним усилия, на что А. С. Хомяков отвечал: «...Думать о действии с ним заодно просто невозможно; для этого надобно бы было, чтобы у него было мнение какое-нибудь, а этого-то и нет... Смотреть на него, как на союзника, нельзя; он на это слишком бесхарактерен, но пользоваться им для пользы общей должно, когда он случайно стремится к добру»⁴.

¹ Самарин Ю. Ф. Сочинения. Т. IX. Окраины России... С. 358 – 359.

² Самарин Ю. Ф. Сочинения. Т. XII. Письма 1840 – 1853... С. 363.

³ Самарин Ю. Ф. Сочинения. Т. IX. Окраины России... С. XIII.

⁴ Хомяков А.С. Указ. соч. С. 271.

*Часть 3**Культурология**Н. А. Коноплёва, С. Ф. Карбанова***ОПЫТ АНАЛИЗА ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ МЕТОДОМ
КУЛЬТУРНОЙ ТИПОЛОГИЗАЦИИ**

Активное исследование проблемы человеческой личности в искусстве, литературе, философии, науке принесло менее впечатляющие результаты по сравнению с достижениями в исследовании природы, не говоря уже о технике и технологии. Личность изучается в социологии и педагогике, психологии личности и социальной психологии, психиатрии и криминологии, и каждая из этих наук накопила огромное количество эмпирического материала. Однако это не привело к появлению стройной теории, раскрывающей суть феномена «человек». Ещё более проблематичны теоретические исследования творческой личности. Особенно острыми являются проблемы соотнесения творческой личности и социума, творческой личности и исторического контекста её жизнедеятельности.

В задачу статьи не входит обзор всех аспектов обозначенной проблемы. Остановимся лишь на тех характеристиках, которые связаны с основной целью данной работы – с помощью метода типологизации описать типичные для одних, критические для других противоречия, пределы, в которых личность гармонически или противоречиво соединяется с социально-психологическими тенденциями.

Для разработки теоретических оснований решения поставленной задачи необходимо рассмотреть особенности метода культурной типологизации и проанализировать социокультурную ситуацию конца XIX – начала XX веков, в которой происходило становление анализируемых творческих личностей и их деятельности. Данный период характерен, прежде всего, тем, что все глубинные процессы смены культурных эпох в обозначенное время обнажились и были вынесены на поверхность социокультурной жизнедеятельности общества.

Типологизация – метод научного познания, направленный на разделение некоторой изучаемой совокупности объектов на обладающие определёнными свойствами упорядоченные и систематизированные группы с помощью идеали-

зированной модели или типа (идеального или конструктивного)¹. Понятие «тип» наделяется несколькими значениями: формы, обладающей существенными качественными признаками; единицы расчленения изучаемой реальности в типологических построениях; технологической системной единицы в сравнительно-исторических исследованиях культуры; теоретической конструкции, в которой выделены существенные свойства, объединяющие одни объекты и явления и отличающие их от других в тех или иных культурных системах; модели конструирования культурной реальности в различных планах: морфологическом, функциональном, историческом и других; моделирования культурно-исторического процесса по стадиям, этапам на основании выделения наибольших (глобальных) системных признаков. Обязательными процедурами в конструировании типов культурных объектов является сравнение, предполагающее дальнейшие процедуры систематики, классификации, анализа и структурирования признаков исследуемых объектов².

В современной науке имеются интересные данные типологизации генетических аспектов темперамента Р. Клонинджера, которые приводит Э. В. Бабынин³. Р. Клонинджер и его коллеги предположили, что «тяга к новому» связана с дофаминэргической системой мозга, «избегание наказания» – с серотонэргической, главным же модулятором «зависимости от награды» является норадреналин. В результате они описали три поведенческие стратегии:

1) «тяга к новому», которая проявляется в сильном возбуждении в ответ на новые стимулы, исследовательской активности. Индивиды, имеющие высокие показатели по этому параметру, характеризуются импульсивностью, возбудимостью, непостоянством, экстравагантностью, имеющие низкие показатели – ригидностью, верностью и скромностью;

2) «избегание опасности», которое проявляется в интенсивной реакции на отрицательные стимулы, в результате чего развивается избегание опасности и фрустрация. Индивиды с высокими значениями этой черты имеют тенденции к пессимистическому ожиданию проблем, характеризуются пассивностью, уклончивым поведением, быстрой утомляемостью. Низкие же баллы характеризуют более подвижных и полных оптимизма людей;

¹ См.: Чебанюк Т. А. Методы изучения культуры : учеб. пособие. СПб., 2010. С. 83; Голубева Э. А. Типологический и измерительный подходы к изучению индивидуальности : от Освальда и Павлова к современным исследованиям // Психологический журнал. 1995. № 1. Т. 10. С. 65.

² Чебанюк Т. А. Указ. соч. С. 83.

³ Бабынин Э. В. Генетические аспекты темперамента: междисциплинарные исследования / Психологический журнал. 2003. Т.24. № 5. С. 95 – 102.

3) «зависимость от вознаграждения», при которой высокие баллы характеризуют чувствительных, эмоциональных, социабельных людей, низкий показатель – людей прагматичных, чёрствых, хладнокровных.

Основная задача при построении типологии личности – последовательная реализация метода типизации, особенность которого состоит в том, что он не предлагает набора черт личности (пусть очень важных), а выявляет движущие силы её активности, развития, соотносит их с социокультурными тенденциями, с общественными движущими силами. В этом состоит принципиальное отличие подлинной типизации от классификации. Основная проблема при построении типологии личности заключается в том, чтобы выявить, с какими социокультурными тенденциями связаны те или иные комплексы личностных черт и качеств¹. В основу построения типологии должен быть положен принцип анализа личности через её жизнедеятельность, через способ её жизни.

Типы активности субъекта, характерные способы соединения личностью внешних и внутренних тенденций жизни, способы их превращения в движущие силы своей жизни в обществе, особенности жизненных стратегий, характеризующиеся преимущественной статичностью, консервативными тенденциями или же активностью и новациями, имеют решающее значение, по нашему мнению, при характеристике своеобразия культурно-исторического типа творческой личности. Можно, по-видимому, проследить, как у одних эти тенденции совпадают (целиком или частично), поддерживают друг друга, а у других – оказываются разобщёнными. Одни преимущественно опираются на социокультурные тенденции, другие – на внутренние, индивидуальные, третьи их оптимальным образом соединяют, четвёртые постоянно решают противоречия между ними. При всех условиях путь к построению типологии – не сравнение свойств характера, психологических структур личности, а сопоставление особенностей жизненных структур, способов жизненного движения личности, решения ею противоречий. Совпадают ли внешние и внутренние тенденции в жизни личности, действуют ли по принципу скольжения, столкновения, трения, противодействия и т.д. – это характеризует способ организации жизни и тип личности.

Таким образом, задача состоит в том, чтобы не просто устанавливать факторное соответствие тех или иных этапов, событий и обстоятельств жизни с теми или иными особенностями и чертами личности, а в том, чтобы раскрыть их причинную связь. Исходной является зависимость личности от объективных харак-

¹ См.: Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. М., 1977.

теристик жизнедеятельности как части общественного процесса. Но одновременно личность включается в совокупность причин и следствий своей жизни уже не только как зависимая от внешних обстоятельств, но и как активно их преобразующая, более того, как формирующая в определённых пределах позицию и линию своей жизни¹.

Наиболее продуктивной для решения задачи, поставленной в рамках данной статьи, представляется типология В. Ф. Оствальда и Э. Ф. Голубевой. В. Ф. Оствальд предложил оригинальную дихотомическую типологию учёных – «романтики» и «классики», конкретное психофизиологическое и психологическое содержание которой говорит о проницательности учёного. «Крайние типы этой особой “породы” людей (великих исследователей) весьма резко различаются между собой по складу ума и характеру поведения. Обе эти основные группы можно характеризовать как “классиков” и “романтиков”, главный пункт их различия заключается в скорости их умственных реакций. “Классики” отличаются медлительностью умственных процессов, “романтики” – быстротой. У “романтиков” – большая потребность в общении, у “классиков” – стремление к замкнутости. Для “романтиков” характерно революционизирующее творчество, “избыток мыслей, планов, возможностей”, большое количество многообразной работы за короткое время. И отсюда опасность, часто подстерегающая “романтиков”, – незрелость некоторых плодов творчества, особенно в молодости. Первая забота “романтика” заключается в том, чтобы окончить занимающую его в данный момент задачу и освободить место для следующей. Поэтому “романтики” довольно беззаботны по отношению к собственным произведениям. “Классики” же отличаются систематичностью, каждодневно выполняют заданные себе уроки, тщательно “отделявают” свои произведения, чтобы никто из современников “не был в состоянии улучшить результат”»².

Э. А. Голубева разводит характеристики двух типов индивидуальности: «художники» – «мыслители» по ряду критериев. «Художников» отличает преобладание возбуждательных процессов, сила и активированность нервной системы, чаще холерический темперамент, энергетическая активность, лучшая непосредственная память, более высокий уровень невербального интеллекта, музыкальные, коммуникативно-речевые, педагогические, артистические способности, экстравертированность, произвольная саморегуляция, склонность к деятельности в сфере «человек», «природа», для них характерно доминирование инфор-

¹ См. : Абульханова-Славская К. А. Диалектика человеческой жизни. М., 1997.

² Голубева Э. А. Указ. соч. С. 66.

мационно-энергетических процессов. В свою очередь «мыслителям» присущи преобладание торможения, у них чаще встречается меланхолический темперамент, слабость нервной системы и её инактивированность, лучшая опосредованная память, более высокий уровень вербального интеллекта, преобладание познавательных способностей: математических, когнитивно-лингвистических, склонность к деятельности в сферах «техника», «знаки», рационалистичность, интровертированность, произвольная саморегуляция, доминирование информационно-регуляторных процессов.

Анализ ряда типологий показал близость заложенных в них концепций. Так, тип «художественный» («образник» по А. Галину) и «романтик» соответствуют друг другу по своим характеристикам, «мыслитель» – «логику» и «классику». В свою очередь наши исследования показывают, что большой процент случаев типологии творческой личности соответствует типу «романтик» (по типологии Ф. Оствальда); художественному типу (по типологии Э. А. Голобевой) и типу «образник» (по типологии А. Галина).

В свою очередь, О. А. Кривцун отмечает специфику художников-романтиков, придающих огромную роль деятельности субъекта: с одной стороны, субъекту творчества, а с другой – субъекту восприятия. Романтики в культуре, по его мнению, обозначили переходный период, когда искусство, с одной стороны, набирало максимальную творческую высоту как самодостаточная творческая сфера, а с другой – вновь пыталось выйти за пределы себя. «Художественное переживание, по мнению романтиков, свободно от заданных рамок, способно сообщить свободу и самостоятельность импульсам человека»¹.

Вместе с тем, до настоящего времени не изученной остаётся проблема взаимовлияния, а точнее единства творческой и бытийной биографий художника, позволяющая осмыслить его как особый культурный и психологический тип. Всевозможные «странности» характера художника, его «аномалии» в обыденной жизни оставались уделом либо устных форм (предания, анекдоты), либо мемуарной литературы. Между тем феномен творческой личности как особого культурного типа личности, предполагающий изучение скрытых, но прочных форм сопряжённости творческого дара художника и его образа жизни, повседневного поведения, мотиваций действий – это большая философская проблема².

Определённый интерес в свете изложенного выше представляет попытка применения метода культурной типологизации к анализу представителей хорео-

¹ Кривцун О. А. Творческое сознание художника. М., 2008. С. 205.

² Там же. С. 183.; Он же. Историческая психология и история искусств. М., 1997.

графического искусства. Как уже отмечалось, для исследования методом культурной типологизации необходим анализ социокультурной ситуации, которая составляла фундамент созревания творческой личности. Именно исторический контекст становления и в дальнейшем созидательной деятельности личности способен прояснить её направленность к той или иной типологии.

Выделенный для анализа период характерен тем, что социально-экономическое развитие России на рубеже XIX – XX вв. отразилось в культурной жизни страны, определило многие достижения науки и техники. Промышленное производство нуждалось в новейших технологиях, технике, профессиональных кадрах. В то же время обновляющаяся жизнь вносила изменения в мировоззрение человека, стимулируя культурное своеобразие творческой личности.

Весь комплекс проблем, завязавшихся в «узел» в духовной культуре рубежа XIX и XX веков, можно обозначить как кризис классических устоев рационализма. Лидирующее положение психологии, нередкое перерастание отдельных наблюдений психологов в этот период в развёрнутые философско-мировоззренческие концепции (З. Фрейд, К. Г. Юнг) объяснялось характерным стремлением эпохи найти в иррациональном, инстинктивном, природном более тонкие возможности жизненной ориентации, чем те, которые предоставлял интеллект как «ограниченная сила», не способная обеспечить прогресс человечества.

Традиционная система мировосприятия, доставшаяся ещё от Ренессанса, в XX столетии стремительно разрушалась, вызывая к жизни больше оппонентов, нежели прямых продолжателей. Идея разумного поступательного развития человечества периодически развенчивалась, как и идея разумного общественного устройства. Приближение радикальных изменений в культуре ощущалось уже в том драматизме, который задолго до возникновения острого кризиса отразился в духовном самочувствии современников, в произведениях искусства. Как и в предыдущие переходные эпохи, драматизм как феномен духовной культуры выражался в предчувствии катастрофы, распространении мистических учений.

Между тем искусство выступило той сферой, где созрели и воплотились главные духовные принципы переломной эпохи XIX – XX веков: гуманизм, утверждение единства человека и природы, реабилитация чувственно воспринимаемого мира. Именно в искусстве, как своеобразной идеальной модели, смогли в тот период проиграться и утвердиться зачатки воззрений, взорвавших впоследствии ранее существовавшее мировосприятие.

Ситуация рубежа XIX – XX веков не просто пробудила к жизни искусство, принципиально отличающееся от предшествующего художественного опыта че-

ловечества, – сама культура стала восприниматься совершенно по-новому. Возникают глобальные культур-философские построения, выходящие за рамки традиционно-теоретических форм. Эти концепции представляют собой нечто подобное мифу в своей непроверяемости, недоказуемости, и при этом в своей образно-стилистической яркости, непреложности и бытийственной глубине.

Каждый вид искусства, постигая, благодаря своей образной специфике, те или иные сферы объективной реальности, уже в силу этого обстоятельства обладает своими, только ему присущими закономерностями. Прежде всего, здесь надо отметить своё особое художественное пересоздание мира, свойственное только данному искусству, объективно заложенное в системе его изобразительно-выразительных средств. То, что характерно для музыки, отлично от того, что постигается поэзией, живописью, хореографией. Однако ограниченность в непосредственном отражении, свойственная каждому искусству, в действительности оборачивается его многозначностью, постижением сущности.

Мир хореографической образности диктует свои законы отображения действительности, основанные не на буквальном соответствии жизненного и художественного материала, а на степени верности метафорическому, поэтическому отражению жизни. Балет, в силу своих изобразительно-выразительных возможностей, более чем другой вид искусства, чужд натуралистической подробности, житейской повседневности, обыденной достоверности. Вместе с тем, балетмейстер не может творить вне связи с действительностью. Связь носит не буквальный, а опосредованный характер, она необходимо осуществляется с учётом общих эстетических законов и образности хореографического искусства. Язык танца – это, прежде всего, язык человеческих чувств, и если слово что-то обозначает, то танцевальное движение выражает, и выражает только тогда, когда, находясь в сплаве с другими движениями, служит выявлению всей образной структуры произведения.

Обобщённость и многозначность хореографической пластики требует применения особых законов отображения действительности, состоящих в поэтической условности хореографических образов. Секрет воздействия танца состоит в силе выражения человеческих дерзаний, в передаче чувств высокого накала, в отвлечении от всего мелкого и случайного.

К концу XIX столетия балет как самостоятельный и творчески развивающийся сценический жанр существовал только в России. Рубеж XIX – XX веков оказался для него временем итогов. Всё возможное в пределах эстетики балетного спектакля минувшего века было уже совершено. Русский балет занимал ве-

дущее место в мире, его школа надёжно хранила накопленные традиции, его репертуар включал в себя лучшие хореографические достижения XIX века. Обе его труппы – петербургская и московская – располагали выдающимися мастерами классического и характерного танца, пантомимной игры.

Вместе с тем, балет подходил к поворотному пункту своей истории¹. Завершалась славная эпоха русского балетного академизма. Время требовало новых открытий в области метода и стиля. Эпоха трёх революций свершила глубокие сдвиги в общественной жизни России. Ломались вековые устои, а с ними менялись смысл и назначение искусства вообще. В ходе обострённой социальной борьбы искусство всё более сложно и опосредованно отражало жизнь.

Неудовлетворённость существующим порядком вещей и жажда перемен возродили, в частности, интерес к романтизму. Романтики нового времени в образах искусства «пересоздавали» действительность, изменяли её. Романтические мотивы развивались двумя самостоятельными путями. Один путь обращал к мнящему прошлому: воскрешались образы и образные средства минувших эпох, с той, однако, разницей, что не только мечта, как прежде, но и сама действительность теперь представляли иллюзорными и зыбкими. Другой путь устремлял творца к «действительности будущего», к героям характеров и поступков². В хореографическом искусстве появились хореографы и исполнители, которые сознавали необходимость реформ и объявляли «войну» академизму.

Сторонников реформ привлекала стилистическая цельность балетного действия, историческая достоверность образов, естественность пластики. К этому они стремились, но этого не всегда достигали. Они оправданно отрицали эклектический стиль и изжившие себя формы спектакля XIX века. Но в пылу спора они упраздняли и формы классического танца – высокое завоевание минувшей эпохи. Отвергался симфонизм как система обобщённого музыкально-постановочного мышления. Взамен давалась полифоническая разработка танцевального действия, то есть от музыки брались лишь композиционно-структурные приёмы проведения и сочетания танцевальных тем. Балету-симфонии противопоставлялась хореодрама. Главным соавтором хореографа стал не композитор, а живописец. В плодотворной борьбе нового и старого поначалу, наряду с отжившим, сгоряча отвергались и вечные ценности.

Балетное искусство того времени и все процессы, бурлившие внутри него, были связаны с творчеством четырёх, ставших впоследствии известными, балет-

¹ Эльяц Н. Образцы танца. М., 1970. С. 126.

² Красовская В. История русского балета. Л., 1978. С. 161 – 162.

ных артистов: Анной Павловой, Матильдой Кшесинской, Михаилом Фокиным, Вацлавом Нижинским.

Анализ их детства показал, что для общего развития у всех была вполне благоприятная обстановка. При различии в экономическом положении, психологическая атмосфера вполне соответствовала их комфортному существованию. Не было препятствий при выборе хореографического искусства, как основного вида будущей деятельности. Кроме того, оно не было им навязано, это был их собственный выбор.

Все они поступили в хореографическое училище, успешно учились, сразу выделились своим упорством, трудолюбием и необыкновенным талантом. После окончания сразу стали ведущими исполнителями. С этого момента и начинают проявляться те характеристики их личности, которые связаны с психологическими особенностями каждого из них, с их индивидуальным мироощущением.

Отношение человека с окружением ведёт к накоплению кодированной и структурированной информации. Её качество зависит от состояния социальной среды. Здесь имеют значение содержательные характеристики, активность воздействия, которые рассматривают как детерминанты познавательных процессов. Однако они не определяют результирующие формы активности человека. Индивидуальность является определяющим фактором, влияющим на способность внутреннего преобразовывать внешнее¹.

Важно определить те социально-психологические тенденции, с которыми связаны те или иные комплексы личностных черт и качеств. Прежде всего, привлекает внимание гениальная Анна Павлова (1881 – 1931) и её творчество.

По различным литературным материалам, воспоминаниям современников, статьям критиков и другим источникам можно составить характеристику индивидуальности А. Павловой. Её отличало осознание постоянного труда и самосовершенствования.

Вся жизнь А. Павловой до самой смерти проходила под знаком непрерывной учёбы. Она «поглощала» бесконечное количество книг, занималась рисованием и лепкой, совершенствовалась в технике танца, самым серьёзным образом изучала народные танцы повсюду, куда бы ни «заносила» её судьба. Редкий талант А. Павловой помогал ей разобраться во всех получаемых знаниях и впечатлениях, отбирать из них самое главное и нужное и, органически переработав, применять в своём творчестве. Очевидно, доминирование информационно-энер-

¹ Рубинштейн С. А. Принципы и пути развития психологии. М., 1959. С. 250.

гетических процессов в её искусстве позволило ей ощутить внутренние ритмы эпохи перемен.

Она отрицала танец ради танца, уделяя особое внимание выразительности исполнения. Балерина часто пренебрегала точностью передачи движений классического танца, но это не только не портило впечатление, а, наоборот, усиливало его. А. Павлова была не только замечательной танцовщицей, но и исключительно одарённой актрисой. Дар перевоплощения и из ряда вон выходящий талант позволяли ей создавать как характерные, так и лирические образы, тем самым, делая диапазон её творчества необъятным.

А. Павлова как высокоодарённая личность с тонкой нервной организацией, рано почувствовала наступление перемен, приняла их, приветствовала их и отдала все свои силы на их приближение. Это выразилось в её активном участии в новаторских постановках Михаила Фокина и в попытках создания новых балетов.

Имя А. Павловой связано с эпохой реформ в балете. Несмотря на хрупкость и внешнюю слабость, А. Павлова была упорной и настойчивой. Она имела крупный для балерины недостаток – обе ступни её прекрасных «говорящих» ног были невыворотными, писала Л. Д. Блок. И А. Павлова со свойственной гению смелостью перестала стремиться поддерживать ногу в выворотном положении и повернула в арабеске ногу подъемом вниз. Так она нашла линию поразительной красоты¹.

Она была горда, чувственна, непредсказуема. Говорила, что она «монахиня искусства» и её личная жизнь – это театр. Она стремилась расширить границы изобразительных элементов, создавая хореографические образы. Её духовной миссией было приобщение к довольно закрытому аристократическому искусству балета самых широких слоёв населения. Значение её гастролей было велико: благодаря её творческой активности с балетом России познакомились страны, не знавшие этого искусства, возникли новые группы значительных танцовщиков и балетмейстеров. Однако за рубежом она не смогла создать ничего нового. Творчество великой балерины было рождено русской действительностью начала века и поэтому закономерно выразило и исчерпало себя в эту эпоху.

Завершая анализ творчества А. Павловой, можно сделать следующие выводы. По типологии, представленной в данной работе, её можно отнести к «романтикам». Как было показано, для неё характерно революционизирующее творчество, избыток планов, стремление к переустройству существующей системы,

¹ Блок Л. Д. Классический танец. История и современность. М., 1987. С. 332 – 333.

большое количество многообразной работы за короткое время. При том, что её личное творчество всегда было успешным, другие проекты: организация труппы, подбор репертуара, собственные постановки – не всегда были удачными, что тоже характерно для «романтиков». Как выдающаяся личность, она имеет ярко выраженный эмоциональный строй и стиль, свою основную «палитру» чувств. В высших своих проявлениях это предполагает известную самостоятельность мысли, яркость чувств, силу воли и какую-то собранность и внутреннюю страстность.

Совершенно иной комплекс личностных черт и качеств демонстрирует Матильда Кшесинская (1872 – 1971). Исполнение уже первых партий показало, что она обладала не только равной с итальянцами техникой, «стальным носком», темпераментом, отчётливостью танца, чистотой исполнения, увёртливостью и красотой движений, но и была первоклассной актрисой. Она с равным успехом исполняла и лирические, и характерные и полухарактерные роли. Образы, созданные ею, свидетельствовали не только о высоком актёрском мастерстве, но и показывали широту диапазона балерины. Достигнутые успехи не успокаивали, а, наоборот, вдохновляли на дальнейшее совершенствование её таланта. Она регулярно занималась в классе и соблюдала строжайший рабочий режим.

М. Кшесинская «растворяется» в танце. Очевидцы отмечали, что она исполняет роль в обобщённой классической манере, в технических подробностях танцевального блеска, как бы внешнего, но «как глубоко тревожит нас этот блеск. Пантомима её вдохновенна. Её исполнение надолго вдохновляет воображение и волнует мысль. Virtuозный блеск танца тревожит. Сила и глубина чувства возникают не помимо технических трудностей, а в неуловимой зависимости от них»¹.

Современники отмечали, что жест и мимика М. Кшесинской непосредственно и полномерно обнаруживают лишь общечеловеческие переживания, элементарные и цельные чувства, в патетически и психологически совершенных нормативных формах.

Творчество балерины отличается систематичностью, она каждодневно упорно работает над собой, тщательно отделяет свои танцевальные партии, чтобы никто из современников не смог улучшить её результат. Такие характеристики творчества позволяют по нашей классификации отнести её к «классикам».

Облик М. Кшесинской всегда неизменен, какова бы ни была исполняемая ею роль. Голова наклонена вбок, волосы, будь то хоть египетская царица, хоть бродячая цыганка, аккуратно завиты, уложены по моде, шея часто выпрямлена

¹ Яковлева Ю. Ю. Мариинский театр. Балет XX век. М., 2005. С. 60 – 61.

бриллиантовым ожерельем. Торс охвачен тугим корсетом. Руки фиксируют заданную позу. Ноги выворотно закрепляют четвёртую или пятую позицию экзерсиса. Идеал неподвижно застывшего времени передан в устойчивой, законченной форме. В её поведении прослеживаются ригидные поведенческие стратегии.

Всё, отмеченное выше, подчёркивает ещё один аспект, характерный для «классиков», – творчество М. Кшесинской направлено на саму себя, на совершенствование своих данных, на достижение личного успеха, на самореализацию. Устоявшиеся каноны классического балета давали такую возможность, тогда как новое таило в себе неустойчивость, не проверенную временем и зрителем.

М. Кшесинская и А. Павлова – воспитанницы одной школы, одних и тех же учителей, а творчество их принадлежит как бы разным эпохам. Исполняя даже концертный номер, А. Павлова расточала душевные силы, превращала его каждый раз в новый спектакль. У М. Кшесинской исполняемые роли могли быть сыграны сегодня хуже, завтра лучше, но во всех столь разных ролях она оставалась сама собою – прима-балериной императорской сцены. Смятенному поиску противостояла незыблемость старых норм. Великая танцовщица-актриса и блистательная «премьерша-виртуозка» в одной и той же роли демонстрировали не просто стык индивидуальностей и личных вкусов. Век нынешний и век минувший сталкивались в их искусстве, обнажая антагонизм творческих идей, непримиримость эстетических позиций¹.

Выдающимися представителями той же хореографической школы и того же времени были Вацлав Нижинский и Михаил Фокин. Рассмотрим типологию этих личностей также на основе биографического метода.

Вацлав Нижинский (1890 – 1950), происходил из потомственной балетной семьи. Он обладал редкой способностью полного внешнего и внутреннего перевоплощения: «Его лицо, кожа, даже рост в каждом балете казались иными»². Знаменитый французский скульптор О. Роден утверждал, что В. Нижинский был одним из немногих, кто мог выразить в танце всё волнение человеческой души. Через год после выпуска В. Нижинский уже пользовался широкой известностью, что, между прочим, никак не отражалось на его поведении – он оставался таким же скромным и простым в обращении, закрытым для общения, как и прежде.

У В. Нижинского была феноменальная для своего времени техника. Особенно впечатляли его «прыжки-полёты», словно птицы. Он был художником большой творческой интуиции. Небольшого роста, скуластый, с чуть раскосыми

¹ Красовская В. М. Русский балетный театр начала XX века. Танцовщики. СПб., 2009. С. 279.

² Борисоглебский М. В. Материалы по истории русского балета. Л., 1939. Т. II. С. 177.

глазами, рельефной, почти лепной мускулатурой ног, с женственными, чуть вялыми кистями рук, словно поражёнными «болезнью воли». Он был неприметен в жизни, но преображался на сцене. Точнее, полностью преображался в создаваемый им персонаж.

Уже в самом начале творческого пути В. Нижинского М. Фокин специально для него создавал в балетах партии, которые выходили за рамки традиционного классического репертуара. В. Нижинский, в целом, был как бы отстранён от общества и полностью погружен в своё творчество. Широта и глубина его притязаний не могли исчерпываться только исполнением, хотя, за исполнение роли «Петрушки» величайшая французская актриса назвала его величайшим актёром в мире. Он стремился попробовать свои силы и как постановщик. Однако его постановки получили отрицательную оценку у критиков. Его принимали как танцовщика, но отвергали как балетмейстера.

Будучи воспитан в традиционных рамках, он всё-таки чувствовал веяния времени и страстно желал воплотить их в танце. Такое высокое исполнительское мастерство, несомненно, было связано с большим нервным напряжением, что влекло за собой психологическую нестабильность. Она усилилась вследствие обстоятельств, которые вынудили артиста покинуть Россию и, независимо от него, привели к трагической невозможности вернуться обратно.

Таким образом, по типологии, складу ума и характеру поведения В. Нижинского можно отнести к «романтикам». Он пытался выполнить большое количество многообразной работы, имел избыток мыслей, планов и возможностей, что характерно для «романтиков». Однако во всех своих начинаниях он всё-таки оставался исполнителем. Играя роль, он перевоплощался, буквально входил в новое существование, действовал на подсознательном уровне. Как писал художник А. Бенуа о роли В. Нижинского в одном из спектаклей, «я усматриваю в этом наличие гениальности. Только гений, то есть нечто никак не поддающиеся “естественным” объяснениям, не мог не стать таким воплощением идеала рококо»¹.

Творчество В. Нижинского – это крайняя степень пограничности между новыми веяниями и традиционными балетными канонами. Он интуитивно, благодаря психофизиологической конструкции личности, находил новые пластические характеристики персонажей, изобразительные элементы которых выходили за рамки традиционных канонов. Однако в целом В. Нижинский не смог адапти-

¹ Цит. по: Слонимский Ю. Фокин и его время. Л.; М., 1960. С. 63.

роваться к радикальным изменениям, происходившим во всех сферах жизнедеятельности того времени. Понимая их, он вместе с тем не сумел реализоваться в новых условиях, и в результате его судьба была трагичной.

Наиболее успешно адаптировался к новым тенденциям балетмейстер Михаил Фокин (1880 – 1942). Уже во время учёбы молодой танцовщик стал вполне сформировавшимся артистом. Безупречно и свободно владея классическим танцем, он одновременно был и одним из лучших исполнителей народно-характерных плясок, справедливо считался прекрасным пантомимным актёром. Кроме того, М. Фокин прекрасно владел кистью, карандашом и отлично играл на рояле. Воспитанный в прогрессивных традициях русского реалистического балета, он неудержимо стремился вперёд и нетерпеливо искал случая применить на деле кипевшую в нём энергию. М. Фокин отличался критическим отношением к окружающему, независимостью суждений и не желал мириться с «рутиной и затхлостью», которая царила в петербургской балетной труппе. Начав свою педагогическую работу, он сразу стал на новый путь, стремясь в первую очередь внести смысл в каждое движение классического танца. Он, например, всегда спрашивал своих учениц, зачем они становятся на пальцы или делают арабеск, и указывал на эмоциональные возможности различных танцевальных движений.

Творческое начало М. Фокина не позволяло ему останавливаться: он хотел стать художником и копировал картины старых мастеров, поступил в художественное училище, подумывал даже о поступлении в Академию художеств. Когда его увлекли народные инструменты, он так освоил мандолину, балалайку и домру, что был принят в прославленный оркестр русских народных инструментов В. Андреева.

М. Фокин ввёл балет в круг образов и идей, характерных для современных ему искусства и литературы. Его постановки развивали темы быстротечности счастья, хрупкости и мечтаний, поиск ускользающих образов. Он «думал» сценической пластикой, танцами. Танец для него – средство обобщения жизненных явлений. Поза, движения должны были, по его мнению, отображать душевное состояние героя, быть осмысленными. «Ничто не выражающее тело – это... труппа или кукла»¹.

С первых лет своей профессиональной деятельности М. Фокин стремился к самостоятельным постановкам, которые сразу привлекли внимание и сделали его известным. Он стремился к новому, делал всё, чтобы изменить «закостенев-

¹ Там же.

шее искусство», приблизить его к новым веяниям, внедрить их в балет. Он входил в то поколение, которое балетмейстер А. Горский называл поколением, родившимся в жажде нового.

Психологически М. Фокин был более стабилен, чем многие артисты того времени: одни, когда у них возникали психозы, как у В. Нижинского, кончали жизнь самоубийством, другие, не справившись с надвигавшимися новыми тенденциями, прятались в педагогику. Деятельность М. Фокина была стабильна, и происходившие бурные события лишь служили источником его вдохновения. По выбранной типологии он явно относится к «романтикам». Он быстро творчески созрел и ещё в молодом возрасте разрабатывал новые танцевальные формы, быстро впитывал все новые тенденции. Современники воспринимали его как новатора, лидера, его постановки встречали с восторгом.

Завершая исследование, можно отметить следующее. Метод типологизации вполне продуктивен для анализа деятельности представителей творческих профессий. Он позволяет выявить движущие силы творческой деятельности художника, соотнести их с социокультурными аспектами окружающей художника действительности и современными ему общественными тенденциями.

Н. Ю. Костюрина

МОЛОДЁЖНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ БОЛЬШЕ НЕТ, или ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРО- СТРАНСТВА г. КОМСОМОЛЬСКА-НА-АМУРЕ¹

Недавнее скандально известное исполнение группой «Pussy Riot» панк-молитвы «Богородица, Путина прогони» перед алтарём в Храме Христа Спасителя и реакция на это событие РПЦ, государства и представителей разных социальных слоёв не только ещё раз обнажило проблемы современной России – политические, социальные, религиозные, нравственные, но и оказалось чудесной иллюстрацией для исследования молодёжных субкультур, позволив сфокусировать наше внимание на пафосе протеста – свойстве, традиционно выделяемом в

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Аксиология современной культуры России: Ценностные ориентации молодёжи Дальневосточных городов»), проект № 11-13-27002а/Г.

культурологии в качестве основного, при характеристике любой молодёжной субкультуры.

В исследованиях, посвящённых субкультурным традициям, стали уже общим местом развёрнутые размышления терминологического плана. Позволим себе в рамках небольшой статьи свернуть всё разнообразие позиций к двум точкам зрения.

Во-первых, термин «субкультуры» используется как синоним понятия «культуры» (во множественном числе, в значении, вложенном в него в 2000 г. в Докладе о культурном многообразии Юнеско), обозначая в контексте процесса глобализации современное разнообразие культурных паттернов, ценностей, образов жизни, увлечений и т.д., то есть мультикультурность. Основанием для подобного словоупотребления становится формирующееся представление об отсутствии сегодня культурной вертикали и самоценности любой из форм культуры.

Во-вторых, термин «субкультуры» традиционно осмысливается в контексте концепции социализации, т.е. приобщения человека к ценностям базовой/господствующей культуры (культурного ядра, «высокой культуры»), которое связано с известными трудностями, в т.ч. возрастными. В этом случае мы исходим из представлений о культурной вертикали и термином «субкультуры» обозначаем те формы культуры, которые отличны от базовой культуры или противоположны ей по ряду параметров. Группы, являющиеся носителями субкультурных традиций, как правило, в большой степени герметичны; человек, идентифицирующий себя с какой-либо субкультурной общностью, придерживается характерной для этой общности системы моральных норм, вкусов, поведенческих стандартов, жизненных целей и смыслов, весь комплекс которых и становится основой для самоидентификации.

Вторая позиция стала уже классической, первая же фиксирует внимание исследователей на изменениях, которые происходят в современной культуре, и вызывает множество споров, в т.ч. относительно того целого, по отношению к которому субкультура оказывается частью, нового содержания и функций субкультур, структуры культуры.

В первом варианте структура культуры выглядит как множество культурных/субкультурных вариантов (национальных, половозрастных, профессиональных и пр.) внутри целого – глобальной/общемировой культуры.

Во втором варианте структура культуры предполагает субкультурное разнообразие внутри национальной культуры. Второй вариант плохо подходит для описания современной культурной ситуации, особенно в России, поскольку оче-

видно, что национального культурного ядра, основы культурной вертикали, больше нет (или оно в значительной степени размыто).

В какой-то степени обозначенная терминологическая проблема – это вопрос масштаба: в первом случае мы можем выделить по разным признакам сколь угодно много мелких и крупных групп, культура которых будет отличаться друг от друга в той или иной степени, во втором случае мы полагаем, что в обществе эти группы выделены, автономны, герметичны и набор их если не ограничен, то обозрим. Кроме того, в первом случае важным оказывается *разнообразное содержание* субкультур, во втором же – их *адаптационные функции*.

Когда речь идёт о молодёжных субкультурах, мы, как правило, исходим из представления, сложившегося в гуманитарном знании XX века о том, что молодёжь – это специфическая социальная страта, выделяющаяся по ряду признаков: возрастные психофизические характеристики, непроизводительный образ жизни, небольшой личный жизненный опыт, специфический механизм «вхождения» новых поколений во «взрослую» культуру, т.е. сложный процесс приобщения к ценностям базовой культуры. Сущностью субкультуры в таком ракурсе проблемы считается удовлетворение таких потребностей личности, которые невозможно реализовать в доминирующей культуре.

Заметим, что большинство современных исследований молодёжной культуры России базируются на аксиоматическом представлении о том, что современная молодёжь изменилась (в первую очередь, изменились её ценностные ориентиры), и цель исследования – выявить и описать эти изменения вне анализа социокультурных изменений в целом. В результате такой установки возникают разнообразные, часто взаимоисключающие интерпретации разными авторами одних и тех же явлений, а вместо анализа современных культурных реалий происходит механическое наложение устаревших исследовательских стратегий и оценок на современный материал, истолкование фактов вне современного историко-культурного контекста, навязывание живому материалу неадекватной системы исследовательских координат.

Для того чтобы сделать результаты исследований более достоверными, необходимо учесть ряд принципиально важных изменений социокультурной реальности в России.

1. Ослабление нормативности русской культуры конца XX века привело к тому, что в современном обществе практически отсутствуют потребности личности, которые невозможно реализовать в доминирующей культуре – ничто (почти) не запрещено. Современные молодые люди 15 – 20 лет формировались в

условиях, когда ни родители, ни социальные институты не могли предложить (а тем более навязать) хоть сколько-нибудь целостной системы взглядов и ценностных ориентаций. Таким образом, молодёжная субкультура лишается важнейшего своего признака – протестности.

2. Старшее поколение не занимает больше устойчивых социальных позиций, напротив, легко может оказаться в ситуации необходимости социальной адаптации, а молодёжь, в свою очередь, достаточно рано начинает профессиональную деятельность, обладая по сравнению со старшим поколением большими адаптивными возможностями, включая возрастной ресурс. Необходимо сосредоточить внимание на изменении процесса социализации в современной русской культуре, главным отличием которого оказывается необходимость ресоциализации для любой социальной группы или индивида вне его возрастных характеристик.

3. Возрастной дифференциации общества со строго закреплёнными за каждой возрастной категорией социальными функциями, структурного разрыва между детством и взрослостью больше нет. Подросток (даже ребёнок) может занять вполне престижное и высокооплачиваемое место в современной культуре.

Раннее начало трудовой деятельности/профессионализации компенсируется социальной мобильностью. Молодёжь перестаёт быть непроизводительной общностью, а это было одним из важнейших признаков молодёжной культуры. Представители разных возрастных групп уравниваются современной культурой в возможностях реализации своего творческого потенциала. Взрослые зачастую дезориентированы, десоциализированы или вынуждены адаптироваться к меняющимся условиям жизни наравне с молодыми, а потому не могут предложить молодому поколению образцов для подражания.

Собственно, от всего комплекса свойств, характеризующих молодёжь, остались только демографические: этап жизненного цикла, обусловленный набором психофизических характеристик.

Изменился и механизм самоидентификации молодых людей. Если два десятилетия назад принадлежность к конкретной молодёжной субкультуре означала принятие и разделение её норм, ценностей, мировосприятия, стиля жизни, поведенческих стандартов и внешних атрибутов, то современный молодой человек уже не «прикован» к единичной социальной группе и легко пробует себя в разных образах (реальных и виртуальных) с разным набором качеств. Он с лёгкостью входит в различные социальные образования со взглядами, зачастую взаимоисключающими друг друга, демонстрирует самые разнообразные вкусы и

увлечения, непринуждённо меняя их, и с единой цельной личностью себя уже не соотносит. Современный молодой человек запросто оказывается носителем различных субкультурных традиций, ситуативно выбирая в качестве ценностей те или иные нравственные, поведенческие и смысложизненные ориентиры, принимая взаимоисключающие нормы и легко их меняя.

Отсюда вытекает и недостаточная репрезентативность соцопросов, направленных на выявление аксиологии современной молодёжи, поскольку на ответы респондентов влияет неучтённое число факторов. Если ещё 20 лет назад участник опроса мог выбирать как личность наиболее близкий ему вариант ответа, то сегодня он выбирает между личностями, в образе которых участвует в опросе. Отсюда и противоречивость, зачастую диаметрально противоположность интерпретаций соцопросов исследователями. Видимо, сегодня методов только социологии уже недостаточно для анализа аксиологии современной культуры: мы плохо представляем социальную структуру современного общества; велико число параметров, которые можно положить в основание стратификации; многие виртуальные общности вообще непонятно как учитывать и описывать в структуре социума, а не учитывать невозможно, поскольку они имеют способность неожиданно, в результате ряда обстоятельств материализовываться многотысячными демонстрациями и менять русло истории.

То разнообразие, которое зачастую осмысливается исследователями как субкультурное, оказывается лишь стилевым разнообразием современной всеядной моды. Субкультурные образцы давно стали частью массовой культуры, элементом культуры для молодежи, модной индустрии и известны молодому поколению из многих информационных источников, т.е. «навязаны/предложены сверху». Потому-то сами представители молодого поколения зачастую не видят разницы в проявлениях субкультурной общности и, например, «субкультуры цвета хаки» (например, деятельности военно-патриотического объединения «Рось» и военно-патриотического клуба «Русич») или работы молодёжного волонтерского движения «Милосердие»¹.

Небольшой провинциальный город, не отличающийся разнообразием культурных институтов и, в целом, сложностью и разнообразием культурной среды, усиливает привлекательность ярких элементов стиля: манеры поведения, элементов внешнего облика, любых необычных форм, не формируя, однако, у горожанина механизма рефлексии, оценки и выбора. Неискушённый провинциал с

¹ Проект «Новое поколение выбирает» // URL : <http://letopisi.ru/index.php/>.

его скромным объёмом повседневных впечатлений, с радостью потребляет всё, что может разнообразить его жизнь, не оттолкнув чрезмерной оригинальностью, не испытывая, впрочем, особого желания привлечь излишнее внимание к своей особе, выделиться из толпы, самоутвердиться слишком экзотическим способом.

Глобальная культура, которая не может не быть массовой, предлагает потерянному потребителю это разнообразие, вынужденно включая в себя всё новые и новые культурные/субкультурные элементы, поскольку именно это разнообразие оказывается условием её функционирования/доходности. Одинаково приемлемыми/привычными в рамках этой культуры становятся и стилевое смешение, и микст моральных норм. Принадлежность конкретной субкультуре в ситуации подобного многообразия означает серьёзное ограничение индивидуального выбора. Мотивы самоограничения должны быть предельно значимыми для личности, и, как показывает анализ таких наиболее устойчивых субкультурных образований, как религиозные, или, к примеру, инвалидные, связаны, чаще всего, с неспособностью индивида выжить в одиночку. Ещё одним следствием современного культурного разнообразия и информационного переизбытка становится желание человека отгородиться от информационных потоков, ограничить число коммуникативных связей с миром. Зачатую это имеет интересные продуктивные результаты – интенсификацию (и востребованность) творческой активности неофитов в различных сферах современной культуры (живопись, музыка, танец, литература и др.) без опоры на традицию; снижение качества результата (оригинальности, смысловой наполненности и т.д.) в значительной степени компенсируется демократизацией творческой деятельности.

Учитывая сказанное, к молодёжной субкультуре можно, да и то, видимо, с оговорками отнести школьную субкультуру, формирующуюся в рамках противостояния поколений учеников и учителей. Именно школьные учителя оказываются сегодня последними носителями ценностей «высокой культуры», нарочитая назидательность которых вызывает протест у тинэйджеров, выливающийся потоком вербальной агрессии на школьных форумах. Школьный учитель и ценности, проводником которых он оказывается, зачастую изначально скомпрометированы для подростка социальным и экономическим положением учителя. Единственным рычагом воздействия на ученика становится кнут (пряника нет), вызывая закономерное сопротивление, которое чаще всего реализуется в примитивных, нетворческих формах маргинального поведения: выпить в туалете, покурить за теплицей, нацарапать матерную надпись на стене или парте. Как пра-

вило, школьные группы плохо организованы и неустойчивы, если только не попадают в сферу влияния криминальных авторитетов.

Интересно, что мат, широко употребляемый в молодёжной среде, может быть рассмотрен и как форма протеста против норм литературного языка – последнего осколка базовой культуры, элемента культурного ядра, хоть как-то сохраняющего свою устойчивость; и одновременно как способ возрастного маркера – «дети при взрослых матом не выражаются» (интернет-фольклор).

Интересно, что школьная общность – среда, выбор которой менее возможен в провинциальном городе, предлагающем небольшой спектр образовательных услуг. Исход из вынужденной социальной среды школы, как правило, приводит молодого человека не к поискам/обретению новой референтной группы (если только это не армия), а к смещению интересов и реализации творческой активности в область частной жизни – дружеских, семейных, сексуальных стратегий. Именно эта черта культуры провинциального города неизменно фиксируется в любых исследованиях: в реальной жизни провинциальной молодёжи наибольшей значимостью наделены межличностные отношения (любовь, дружба, общение); жизненные смыслы связаны, прежде всего, с семейными ценностями и материальным благополучием.

Теперь вернёмся к примеру, с которого мы начали свои размышления – панк-молитва в центральном православном храме России. На первый взгляд, перед нами молодёжный протест против политической ситуации в стране, нравственного упадка и продажности власти и церкви, выраженный в традиционной форме молодёжной субкультуры. Часть общества увидела именно эту сторону дела, выступив в защиту участников акции. Молодёжь в такой системе координат выглядит политически и творчески активной, хотя активность эта может быть оценена противоположным образом: как излишне резкая и смелая, что, впрочем, и простительно и обнадёживает, либо как оскорбительно резкая, не принимающая во внимание ценностей окружающих, ниспровергающая или оскорбляющая их.

С другой стороны, та же акция оценена многими как удачный пиар-проект группы, рекламный ход, цель которого – экономические дивиденды. С этой точки зрения панк-стиль группы уже не укладывается в рамки молодёжных инициатив, а становится частью массовой культуры, для которой шок зрителей – залог удачных продаж.

Третий вариант интерпретации событий: панк-молитва – это элемент путинской политической кампании, либо отвлекающий момент, либо попытка сделать из В. В. Путина жертву и привлечь симпатии электората.

Слегка редуцируя результат нашего «экспресс-анализа», можно согласиться, что сценариев, в действительности, всего два: либо есть вертикаль, базовые ценности и протест, либо нет вертикали, нет базовой культуры, всё предельно атомизировано и укоренено в повседневности частного потребления.

Если рассмотреть эти варианты в контексте пространственной локализации, то первый алгоритм возможен в столице, второй – в небольших провинциальных городах, подобных Комсомольску-на-Амуре.

Залогом трансформации провинциальной городской среды в таком случае выступает либо время и естественный ход событий, ведущий к усложнению, увеличению многообразия культурных форм, либо интернет, предлагающий такое многообразие в виртуальном сублимированном виде.

А. Ю. Завалишин

БЕДНАЯ СУБКУЛЬТУРА **(мнение социолога)**

Как научный редактор, могу сказать – мне, к сожалению, не часто попадают на стол рукописи статей, монографий и даже диссертаций, к которым я как редактор или рецензент не мог бы придраться (в плане стилистики и синтаксиса, прежде всего). В этом плане статья Н. Ю. Костюриной «Молодёжной субкультуры больше нет, или Особенности современного социокультурного пространства г. Комсомольска-на-Амуре» стала приятным исключением. А вот к содержанию вопросы, прежде всего, теоретико-методологического и эмпирического плана возникли.

При том, что определённые и иногда даже существенные расхождения в этом плане между разными социально-гуманитарными дисциплинами (культурологией и социологией, в данном случае) не только возможны, но и необходимы, я всё же позволю себе высказать мнение по существу заявленной темы (молодёжная субкультура), хотя, сразу должен признать, что это мнение, конечно, субъективно и, возможно, излишне социологично. Опять же, делаю это не столько в плане полемики (я готов принять любую точку зрения, если она аргументирована), сколько в надежде, что какие-то мои мысли могут быть полезны автору названной статьи, также как другим исследователям в данной области при дальнейшей работе над этой темой.

Так вот. По названию: первая часть излишне амбициозна или, может быть, публицистична для научной статьи (хотя, какой гуманитарий не грешит публицистичностью?!), вторая не отражает её содержания (поскольку уважаемый автор анализирует не «особенности современного социокультурного пространства» города, а всего лишь социокультурные особенности провинциальной городской молодёжи. На мой взгляд, детализация важная.

Крайне спорным является утверждение, что «пафос протеста – свойство, традиционно выделяемое в качестве основного, при характеристике любой (!) молодёжной субкультуры». В социологии, по крайней мере, с конца 1960-х годов для субкультур, основанных на пафосе протеста, «отличной от базовой культуры или противоположной ей по ряду параметров», используется термин «контркультура» (хиппи, панки, рокеры, культура преступного сообщества и т.п.). Считать всю молодёжную субкультуру «контр-», то есть, сводить её к протестным формам, заведомо некорректно, также как и отрицать её наличие как таковой.

Не могу не согласиться с Н. Ю. Костюриной относительно размывания границ субкультур в современном информационном обществе. Можно, наверное, говорить об ускоряющемся процессе конвергенции некогда «герметичных» субкультур (например, религиозных), о возникновении множественных субкультурных идентичностей современных людей. Но всё это НЕ ОТМЕНЯЕТ субкультуры как таковые. Возможно, возрастает степень виртуализации их бытия, то есть, они всё более отрываются от своих конкретных носителей и существуют *как бы* сами по себе, словно, предлагая попробовать: «Примерь-ка меня на себе как новое платье. Нравится, так носи». Особенно это должно быть характерно для молодёжи (но нужно эмпирически верифицировать). Думаю, пока не устарело и классическое определение субкультуры, как культурной специфики социальной группы в структуре общества, которая проявляется в НЕКОТОРЫХ отличиях базовых ценностей, норм и образцов поведения, языке (сленге) и т.д. Исходя из сказанного, отрицать наличие молодёжных субкультур во всех обществах, в т.ч. и современном Российском, нелепо. Социокультурные отличия молодёжи в возрасте 16 – 25 лет (о возрастных границах можно дискутировать) от детей, людей среднего возраста и стариков более чем очевидны. Также как вовсе не очевидны критерии исчезновения молодёжной субкультуры, предложенные автором: начало трудовой деятельности в более раннем возрасте, чем это было прежде (а когда-то вообще практиковался детский труд – на заре индустриальной эпохи; тогда тоже не было молодёжной субкультуры? Кстати, а могут ли быть субкультуры, как таковые, в традиционном обществе?); более высокий уровень адаптиро-

ванности к современному обществу у молодёжи по сравнению с их родителями (сам этот факт можно рассматривать как критерий выделения современных возрастных субкультур, разве не так?) и т.д.

По поводу определения термина «субкультура» в Докладе о культурном многообразии Юнеско. Оно представляется явно политически ангажированным, а в контексте последних событий в странах Западной Европы и США (которые многие аналитики характеризуют как провал теории и практики мультикультурализма) ещё и социально, и политически скомпрометированным. Утверждение об «отсутствии сегодня культурной вертикали и самооценности любой из форм культуры» – явный реверанс в сторону субкультурных меньшинств (прежде всего, этнических и религиозных), призванный утвердить в обществе идеал толерантности как принципа межэтнического и межконфессионального взаимодействия. Мол, мы все равные, все хорошие, давайте дружить. Идея прекрасная, но не получилось ведь! В реальности происходит не конвергенция (как в пресловутой теории плавильного тигля), а размежевание субкультур и их носителей, всё более приводящее к трансформации субкультур в *контркультуры*. То же становится заметно и в России.

Кстати, о «культурной вертикали» недвусмысленно высказался В. В. Путин в своей предвыборной статье по национальному вопросу: «Самоопределение русского народа – это полиэтническая цивилизация, скреплённая русским культурным ядром»¹ (или как у Н. Ю. Костюриной – «национальным культурным ядром»). Любопытно, что это утверждение в равной степени возмутило как россиян нерусской этнической принадлежности (опять русификация!), так и русских националистов (не ходим мы играть роль скрепления!). А не может ли так получиться, что без этой пресловутой русской «вертикали» российское общество утратит центростремительные силы и рано или поздно просто разваливается, как карточный домик? То есть, если исчезнет «русское культурное ядро», то исчезнет и Россия. Не к этому ли финалу мы движемся?

Мне сложно согласиться с «герметичностью» субкультурной группы в современном обществе (а традиционное общество было «герметичным» в целом – некая абсолютная идентитарность, не так?), поскольку сегодня мы имеем взаимонакладывающиеся субкультуры и множественные субкультурные идентичности (я, например, отношу себя к субкультурам мужчин, людей среднего возраста, среднего класса (хотя последнее небесспорно), русским, интеллектуальной элите

¹ Путин В. В. Россия: национальный вопрос // URL : http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html.

и т.д.). Полагаю, что и автор может сказать о себе нечто подобное, но почему-то утверждает, что это симптомы исчезновения субкультур как таковых (на этот счёт я уже высказался выше).

Почему Н. Ю. Костюрина так упорно считает молодёжную субкультуру «протестной»? И делает вывод, что если протест себя исчерпал, то и субкультура исчезла. Нельзя молодёжную субкультуру сводить исключительно к протесту (протест генерирует контркультуру, но не субкультуру как таковую), ведь сам автор утверждает, что у субкультуры две стороны: *«разнообразие содержания»* и *«адаптационные функции»*. Протест, кстати, не обеспечивает ни первого, ни второго. Да, и сам по себе он не связан с запретами напрямую. Можно протестовать и против вседозволенности (многие молодые люди (а ещё более, уже не молодые) с воодушевлением это делают).

Утверждения о «бóльших адаптивных возможностях» молодёжи по сравнению с поколением родителей, также как ресоциализации, размывающей поколенческие субкультуры, мне представляются более лежащими в пространстве социальных мифов, а не строгой науки. Так «принято считать» сегодня, только и всего. А как это доказать эмпирически? Думаю, сделать это не так просто, хотя и возможно (может быть, у Н. Ю. Костюриной есть такие данные, просто она их не привела в своей статье?). Как представляется, сегодня, наоборот, всё бóльшее количество молодых людей оказываются дезадаптированными, пополняя «герметичные» девиантные группы, в которых во всё бóльших масштабах генерируется девиантная контркультура, несущая угрозу национальной безопасности (а не только «простым обывателям» в тёмное время суток).

Н. Ю. Костюрина пишет: «Подросток (даже ребёнок) может занять вполне престижное и высокооплачиваемое место в современной культуре». Во-первых, чисто социологически, – «престижное и высокооплачиваемое» место можно занять в социальной стратификации, а не в культуре (двумя страницами выше процитированного утверждения автор заявлял сам, что современная культура «утратила вертикаль»). Во-вторых, пока (и это очевидно) такое явление остаётся редким исключением. Это более гипотетическая возможность, чем социальная практика. И даже если автор приведёт пару ярких примеров, это ничего не изменит в принципе. Подростки остаются на своём месте – либо при родителях, либо в подворотнях.

Н. Ю. Костюрина противоречит сама себе: вначале утверждает, что «вместо анализа современных культурных реалий происходит механическое наложение устаревших исследовательских стратегий и оценок на современный материал,

истолкование фактов вне современного историко-культурного контекста», вследствие чего разные авторы дают «часто взаимоисключающие интерпретации... одних и тех же явлений», а потом сама же делает вывод об исчезновении молодёжной субкультуры на том основании, что в современном обществе исчезают «важнейшие признаки молодёжной культуры». Но если исходить из логики самого автора, то эти «классические» признаки (ею перечисляемые) характерны для *прошлых* состояний общества. Почему они должны сохраняться *сегодня*? Одни признаки исчезли («молодёжь перестаёт быть непродуцирующей общностью»), другие появились (какие? или их нет? не может быть!), соответственно, субкультура меняется, но не исчезает.

Утверждения Н. Ю. Костюриной об «изменении механизма самоидентификации» молодых людей, объединении в одном индивиде многих личностей, множественной (и не возрастной!) идентичности и т.д. очень любопытны. А верифицировано всё это эмпирически? Если да, то можно было бы отослать дошного читателя (вроде меня) к этим материалам. Если нет, то это чистая спекуляция. Сказать можно что угодно!

Следующий тезис: «Современный молодой человек запросто оказывается носителем различных субкультурных традиций, ситуативно выбирая в качестве ценностей те или иные нравственные, поведенческие и смысложизненные ориентиры, принимая взаимоисключающие нормы и легко их меняя». А, может быть, эта «лёгкость» и субкультурный синкретизм стали как раз сущностной характеристикой *современной* молодёжной культуры? И мне сложно представить, что, принимая те или иные «субкультурные традиции», «ценности» и «ориентиры», молодые люди не «перекраивают» их под себя, не вносят в них специфические возрастные коннотации. Форма, содержание меняются, иногда быстро, а сущность остаётся. Форму отслеживать проще, но если ориентироваться только на неё, это может привести к ошибочным выводам.

«Возможно, что методы социологии мало что дают нам для анализа аксиологии современной культуры», – сетует автор. Возможно, признаем и мы. А может ли Н. Ю. Костюрина предложить свои? А есть ли, вообще, такие методы в современной науке? Вопросы, которые пока остаются без ответа...

Относить к субкультурам отдельные эксклюзивные группы или объединения не совсем корректно (по крайней мере, с точки зрения социологии). Это касается и «пусек», с которых Н. Ю. Костюрина начала свою статью, и военно-патриотического объединения «Рось», и военно-патриотического клуба «Русич» и т.д. Всё это может стимулировать возникновение контр- и даже субкультур,

манifestировать их, но само по себе субкультурой не является. Здесь корректно поставить вопрос о критериях или параметрах субкультуры, чтобы более чётко определить, что можно к ней относить, а что нет? У Н. Ю. Костюриной их нет. Может быть, в контексте её статьи этого даже и не нужно, но у меня, как читателя, возникают вопросы.

Оригинальны примеры школьной субкультуры, приведённые автором: «выпить в туалете», «покурить за теплицей», «нацарапать матерную надпись на стене или парте». Что касается противостояния субкультур (а точнее – субкультурных групп) учеников и учителей, то оно было всегда, и это естественно, потому что опосредовано стратификационно. Другое дело, и с этим нельзя не согласиться, что сейчас такое противостояние принимает острую форму. Но вот чем вызвана эта острота, тоже следует разобраться отдельно. Но эта тема также находится за рамками анализируемой статьи.

Мат в России был, есть и, видимо, будет существовать столько, сколько просуществует русский народ. Если бы мат был только формой протеста, было бы слишком просто, но он, как представляется, многофункционален, и это ещё одна отдельная тема и культурологического, и социологического исследования. Почему сегодня мат захлестнул всё наше общество (не только школьников), думаю, понятно – это, во-первых, следствие общего понижения культурного уровня; во-вторых, результат «культурной» деятельности современных СМИ: когда в реалити-шоу и многих других телепередачах мат уже и не «запикивают», возникает ощущение, что МОЖНО – снимается культурный запрет.

Н. Ю. Костюрина утверждает, что «в провинциальном городе... небольшой спектр образовательных услуг», и это приводит «к смещению интересов и реализации творческой активности в область частной жизни – дружеских, семейных, сексуальных стратегий». Возможно, и так. Но мне представляется более очевидным (хотя, это чистая спекуляция, подтверждённая только дискуссиями со студентами), что одним из следствий виртуализации современной жизни становится уход не «в область частной жизни», а в социальные сети, «одноклассников» и пр., что характерно для многих молодых людей, независимо от места проживания. Лишь бы доступ к интернету был. Вот вам и новая субкультура. Пока молодёжная, но активно впитывающая в себя всё большее количество представителей всех возрастных групп, вплоть до пенсионеров.

Таким образом, подводя черту под этим нечаянным экзерсисом, нельзя не признать, что мнение автора статьи об исчезновении феномена молодёжной субкультуры, хотя, и оригинально, но далеко не бесспорно, и уж, во всяком случае,

нуждается в эмпирическом подтверждении. И без социологии здесь никак не обойтись. Хочется пожелать автору при продолжении работы над данной темой выйти на междисциплинарный уровень с тем, чтобы привести более веские основания для доказательства этого своего пока априорного заявления.

А. В. Маликова

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВОСПРИЯТИЯ ПРОСТРАНСТВА В СУБКУЛЬТУРЕ СТАРООБРЯДЦЕВ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ

Динамические изменения в культуре XX – XXI веков интенсифицировали поиски нового основания человеческого бытия. Культура, её антропологический аспект и внутренняя сущность предстали в ином свете. Выдвинутое неокантианством противопоставление наук о природе и наук о культуре как противопоставление фактичности научного опыта и ценности как особой формы предметности, представленной в культуре, впервые определили культуру как автономное бытие ценностей. Наука приходит к пониманию, что целостность культуры на разных этапах её развития обуславливается ценностями.

Ценность выступает как человеческое измерение культуры, воплощает в себе отношение к формам человеческого существования. «Ценность, – подчёркивает И. И. Докучаев, – экзистенциальный центр человеческого бытия и интегральная порождающая модель всех артефактов культуры, выражение субъективного места человека в космосе»¹. Изучение ценностей, отмечает И. И. Докучаев, возможно, прежде всего, на материале религии, поскольку религия – это специфическая ценностно-ориентационная деятельность. Она представляет собой стихию и сферу бытия ценностей, их природу и субстрат².

С религиозной формой сознания связана традиционная культура. В условиях дальневосточного региона это, прежде всего, традиционная культура русских старообрядцев.

В структурировании картины мира ключевую позицию занимает пространство, поскольку принадлежит к одной из первых реалий бытия, которая воспринимается, дифференцируется человеком, организуется вокруг человека как цен-

¹ Докучаев И. И. Ценность и экзистенция. Основоположения исторической аксиологии культуры. СПб., 2009. С. 15.

² См.: Там же. С. 76.

тра макро- и микрокосмоса и определяет смысловое поле мировосприятия. Рефлектирующее сознание связано с восприятием пространства как ценности. Восприятие пространства опосредовано аксиологическим и семантическим содержанием конкретной культуры.

В современной российской культуре произошли изменения, связанные с восприятием пространства, которые выражаются в эффектах массовизации, визуализации, фрагментации, виртуальности, эгоцентричности. Современное восприятие пространства выражается в утрированности ценностных оснований и содержательных смыслов, перестаёт быть наполненным ценностными смыслами бытия человека, ценностной опорой бытия человека, сужается до пределов восприятия пространства обитания. Иным предстаёт восприятие пространства в старообрядческой субкультуре Хабаровского края.

Цель данной статьи – определить ценностные смыслы в восприятии пространства носителями субкультуры старообрядцев Хабаровского края. В основу статьи положены материалы, собранные автором в 2010 г. в Солнечном районе Хабаровского края (ср. Гусевка, Тавлинка).

Пространство как гносеологическая категория репрезентирует способ ориентации человека в мире, способ осмысления человеком рядоположения объектов, их связей и отношений и своего места среди них. Известно, что существуют универсальные способы культурной категоризации пространства, основанные на оппозициях «верх – низ», «правый – левый», «восток – запад», «север – юг», «близкий – далёкий», «передний – задний», «земное – потустороннее», «мирское – священное», «профанное – сакральное», «освоенное – незнакомое», «своё – чужое» и т.д. Как подчёркивает И. И. Докучаев, подобные категории свидетельствуют о ценностном отношении человека к миру¹.

Для носителей старообрядческой субкультуры Хабаровского края характерна семантизация пространства в категориях «своё – чужое», «сакральное – профанное», «опасное – безопасное», «чистое – нечистое», которые наделяются христианскими и мифологическими смыслами. Эти противопоставления связываются с религиозной книгой, которая является обязательным, непререкаемым и единственным авторитетом. Пространство для носителей исследуемой традиции оказывается неоднородным, качественно окрашенным, а перемещение по нему или нахождение в его разных локусах – символически значимым.

¹ См.: Там же. С. 297.

Культура старообрядцев Хабаровского края относится к числу переселенческих, возникших на территории данного региона во 2-й половине XIX – 1-й четверти XX веков вследствие её трансляции из российских губерний, а также из-за рубежа. Переселение старообрядцев на Дальний Восток связано с представлениями о важности миссии спасения «древнего благочестия», оно стало способом сохранения «старой веры», «старой версии обряда», духовных традиций и ценностей православной культуры Московской Руси. Культурная миграция старообрядцев на Дальний Восток была связана с поисками Беловодья, святого места, исконно православной земли. В русской православной культуре Китеж, Иерусалим, Беловодье воспринимаются как «рай на земле» место обитания праведников и приверженцев истинной веры. В сознании носителей конфессиональной культуры дальневосточные земли, ещё не занятые антихристом, представляли собой духовно чистое пространство. Как заметил А. П. Щапов, в новом пространстве старообрядцы, «словно потерянный рай искали старую Россию»¹.

Пространство оценивается старообрядцами по шкале религиозных ценностей: сакральное – чистое пространство, наполненное божественным светом; несакральное – нечистое пространство, наполненное мраком. «Свое» пространство получает мелиоративную оценку, а «чужое» пространство – пейоративную, поскольку носители «чужой» веры или неверующие принадлежат к нечистой традиции. В настоящее время несакральное пространство, по мнению информаторов, увеличилось в своих размерах, утратило божественный свет, что свидетельствует о расширении пространства, подчинённого власти Антихриста. Это представление отражается в устных рассказах старообрядцев Хабаровского края: «Как вы живете в городе? Такая темнота кругом, везде темно, разве вы этого не видите?» (Ф. И. Караванова).

В системе пространственных представлений носителей исследуемой субкультуры присутствует оценка пространства, которое проявляется в различных способах семантизации его элементов. Мелиоративная оценка правой стороны и пейоративная – левой получают в старообрядческой культуре религиозные мотивации: «Не плюй на правую сторону, потому что справа ангел, а слева бес, туда плюнуть можно» (Ф. И. Караванова).

В исследуемой культуре представлено пространственное соотнесение понятий «правый – левый» с оппозицией «запад – восток». Место «востока» на шкале пространственных ценностей определяется главным для него семантическим

¹ Щапов А. П. Исторические очерки народного мирозерцания и суеверия. СПб., 1906. С. 479.

признаком «солнце»: «В сторону востока плевать нельзя: там солнце» (Ф. И. Караванова). Сакрализация пространственных структур выражается у старообрядцев и в том, что в обрядовой практике нормативным считается движение только «посолонь»: «Во время совершения обрядов мы ходим по солнцу, потому что мы солнце почитаем, а у табашников, нехристей движенье против солнца» (Т. А. Николаев). В социокультурной практике старообрядцев существует правило – нельзя плевать в сторону солнца, иначе воцарится тьма.

Старообрядческой культуре свойственна дифференциация параметров пространства в вертикальной перспективе «верх – низ», «земля – небо». Особое место в системе пространственных представлений в этой оппозиции занимает гора. Она наделяется признаками сакральности – на ней пребывает Бог, святые – и воспринимается как точка, наиболее приближённая к небесной сфере. Информаторы указывают главный семантический признак «горы» – «верх»: «Рай – эта высоко в горах, высоко в небесах» (К. П. Коровина). По вертикали «гора» противопоставляется «низине», «яме», «подземному, хтоническому миру», которые являются символами опасного мира, жилища или места Дьявола: «Ад глубоко под землёй, во тьме крошечной» (Т. А. Николаев). Пространственные представления старообрядцев Хабаровского края отражают средневековую по своей природе мировоззренческую систему. В исследуемой субкультуре земное существование воспринимается как временное пристанище, временное пребывание в гостях и приготовление к вечному царству, постоянному пристанищу. Смерть человека в представлении старообрядцев осознаётся как дорога домой, как переселение в мир постоянного прибежища: «Мы все на земле гости, гостюем. Если попадём в рай, то там не так, там суеты не будет, житейских забот не будет. Там будут молиться Богу и радоваться» (К. П. Коровина). Слово «домой» выступает в значении «на тот свет». Понимая так земной мир, старообрядцы уже в 50 лет начинают готовиться к смерти, к «предстоянию» и ответу за земное своё существование на Страшном суде. В этом плане старообрядцы сохранили неизменной основу православного понимания отношений «земной» и «вечной» жизни.

Как отмечает Ю. М. Лотман, «в средневековой системе мышления сама категория земной жизни оценочна – она противостоит жизни небесной. Поэтому земля как географическое понятие одновременно воспринимается как место земной жизни (входит в оппозицию «земля – небо») и, следовательно, получает несвойственное современным географическим понятиям религиозно-моральное значение. Эти же представления переносятся на географические понятия вооб-

ще: те или иные земли воспринимаются как земли праведные или грешные. Движение в географическом пространстве становится перемещением по вертикальной шкале религиозно-нравственных ценностей, верхняя ступень которой находится на небе, а нижняя в аду»¹. Этим объясняется понимание носителями исследуемой субкультуры Египта, Тибета как земель идолопоклонников и чародеев, т.е. земель «чужих». В этом случае эти названия наделяются семантикой, существенно отличающейся от той, которую они имеют при использовании «чужими». Приведём примеры толкования этих географических названий: Тибет – земля идолопоклонников. «Идолопоклонники в Тибете живут, это далеко отсюда» (Ф. И. Караванова), Египет – земля не христиан, идолопоклонников. «В Египте чародеи живут. Эта земля идолопоклонников, они языческим богам поклоняются» (К. П. Коровина).

В сознании носителей исследуемой культурной традиции различается внешний, материальный мир – суетный, мир зла, адской тьмы, вообще всё «чужое», «неверное», «поганое» и внутренний мир – мир старой веры, полный благолепия, благодати, благочиния.

Одной из принципиальных характеристик пространства исследуемой конфессиональной культуры является понятие «чистота». Это связано с постоянно существующей, согласно представлениям информантов, угрозой осквернения, поскольку «своё» пространство окружено не только «чужими», но и дьявольской, нечистой силой. Находясь в нечистом пространстве, человек, в представлении носителей исследуемой субкультуры, попадает в зависимость от бесов. Поэтому окна, двери, дымоход как каналы нечистой силы обязательно закрывают с молитвой: «Господи, Иисусе Христе, сын Божий, помилуй нас». Стратегия защиты от нечистой силы – уничтожение опасности на месте с помощью сакрального помощника – молитвы.

Таким образом, восприятие пространства носителями исследуемой культуры является апплицированием религиозных представлений, детерминируется авторитетом религиозной книги как источником знаний о мире. Ценностные представления о пространстве носителей субкультуры старообрядцев Хабаровского края обусловлены христианскими концептами «истинной веры», «спасения», «чистоты», «праведности».

¹ Лотман Ю. М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах : в 3-х тт. // Лотман Ю. М. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн, 1992. С. 407.

МЕТАМОРФОЗЫ ЭПИСТОЛЯРНОГО ЖАНРА В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

Эпистолярная литература – важная часть мирового культурно-исторического наследия. Традиционно категория «эпистолярная литература» или «эписто-лография» охватывает произведения, в которых используется форма письма, а также переписку выдающихся деятелей культуры.

Эпистолярный писателей, поэтов, художников, философов всегда привлекал внимание исследователей не только в его изначальном – бытовом – значении, но как естественный способ экспликации данной личности, как прямое дополнение к её творчеству, документ, способный раскрыть процесс становления и развития мастера, выявить специфику духовного мира художника, специфику его творческого мышления. В русской культуре, всегда отличающейся своей литературоцентричностью, такие письма порой становятся самоценным художественным текстом, требующим специального анализа. Таково эпистолярное наследие выдающихся русских писателей – И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова. По утверждению Ю. Тынянова, Ф. М. Достоевский относился к своим письмам как к литературным произведениям¹. «Письма раскрывают перед нами скрытую от всех половину существа писателя, обнажая самые сокровенные стороны его души и ума <...> Общий тон частных писем лучше, чем какой-либо другой материал, даёт нам возможность составить о писателе, которого мы не знаем лично, определённое и ясное представление, ощутить самую сущность его личности, понять его психический, внутренний мир, его мирозерцание и душевное настроение, войти с ним как бы в непосредственное, интимное общение; в самом слогe писем, в манере изложения, в его тоне он весь как на ладони...»².

В русской культуре конца XIX – начала XX веков наблюдается отчётливая тенденция активизации эпистолярного жанра как формы художественного выражения. Вслед за эпистолярным романом-диалогом середины XIX века, в котором сюжет переписки имел самостоятельное значение («Бедные люди» Ф. М. Достоевского, «Переписка» И. С. Тургенева), на рубеже XIX – XX веков влияние жанра письма широко распространилось и на малые литературные формы. Возникла эпистолярная новелла А. И. Куприна («Путаница», «Первый

¹ Баркова М. В., Лоськова Т. А. Эпистолярный жанр : уч.-мет. пособие. Арзамас, 2006. С. 95.

² Модзалевский Б. Л. Предисловие // Пушкин А. С. Письма. М.-Л., 1926. Т.1. С. IV.

встречный», «Сентиментальный роман», «Осенние цветы», «Белая акация», «Дурной каламбур»), рассказы в форме письма А. П. Чехова («Ванька», «Письмо», «Нытьё», «Без места», «Письмо к учёному соседу», «Письмо к репортёру»). Значительное внимание эпистолярно-художественной форме уделено З. Н. Гиппиус («Зеркала»), Л. Н. Андреев («Два письма»), М. А. Кузмин («Из писем девицы Клары Вальмон к Розалии Тютель Майтер»). Эпистолярная форма становится внутренним элементом литературного произведения (повести «Прапорщик армейский», «Поединок» А. И. Куприна, романа «Жар – Цвет» А. В. Амфитеатрова).

В это же время происходит активизация внимания к эпистолярному жанру в русской музыкальной культуре.

Следует заметить, что опубликованное эпистолярное наследие знаменитых музыкантов – композиторов, исполнителей – свидетельствует о том, что они обращались к данному жанру в таких же, как и все остальные люди – знаменитые и ничем не прославившиеся – прикладных, порой бытовых целях. Однако, как заметил писатель и музыкальный критик В. Ф. Одоевский, «всё, что вышло из-под пера гениального художника, имеет своё значение, особенно для соотечественников... как материал для истории его художественной жизни и для его биографии вообще, а, наконец, и для истории его времени» ...»¹. Письма М. И. Глинки и М. А. Балакирева, М. П. Мусоргского и Н. А. Римского-Корсакова, П. И. Чайковского и С. И. Танеева ярко представляют личность композитора, являясь важным фактологическим, культурологическим, художественно-эстетическим источником для изучения истории русской музыки.

В отличие от отечественной литературно-художественной эпистолографии, включающей обширный круг произведений от посланий пророка Аввакума и переписки Ивана Грозного с Андреем Курбским до документальной, дидактической и художественной прозы Н. М. Карамзина («Письма русского путешественника»), П. Я. Чаадаева («Философские письма»), А. С. Пушкина («Роман в письмах»), Ф. М. Достоевского («Бедные люди»), музыкальный эпистолярный немногочисленен. Он включает музыкальное приветствие М. П. Мусоргского художнику И. Ф. Горбунову по случаю его юбилея от 16 ноября 1880 г.; 16 музыкальных писем В. С. Калинникова (1892 – 1900); музыкальное послание А. Т. Гречанинова В. С. Калинникову от 7 ноября 1899 г. – ответ на аналогичное музыкальное послание В. С. Калинникова от 31 октября 1899 г.; «Письмо

¹ Одоевский В. Ф. Письмо Н. В. Кукольнику 9 марта 1862 г. // Одоевский В. Ф. Музыкально-литературное наследие. М., 1956. С. 520.

К. С. Станиславскому от С. В. Рахманинова», представляющее собой музыкальное поздравление с десятилетним юбилеем Московского Художественного театра (1908 г.).

Наиболее показательным образцом русской музыкальной эпистолографии являются музыкальные письма Василия Сергеевича Калинникова (1866 – 1900) – единственный в истории музыки пример достаточно продолжительного и системного обращения к форме музыкального послания. Помимо собственно музыкального аспекта, они интересны и как свидетельства трансформации бытовой формы письменного послания в художественную, преобразования традиционного эпистолярного жанра в разновидность вокальной миниатюры (романса, песни). Учитывая художественную специфику музыкальных писем, их анализ определяется комплексом методов культурологического, текстологического, собственно музыковедческого анализа.

В попытках детального анализа музыкального эпистолярного жанра как культурно-исторического феномена возникает проблема жанровой дефиниции. Следует отметить дискуссионность использования термина «эпистолярный жанр», «жанр письма», что обусловлено двойственной принадлежностью письма как явления словесности и общекультурной сфере, и сфере художественного творчества. В первом измерении письмо есть явление частной жизни, наряду с другими «формами приватного сообщения и самораскрытия, которые вырабатываются в самой приватной жизни и быту»¹ – дневником, исповедью. Отсюда оно проникло в литературу, породив разнообразные художественные формы – от «открытых писем» античной эпистолярной публицистики до включения писем во внутренний мир современного романа («Жизнь и судьба» В. Гроссмана, «Ф. М.» Б. Акунина). Однако до сих пор отсутствует какая-либо чёткость и определённость дефиниций, обусловленная отсутствием «чётких границ в плане стиля и типа изложения, в плане объёма и характера речи <...> В лирике письмо является неким синонимом жанра послания, оно является одним из важных элементов композиции в драме, в стихотворном и прозаическом романах; "живёт" и развивается в документально-публицистической литературе; никогда не исчезает из бытовой сферы человеческого общения как один из первичных речевых жанров»².

¹ Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике. // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 161.

² Никитенко Л. А. Жанр письма в творчестве М. Цветаевой // Традиционная славянская культура и современный мир : матер. IV Кирилло-Мефодиевских чтений / сост. и науч. ред. Л. В. Спесивцева. Астрахань, 2010. С. 108.

Некоторые учёные возражают против выделения эпистолярного жанра как самостоятельного. По мнению С. С. Аверинцева, письмом может быть «текст, характеризующийся содержательными и формальными приметами любого литературного жанра»¹.

Современная текстология рассматривает письмо как «тип текста, отличающийся завершённостью, которая проявляется в наличии абсолютно клишированного конца, литературно обработанный, обладающий такими категориальными признаками, как информативность, локально-темпоральная отнесённость, целостность <...> имеющий ярко выраженную прагматическую ориентированность на достижение перлокутивного эффекта в виде ответного письма и/или действия. Эпистолярный текст, являясь компонентом коммуникативного акта, может быть рассмотрен в связи с параметрами акта коммуникации: вид отправителя (адресант), вид получателя (адресат), тип контакта, тема текста, отношение к контексту, функции. В письме как отправитель, так и получатель – конкретные индивидуальные субъекты. Акт коммуникации осуществляется в условиях личного дистанцированного контакта. Тема текста определяется отнесённостью к определённом адресу и типом письма. Личная жизнь человека как сложное многогранное понятие, межличностные отношения адресанта и адресата служат тем контекстом, с которым соотнесён эпистолярный текст»².

В целом, жанровые особенности письма, как и любого другого жанра, выявляются на основе выделения содержательных и формальных компонентов. Формальные признаки письма носят стереотипизированный характер: трёхчастная композиция (зачин – обращение и/или приветствие, информационная часть и концовка), набор этикетных выражений и словесных конструкций (обращение адресанта к адресату в начале и конце письма, указание даты и т.д.). Содержательные атрибуты всегда индивидуальны, обусловлены функцией письма (информативной и коммуникативной) и личностно-ситуативными факторами.

В любом послании можно выделить два значимых содержательных компонента – *личностный*, эксплицирующийся для адресанта в *автобиографический*, и *диалоговый*, имеющий в основании понимание позиции *адресата как другого* (М. М. Бахтин). В музыкальных письмах В. С. Калининкова они выявляются достаточно определённо.

¹ Аверинцев С. С. Жанр как абстракция и жанр как реальность // Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 199.

² Данилко М. И., Нижникова Л. В., Глумова Н.А. Типы коммуникационных отношений «автор-читатель» в художественной и документальной прозе // Коммуникативная направленность текста и его перевод. Киев, 1988. С. 19.

В отсутствии автобиографии и дневников композитора письма становятся едва ли не основным документом, характеризующим его личность. В этом плане музыкальные письма – это фактические и экзистенциальные страницы его автобиографии. Все они датируются 1892 – 1900 гг., относятся к ялтинскому периоду жизни, за исключением первых двух, написанных ещё в Москве на рубеже 1892 – 1893 гг. После окончания в 1892 г. Музыкально-драматического училища при Московском филармоническом обществе свободный художник В. С. Калинин намеревался работать в Москве (был составлен контракт в Итальянской опере на сезон 1893 – 1894 гг.). Однако прогрессирующий туберкулез требовал серьёзного климатического лечения, и осенью 1893 г. композитор переезжает в Крым – как оказалось, навсегда.

Оторванный от столичной музыкальной жизни, В. С. Калинин ведёт активную переписку с друзьями, коллегами: сообщает о событиях своей жизни, ходе лечения, делится творческими планами и сообщает о ходе их реализации. В этом заочном общении с профессиональными музыкантами и возникают его музыкальные письма. Их появление в ряду общей переписки (всего опубликовано 387 писем, включая шестнадцать музыкальных) определялось потребностью автора не просто донести определённую информацию до адресата, но наполнить её особой внутренней интонацией, рождённой нюансами межличностных отношений.

Музыкальными адресатами композитора были наиболее близкие ему люди, дружба с которыми, поистине, прошла испытание временем. Они обращены к учителям, коллегам, друзьям – С. Н. Кругликову, В. А. Фёдорову, А. И. Андрееву, И. В. Липаеву, И. С. Тезавровскому. Все они сыграли свою роль в судьбе В. С. Калиникова, с каждым сложились определённые отношения, что отразилось и в общей переписке, и в музыкальных посланиях. Значение последних заключается в том, что в них автор «не только констатирует некоторые факты жизни, но и встраивает их в более широкие личные, интерактивные и социальные контакты»¹. В этой ориентации музыкальных писем на определённого человека, в учёте индивидуальных особенностей адресата, его профессионального профиля, а также характера межличностных отношений между ними, проявляется диалогичность эпистолярия В. С. Калиникова.

Идея диалога как основы межличностного общения, разработанная М. М. Бахтиным, и связанная с ней концепция адресата речи («другого», по терминологии учёного) имеет основополагающее значение в определении жанровых основ

¹ Фокина Т. П. Саратов – Маалот : переписка как целостный феномен. Саратов, 2010. С. 4.

эпистолярия. «Говоря, я всегда учитываю апперцептивный фон восприятия моей речи адресатом: насколько он осведомлён в ситуации, обладает ли он специальными знаниями данной культурной области общения, его взгляды и убеждения, его предубеждения (с нашей точки зрения), его симпатии и антипатии – ведь всё это будет определять активное ответное понимание им моего высказывания. Этот учёт определит и выбор жанра высказывания, и выбор композиционных приёмов, и, наконец, выбор языковых средств, то есть *стиль* высказывания»¹.

В. С. Калинин всегда учитывал индивидуальные, в том числе и профессиональные особенности своих адресатов, характер межличностных связей между ними. Четыре музыкальных послания своему учителю и близкому другу С. Н. Кругликову (№ 190, 218, 279, 342 – нумерация дана по основному источнику материалов²) всегда полны ярких, порой контрастных образов. Индивидуальными знаками адресата здесь становятся такие характерные элементы, как полущутливое обращение, перешедшее в музыкальные письма из разговорной речи (ученики называли С. Н. Кругликова «Симеоном-квинтоприимцем»), особое внимание к гармонической стороне данной группы миниатюр, более сложной по сравнению с другими авторскими письмами, заставляющее вспомнить о прослушанном композиторе у С. Н. Кругликова курсе гармонии. Через такие персональные приметы композитор словно ведёт внутренний диалог со своим учителем и другом.

Особенности музыкального письма как художественного жанра определяются синтезом эпистолярной формы и общими закономерностями камерного вокального творчества со свойственными ему принципами взаимодействия музыки и слова, композиционно-структурного развития. Прозаический текст составляет словесную основу музыкальных писем, что сказывается в характере взаимосвязи вокальной партии и аккомпанемента. Так, в музыкальных письмах В. С. Калиникова отсутствует столь характерная для других областей его творчества стихия лирической песенности, народного мелодизма. В вокальной партии скорее преобладает речевая интонационность, свободно «перетекающая» в более напевные фрагменты, «структурированные» фразами прозаического текста. Показательно в этом плане «вокальное оформление» таких элементов этикета письма, как обращение к адресату и личная подпись автора.

¹ Бахтин, М. М. Указ. соч. С. 201.

² См.: Калинин В. С. Письма. Документы. Материалы / сост., ред., вст. статья и коммент. В. А. Киселёва. В 2 тт. М., 1959.

В традиционном письменном сообщении дистантность «собеседников» в пространстве исключает мимику, жест, интонацию, то, что можно назвать пониманием с полуслова, ситуативную прикрепленность (в отличие от устного речевого этикета). В музыкальном же письме возникает дополнительная возможность именно через музыкальную интонацию раскрыть более тонкие оттенки взаимосвязи между адресатом и автором, своего рода личностно-эмоциональный контекст диалога между ними. В частности, эти отношения сразу проявляются в начальном вокальном обращении к адресату, которое всегда композиционно обособлено, образно и жанрово подчинено основной идее послания. Так, обращение к С. Н. Кругликову в 4-х адресованных ему письмах каждый раз выдержано в особом тоне, соответствующем общему характеру миниатюры – то пафосном, имеющем утрированно театральный (№ 190) или лирический (№ 218) оттенок, что подчеркнуто применением начальных интервальных скачков; то повествовательном, соответствующем характеру именинного поздравления (№№ 279, 342), что передаётся в поступенном движении.

Взаимосвязь личностного и диалогового компонента, свойственная жанровой природе переписки, определяет специфику музыкальных посланий В. С. Калинникова. Личностное начало реализуется в автобиографичности его эпистолярия, обусловленной сложившейся жизненной ситуацией, специфическими особенностями характера композитора (человеческой открытостью, потребностью в общении). Диалогичность проявляется в ориентации его музыкальных посланий на определённого человека, учёте профессионального профиля адресата, характера межличностных отношений. Какой бы модус ни преобладал в этих письмах, сам факт адресации своих чувств-мыслей в музыкальной форме свидетельствует о наличии внутренней близости родственных или дружелюбно настроенных людей, общности – культурной и эмоциональной – адресанта и адресата, их настроенности на диалог.

Актуализация диалогического потенциала переписки как коммуникативной модели межличностного общения – характерная тенденция русской художественной культуры конца XIX – начала XX веков. Заметим, что именно в это время возникает жанр музыкального письма, чему примером служит не только творчество В. С. Калинникова, но и М. П. Мусоргского, А. Т. Гречанинова, С. В. Рахманинова, аналогичная тенденция наблюдается в русской литературе этого периода (см. об этом выше).

Наряду с этим, обусловленные переакцентировкой мировоззренческих доминант рубежа веков, художественные новации того времени были связаны с

очередным «витком» интереса к внутреннему миру человека. «Эпистолярная форма аккумулирует в себе смену художественных парадигм в культуре, смещение акцентов с мира внешнего на мир внутренний. Частное становится вровень со всеобщим, индивидуальное включает в себя мировое. Часть и целое как бы меняются местами: если раньше мир включал в себя человека, то теперь человек включает в себя мир. Эта смена акцентов даёт возможность перемоделировать уже сложившуюся устойчивую картину мира, замкнутое пространство комнаты, дома расширить до размеров мироздания, и все остальные, открытые миры лишь включать в этот внутренний замкнутый мир»¹.

Значительное представительство эпистолярного жанра в русском искусстве конца XIX – начала XX веков, его новые художественные формы служат своего рода отражением новых веяний в духовной сфере, в культуре в целом.

¹ Рогинская О. О. Эпистолярный роман : поэтика жанра и его трансформация в русской литературе : Автореферат ... к. филол. н.. М., 2002. С. 11.

*Часть 4**Социология, политология, психология**А. Ю. Завалишин***СОЦИАЛЬНОЕ МЕНЬШИНСТВО: ОБЪЕКТИВАЦИЯ
ЧЕРЕЗ ДИСКУРС**

Понятие «(социальное) меньшинство» вошло в общественно-политический и научный лексикон с глубочайшей древности. Уже Платон, Аристотель и другие античные мыслители рассматривали дихотомию «меньшинство – большинство» как одну из важнейших для понимания общества. Тем не менее, многие современные учёные отмечают, что оно до сих пор не получило однозначного толкования. Впрочем, связано это не столько с недостатками понятийного аппарата социальных наук (что также имеет место), сколько с множественностью и противоречивостью проявлений этого самого социального меньшинства.

Именно поэтому разные исследователи трактуют его как в узком, прежде всего, политико-правовом, более широком – социетальном, так и абстрактно-философском (субстанциальном) смысле, вплоть до абсурдно расширительного (любая часть общества – это меньшинство по той простой причине, что часть всегда меньше целого).

Однако попробуем разобраться. Отечественный социолог Ю. Волков предлагает следующее, как он сам утверждает, общепринятое определение меньшинства: это «группа населения с расовым или культурным самосознанием, с наследственным принципом членства и высоким процентом внутригрупповых браков, подвергающаяся угнетению со стороны доминирующей группы национального государства»¹. Уже отсюда следует, что к меньшинствам он относит, преимущественно, расовые и этнические группы, подвергающиеся систематической дискриминации со стороны иных расовых и этнических групп, составляющих большинство в данном обществе. Далее он приводит пять «основных свойств», характеризующих меньшинство: 1) «это социальная группа, члены которой подвергаются дискриминации, сегрегации, угнетению или преследованиям со стороны другой социальной группы – доминирующей»; 2) «меньшинство

¹ Волков Ю. Социология // URL : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/volkov/07.php.

характеризуется физическими или культурными чертами, отличающими его от доминирующей группы»; 3) «это группа, для которой характерно осознание собственной целостности. Его членам присуще ощущение социальной и психологической близости с другими подобными им людьми. Это сознание единства обостряется в результате притеснений, которым подвергаются члены меньшинства»; 4) «членство в социальной группе меньшинства не является добровольным. Обычно индивид уже рождается с таким статусом»; 5) «члены меньшинства по выбору или по необходимости обычно вступают в браки с членами собственной группы (эндогамия)»¹.

Другой автор, пожелавший остаться неизвестным, характеризует социальные меньшинства несколько в иной плоскости. По его мнению, их отличает, во-первых, реагирование на опасность, как правило, символически закреплённое в субкультуре; во-вторых, высокая степень солидарности, проявляющаяся в идентификации с любым представителем данного меньшинства, попавшим в беду, восприятие этой чужой беды как личной угрозы; в-третьих, высокая степень криминализации, прямо пропорциональная уровню сплочённости и интенсивности давления на данное меньшинство со стороны большинства; в-четвёртых, более заметная ориентация на социальные инновации и реформы в сравнении с консервативным большинством².

При всём том, данные (как и возможные другие) признаки нельзя считать универсальными или исчерпывающими. Тот же Ю. Волков далее утверждает, что помимо очевидных и общепризнанных расовых, этнических и религиозных меньшинств существует, например, женское гендерное меньшинство, на которое распространяются лишь первые четыре из названных им выше пяти признаков. Но самое главное – женский статус социального меньшинства связан не с его численностью (доля женщин может быть равна и даже превышать долю мужчин, как, например, в современной России), а, прежде всего, с их дискриминируемым положением в обществе! Мы, пока а priori, выскажем и собственное мнение – все названные и любые иные признаки, которые приводят исследователи, являются «плавающими», то есть, не обязательными для всякого конкретного меньшинства. Причём, это касается не только численности (меньшинство меньшинства всегда относительно), но и дискриминации со стороны большинства. Но об этом ниже.

¹ Там же.

² Меньшинства (без авт.) // URL : <http://www.gilbo.eu/index.php?page=curs11&art=118>.

Вначале рискнём дать собственное определение: *социальное меньшинство* – это любая реальная или номинальная совокупность индивидов, выделяемая из некой более широкой общности (от группы до общества или даже всего человечества) по социальному параметру, объективно разделяющему данную общность на относительно меньшую часть, соответствующую этому параметру, и относительно большую часть, не соответствующую ему. Важнейшей особенностью любого социального меньшинства (что, собственно, и делает его *социальным*) является более или менее остро переживаемое его представителями чувство солидарности, продуцируемое эксклюзивом и сопровождающей её реальной или мифической дискриминацией, связываемыми общественным мнением с данным социальным параметром.

«Меньшинство» характеризуется не некой абсолютной величиной его представителей и даже не всегда их меньшим числом по сравнению с противостоящим ему «большинством», а, прежде всего, устойчивым общественным мнением, определяющим его именно как меньшинство. В разных социальных системах и по разным социальным параметрам можно выделить меньшинства, включающие сотни, тысячи, миллионы и сотни миллионов человек. Также можно говорить о меньшинстве относительном и абсолютном. *Относительное* меньшинство мы имеем в тех случаях, когда данная общность по доле меньше противостоящего ей большинства примерно от 50% до почти полного равенства; *абсолютное* меньшинство возникает в случае, когда большинство превышает меньшинство более чем в 2 раза. Данное разделение важно, прежде всего, потому, что оно в значительной мере определяет уровень конфликтности взаимодействия меньшинства и большинства, меньшинства и общества в целом, продуцируя эскалацию напряжённости в первом случае, и спорадичность или латентность его протекания во втором¹.

Как мы отмечали выше, о меньшинствах можно говорить с разной степенью обобщения. Так, в узком (политико-правовом) смысле под меньшинствами понимают исключительно расовые, национальные, языковые и религиозные группы, которые подпадают под юрисдикцию, например, Европейской Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств, принятой 1 февраля 1995 г. и ратифицированной Россией в 1998 г.

¹ Ряд учёных имеют иное мнение, впрочем, нуждающееся в верификации и спецификации применительно к каждому конкретному случаю. Они утверждают, что уровень конфликтности взаимодействия большинства и меньшинства (речь здесь идёт исключительно о межэтнических и межконфессиональных взаимодействиях) резко возрастает, когда доля меньшинства в данном обществе, территориальной общности или группе превышает 7%.

В более широком – социетальном – смысле под социальными меньшинствами можно понимать любые (а не только названные выше) общности индивидов, имеющих сходные признаки, являющиеся условием или причиной их дискриминации со стороны остальных членов общества, интегрированных в более или менее сплочённые группы, отличающиеся хотя бы некоторыми субкультурными признаками, групповой идентичностью и консолидированно борющихся за свои коллективные гражданские, политические и иные права.

Наконец, расширительное толкование позволяет рассматривать в качестве меньшинства практически любую часть общества, при условии, что эта часть соответствует хотя бы одному из названных выше признаков (самоидентификация, соответствующее общественное мнение, дискриминация и т.д.). В этом последнем смысле, например, меньшинством может быть часть общества, противостоящая властвующей элите и систематически дискриминируемая ей, при том, что в разных государствах процентное соотношение представителей элиты и не элитных групп колеблется от 5 – 10% до 95 – 90%. Другое дело, что и властвующая элита также может рассматриваться в качестве меньшинства не только по её количественному параметру (об этом тоже ниже).

Современные исследователи, как правило, акцентируют внимание на тех социальных меньшинствах, которые сохраняют высокий потенциал социально-экономической, социально-политической или социокультурной напряжённости и потому постоянно привлекают к себе внимание не только учёных, но и широкой общественности. Среди них – *этнические* меньшинства в полиэтнических государствах (дифференцирующий показатель – этническая принадлежность), *конфессиональные* меньшинства в поликонфессиональных обществах (религиозная принадлежность), *дети, молодёжь и пенсионеры* (сравнительно малочисленные возрастные группы, противостоящие большинству населения в среднем трудоспособном возрасте).

Во второй половине XX в. в этот «традиционный» перечень добавились *инвалиды* (социальная эксклюзия порождена физической неполноценностью; прежде исследовали их просто «не замечали»), *сексуальные* меньшинства (гомосексуальсты, лесбиянки, бисексуалы, трансвеститы), *фундаменталисты* разного толка (от религиозных групп, противопоставляющих себя большинству исповедующих данную религию «умеренных» верующих, до воинствующих феминисток, расистов, националистов, шовинистов и пр.), *гастарбайтеры* (независимо от их национальности и рода занятий), а также *контркультурные группы*, противостоящие большинству членов общества по ряду интернализованных ими со-

циокультурных ценностей, норм, образу жизни и т.п. (хиппи, панки, рокеры, эмо, готы и им подобные, а также маргинальные и криминальные группы и т.д.).

Вместе с тем, есть и такие социальные меньшинства, которые в большинстве случаев оказываются вне сферы внимания исследователей именно как меньшинства, в силу того, что их общественное положение, образ и качество жизни, как может показаться, не характеризуются социальной эксклюзией, дискриминацией и т.п. Но это лишь на первый взгляд. Так, полагаем, что есть все основания отнести к социальным меньшинствам *высший класс* (по Веберовской классификации) в силу его абсолютной малочисленности по сравнению со средним и низшим классами, а также существенной «герметичности» по отношению к остальным членам общества (следствием чего становится, по сути, превращение его в касту «неприкасаемых», продуцирующее и чувство депривации, характерное для социальных меньшинств в целом); *элитные группы* (частично совпадающие с высшим классом, частично – со средним); *творческие ассоциации* (независимо от социального статуса их представителей); наконец, общности, выделяемые по ряду физиологических особенностей (*лысые, лопухие, левши, очень полные, очень худые, люди, страдающие нанизмом* (карлики) и пр.).

Множественность меньшинств сама по себе предполагает необходимость их типологизирования по ряду базовых оснований. Возможно, первую в истории социальной мысли типологию меньшинств предложил ещё в начале XX века известный немецкий правовед Г. Еллинек¹. Однако его сугубо юридический подход нуждается в существенной корректировке и дополнении. Меньшинства, выделяемые сегодня большинством исследователей по социокультурному (или субкультурному) признаку (прежде всего, этнические, религиозные, молодёжные и ряд др.), также не являются исчерпывающими (так как не все субкультурные группы принято относить к меньшинствам, и не все меньшинства характеризуются выраженными субкультурами).

На наш взгляд, в современном обществе можно применить следующие подходы к типологии меньшинств: 1) *социально-экономический* (группы бедноты, но в равной степени и экономическая элита, характеризующаяся высокой степенью закрытости от всех иных социальных групп); 2) *социально-политический* (политическая элита – высшее и среднее звено руководства страны; системная и несистемная оппозиции; группы, по разным основаниям подвергающиеся политической дискриминации; политические партии и общественно-политические

¹ См.: Еллинек Г. Право меньшинства / пер. с нем. И. Д. Новикова. М., 1906.

движения; сторонники альтернативных политических идеологий и т.п.); 3) *социокультурный или субкультурный* (этнические группы, религиозные общины, «неформальные» молодёжные объединения широкого спектра: хиппи, панки, рокеры, готы, скинхеды и пр.); 4) *генотипический или расовый* (по цвету кожи, разрезу глаз, особенностям волосяного покрова и т.д.); 5) *гендерный* (в разных системах взаимодействий не только женщины, но и мужчины); 6) *фенотипический* (индивиды, имеющие отклонения в своём генотипе: длинноносые среди курносых, высокие среди низких, низкие среди высоких, худые среди полных, полные среди худых и т.д.); 7) *физиологический* (спортсмены, инвалиды, лица нетрадиционной сексуальной ориентации и т.д.); 8) *возрастной* (дети, молодёжь, престарелые). Этот перечень, вероятно, можно продолжить.

Отметим два важных, на наш взгляд, момента. Во-первых, что в современных обществах со сформированными демократическими традициями или обществах, стремящихся таковые приобрести, существует устойчивая тенденция к политизации меньшинств, независимо от их типа (борьба за права меньшинств становится едва ли не мейнстримом внутригосударственного политического дискурса в странах Западной и Восточной Европы, США и ряде др.). Во-вторых, что попытка концептуализации и операционализации всех вообще меньшинств, институционализированных и институционализирующихся в современном обществе, методологически абсурдна, поскольку дихотомия «большинство – меньшинство» является, как мы видим, универсальной и распространяется на всех членов общества *без исключения*¹. Поэтому практический смысл имеет акцентуация лишь на тех меньшинствах, которые находятся на пике общественного внимания и являются центром пересечения социальных, экономических и политических интересов наиболее влиятельных групп общества (которые в этом последнем смысле можно отнести к «большинствам»). Сегодня это, преимущественно, расовые, этнические, религиозные группы, «неформальные» молодёжные объединения, сексуальные меньшинства, гендерные общности, а также ряд

¹ Однако при этом возникает закономерный вопрос: если все члены общества без исключения относятся к тем или иным социальным меньшинствам, тогда почему переживают социальную эксклюзию и дискриминируются лишь некоторые из них? Ответ на этот вопрос, на наш взгляд, заключается в том, что каждый человек, идентифицирующий себя с теми или иными общностями (одни из которых относятся к "большинствам", другие к "меньшинствам"), неизбежно выстраивает в своём сознании иерархию идентичностей, и в зависимости от того, принадлежность к какой общности является для него более значимой, считает себя дискриминируемым меньшинством или дискриминирующим большинством. Также следует учесть, что ряд свойств меньшинств с позиции разных социальных групп может оцениваться амбивалентно. Следствием последнего становится то, что один и тот же признак рассматривается и как дискриминируемый, и как дискриминирующий (например, социальная эксклюзия властвующей элиты).

специфических категорий, представители которых подвергаются социальной эксклюзии в силу историко-культурных особенностей того или иного конкретного общества (в России, например, это «лица кавказской национальности», независимо от их реальной этнической и религиозной принадлежности; инвалиды, пенсионеры и пр.).

Можно выделить две социокультурные особенности меньшинств, в значительной степени определяющие их психологическое состояние. Первая – наличие неких несущественных, но задевающих самолюбие характеристик, употребление которых в общении с представителями меньшинств (а в ряде государств – в общественном дискурсе, вообще) считается недопустимым с точки зрения политкорректности. При том, что все эти характеристики, взятые сами по себе, не несут никакой аксиологической или дискриминационной нагрузки, они становятся таковыми в том случае, когда употребляются именно для отнесения конкретного индивида или группы к данному меньшинству. Например, предикат «узкоглазые» по отношению к монголоидам в среде «круглоглазого» европеоидного большинства; «чёрные» по отношению к «белым», если последние преобладают в данном социуме (и, наоборот, «белые» в среде преобладающих «чёрных»); «лопоухие» по отношению к большинству людей с меньшими по размеру ушами и т.д.

Вторая особенность – некий набор знаков, порождённых в среде самих меньшинств и наделяемых символическим смыслом, назначение которых состоит не только и не столько в том, чтобы разделять «своих» и «чужих», сколько репрезентировать себя обществу именно как дискриминируемое меньшинство. В условиях политической демократии, последовательно реализующей принципы мультикультурализма и толерантности, направленные на практическое воплощение формулы: «правление, при котором реализуются интересы большинства с учётом интересов меньшинства» (в отличие от исходного и основательно подзабытого: «подчинение меньшинства большинству как условие мирного осуществления власти») – эта репрезентация (или *перформанс*) становится инструментом политического давления меньшинства на большинство, в конечном счёте, подрывающая основы самой демократии. Последовательная реализация принципа «правление большинства в интересах всех» (что эксплицитно не осуществимо на практике, а потому изначально ложно), в конечном счёте, ведёт к систематическому порождению диктатуры меньшинства, стремящегося паразитировать на большинстве под прикрытием идеалов гуманизма, политкорректности, гражданского мира и т.п. Именно этот сценарий всё в большей степени реа-

лизуется в ортодоксально демократических государствах Западной Европы и США, по крайней мере, с середины XX столетия (когда впервые на международном политическом уровне были сформулированы права социальных меньшинств).

Отношение к меньшинствам в разные эпохи было различным. Так, в период Античности (особенно это характерно для времён Афинской демократии) право большинства признавалось обязательным для всех членов общества, но при этом особое значение придавалось мнению знающего меньшинства – мудрецам (Платон), аристократии (Аристотель), которые только и могли, по мнению философов, соблюсти выгоду для государства и достичь общего блага. В Средние века, характеризующиеся безраздельным господством Римско-католической церкви, христианское большинство подвергало нещадным гонениям представителей всех иных религиозных культов (религиозные меньшинства), вплоть до сожжения их на кострах инквизиции. И только в Новое время начинает формироваться гуманистическая концепция социальных меньшинств, которая, по сути, стала методологической основой современной системы соблюдения индивидуальных и коллективных прав человека.

В политическом дискурсе начала XXI века выделились два противоположных подхода к оценке социальных меньшинств, которые условно можно назвать либерально-демократическим и консервативно-авторитарным. Так, современный исследователь О. Ф. Скакун, который представляет первый подход, утверждает: «Демократия – это не только проявление воли большинства, но и гарантия права меньшинства на критику и свободное выражение своих взглядов... Власть может стоять прочно только тогда, когда она ощущает сопротивление со стороны оппозиции – политического меньшинства. Это заставляет её постоянно подтверждать своё право управлять обществом и государством»¹.

Противоположный подход, который также имеет немало сторонников, но противоречит демократической доктрине и потому осуждается в публичном дискурсе, выразил автор, предусмотрительно не опубликовавший в интернете своего имени: «Меньшинства – узкогрупповые объединения, создаваемые с целью выгадать для своих членов какие-либо льготы, преимущества, по сравнению с остальным обществом. Фактически, создание меньшинств – это как бы один из способов паразитизма на обществе. Интересы меньшинств, практически, всегда противоречат интересам общества и, прежде всего, противоречат интересам тру-

¹ Скакун О. Ф. Теория государства и права : учебник. Харьков, 2000. С. 178.

дящегося большинства... Наличие большого количества меньшинств создаёт условия для махинаций на выборах – меньшинства легче подкупить, чем трудящееся большинство. Наличие большого количества меньшинств, создаёт ложную видимость народности принимаемых решений. Но меньшинства это не народ, это паразиты народа, паразиты общества»¹.

Последнее высказывание, при всей его одиозности и, казалось бы, несоответствии приведённым выше признакам социального меньшинства (не *дискриминация* со стороны большинства, а *паразитизм* на нём), выражает определённое мнение некоторой части современного общества и имеет под собой ряд объективных оснований, о чём также будет сказано ниже.

Теперь обратимся к методологии.

В современной социологии сложился ряд подходов к концептуализации социальных меньшинств, большинство из которых явно или латентно тяготеют к социологическому объективизму (меньшинство – коллективная общность) и марксистскому эссенциализму. Общим пунктом, объединяющим эти и близкие к ним перспективы, является базовое утверждение о том, что социальная реальность имеет объективную природу, то есть, существует независимо от сознания людей, принуждая индивидов к определённым социальным действиям (известное высказывание К. Маркса о том, что «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя»). Соответственно, и социальное меньшинство – это элемент объективной реальности (общества), несущий в себе некую изначальную сущность (эссенцию), которая и делает его дискриминируемым. Отсюда закономерно следует вывод о принципиальной непреодолимости этого качества никаким иным путём, кроме как продолжительной (вековой?) социальной эволюцией (тема Г. Спенсера) или скоротечной победоносной революцией (тема К. Маркса и В. И. Ленина).

Достаточно близки к названным подходы структурного функционализма (Т. Парсонс) и социального конфликта (Г. Зиммель, Р. Дарендорф и др.). Здесь главная идея состоит во включённости меньшинств в социальную структуру общества (как некую автономную от индивидов и довлеющую над ними реальность), которая объективирует их социальную диспозицию либо посредством надления функцией (структурный функционализм), либо неравным отношением к власти и/или её ресурсам (теория конфликта).

¹ Теория меньшинств (без авт.) // <http://nature-2.narod.ru/simple7.html>.

Вместе с тем, в последнее время становится всё более очевидно, что все эти подходы страдают значительным редукционизмом, зачастую не позволяющим выявить истинную природу феномена социального меньшинства. Возможно, первым обратил на это внимание французский социолог П. Бурдьё ещё в 1980-е годы, когда разрабатывал свою известную концепцию классов и наций «на бумаге»: «Если добавить, что *sense of one's place* и переживаемое сходство габитуса, как, например, симпатия или антипатия, являются началом всех форм кооперации, дружбы, любви, брака, ассоциации и т.д., и, следовательно, всех устойчивых связей, иногда подтверждённых юридически, то можно увидеть, как всё заставляет думать, что классы на бумаге являются реальными группами, тем более реальными, чем лучше сконструировано пространство, и *чем меньше общности* [выделено нами. – А. З.], вычлененные в этом пространстве»¹.

Как представляется, идея П. Бурдьё о конструктивистской природе классов и наций современного общества может быть с успехом применена и для концептуализации социальных меньшинств. Действительно, если уйти от априорной идеи об объективной (эссенциальной) природе меньшинств, и предположить, что они возникают исключительно в результате социального конструирования, лежащего в пространстве социально-политического и социокультурного дискурсов, то это открывает широкие перспективы не только для теоретизирования в их отношении, но и выработки системы практических мер, направленных на решение извечных проблем ущемления прав меньшинств.

Остановимся на трёх аспектах (и инструментах) социального конструирования: дискурсе, перформансе и перформативной установке.

Дискурс (фр. *discours*) в наиболее общем смысле – это речь, процесс языковой деятельности. В специальном, социально-гуманитарном смысле под дискурсом обычно понимают социально обусловленную организацию системы речи, а также определённые принципы, в соответствии с которыми реальность классифицируется и репрезентируется (символически конструируется) в те или иные периоды времени².

В настоящее время теория дискурса основательно проработана. В социальных науках сложились её многочисленные спецификации: дискурс-анализ (К. Леви-Стросс, Т. А. ван Дейк и др.), концепция дискурсивных структур (М. Пеше), постструктуралистский дискурс-анализ (Р. Барт, Ю. Кристева,

¹ Бурдьё П. Начала. *Choses dites* / пер. с фр. Н. А. Шматко / Pierre Bourdieu. *Choses dites*. Paris : Minuit, 1987. М., 1994. С. 189.

² См.: Дискурс // Википедия // URL : <http://ru.wikipedia.org/wiki/%C4%E8%F1%EA%F3%F0%F1>.

Ж. Лакан), дискурсивная психология (Дж. Поттер, М. Уэтерелл) и др.¹ Общим для названных и большинства иных теорий дискурса является представление о нём как важнейшей практике социального конструирования (Ж. Деррида: «Всё становится дискурсом»²), антиэссенциализм (как антиномия марксистскому эссенциализму), игровой характер детерминации социальной реальности (Я. Торфинг)³. В контексте данной статьи мы склонны разделять мнение М. Фуко о том, что дискурс – это властная сила, создающая отношения неравенства между социальными субъектами; дискурс способствует формированию и воспроизводству неравного распределения власти между социальными группами, женщинами и мужчинами, этническим меньшинством и этническим большинством⁴. При этом ведущая роль в выстраивании дискурса принадлежит государству и наиболее влиятельным субгосударственным структурам, в распоряжении которых находятся масс-медиа и иные средства воздействия на общественное мнение.

Отметим, что в современном обществе дискурсивность меньшинства в значительной мере определяется теми признаками, которыми оно наделяется (характеризуется) как в обыденной речи, так и высказываниях журналистов, политиков, научных текстах и пр. При этом валидность таких высказываний никем, как правило, не верифицируется: большинство дискурсантов а priori пребывают в уверенности, что «мнение большинства» как и мнение «авторитета» верно по определению. Благодаря этому в результате нехитрых психологических приёмов общественному мнению путём умело построенного дискурса можно навязать практически любые характеристики любых социальных групп и общностей, так же далёкие от объективной реальности, как и любые идеологические конструкции вообще. При этом нередко возникает и обратная реакция, описанная Э. Леммертом в его теории стигматизации: субъект, наделённый общественным мнением определённой социальной характеристикой (стигмой), со временем начинает вести себя так, словно этой характеристикой обладал изначально. То есть, возникает обратная реакция, которая как бы подтверждает поставленный «диагноз», но при этом не менее далёкая от действительности, чем исходное утверждение⁵.

¹ См.: Русакова О. Ф. Основные разновидности современных теорий политического дискурса: опыт классификаций // Аналитика и культурология. 2008. № 2 (11) // URL : http://www.analiculturolog.ru/archive/item/514-article_47.html.

² Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук / Деррида Ж. Письмо и различие / пер. В. Лапицкого. СПб., 2000. С. 354.

³ Там же.

⁴ См.: Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. Харьков, 2004. С. 103.

⁵ См. : Гишинский Я. Девиантология : социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб., 2004. С. 97.

В качестве примера можно привести дискурс, сложившийся в современном российском обществе по отношению к народам Кавказа. Одиозное клише «лицо кавказской национальности» наделено набором негативных коннотаций, не имеющих под собой никаких объективных оснований, но систематически воспроизводимых как в бытовых коммуникациях, так и средствах массовой информации: «кавказцы агрессивные, злобные, русофобы, террористы» и т.д. При этом мало кто задаётся вопросом, почему эти и подобные им характеристики распространяются на все народы Кавказа и всех их представителей, хотя, как известно, «плохих народов не бывает», а «агрессивных, злобных, русофобов и террористов» можно найти у каждого народа, в том числе и русского. Мало кто также задаётся сакраментальным вопросом: *cui prodest?* (кому выгодно?) поддержание дискурса о природной агрессивности кавказцев, который в равной мере вредит как им самим, так и тем, кто вступает с ними во взаимодействие.

В равной мере это касается и всех иных меньшинств, находящихся сегодня на пике общественного внимания (блондинки «глупые», гомосексуалисты «озабоченные», мусульмане «нетерпимые» и т.д.). И вот сама принадлежность к меньшинству начинает управлять поведением человека, настоятельно требуя от него соответствовать общественному мнению. Возникает замкнутый круг, который, по сути, становится инструментом объективации дискурсивной природы меньшинства, скрывая от нас его субъективную социально сконструированную природу.

При этом если признать, что отношение к меньшинствам определяется дискурсом и только им, то это создаёт объективные предпосылки для выстраивания новой социальной реальности путём управления дискурсом. Но здесь мы вновь должны задать извечный вопрос: *cui prodest?* И прийти к печальному выводу: пока те политические и финансовые силы, которые управляют дискурсом на национальном (а в последние годы и глобальном) уровне не осознают необходимости внести коррективы в существующее положение вещей, ничего не изменится.

Два других инструмента социального конструирования меньшинств – *перформанс* (англ. *performance* – исполнение, представление, выступление) и этимологически близкая ему *перформативная установка* (от лат. *performo* = *per* (через, посредством, по) + *formo* (давать форму, вид, образовывать)), причём, первое понятие активно разрабатывается в искусствоведении, а второе – в социологии.

С позиций искусствоведения под *перформансом* понимают форму современного искусства, в которой произведение составляют действия художника или группы в определённом месте и в определённое время. Выделяют четыре базо-

вых элемента перформанса, отличающие его от иных видов искусств: время, место, тело художника и взаимодействие художника со зрителем. В настоящее время к перформансу обычно относят разные формы авангардного и концептуального искусства¹. Близким к перформансу является понятие *акционизм*, причём, одни исследователи склонны рассматривать их в качестве самостоятельных форм искусства², другие считают первое разновидностью второго³.

Понятие «перформативная установка» возникло в контексте разработанной немецким социологом Ю. Хабермасом теории коммуникативного действия. Исходным для него стал термин *перформатив*, под которым в лингвистике понимают слово или высказывание, эквивалентное поступку⁴. При этом сам Ю. Хабермас, концептуально связав понятия «перформатив» и «коммуникативное действие», ввёл производный термин «перформативная установка», которую трактовал как естественное дотеоретическое [«пер-форменное». – А.З.] понимание жизненного мира, позволяющее участникам коммуникации понимать друг друга и на основании коммуникативных действий интерпретировать и виртуализировать события и факты, в которых они сами непосредственно не участвовали и которые сами не видели⁵.

Для уяснения онтологической связи дискурса с перформативной установкой позволим себе привести длинную цитату из труда того же Ю. Хабермаса: «...выражения “сказать кому-либо что-либо” и “понять то, что говорится” основываются на более сложных и гораздо более притязательных предпосылках, чем простое: “сказать (или подумать) о том, что имеет место”. Тот, кто наблюдает событие “р”, полагает, что “р” имеет место, или принимает во внимание, что “р” состоится, тот разделяет объективирующую установку по отношению к чему-

¹ См.: Перформанс // Википедия // URL : <http://ru.wikipedia.org/wiki/%CF%E5%F0%F4%EE%F0%EC%E0%ED%F1>.

² См. : Перформанс // Арт-азбука // URL : <http://azbuka.gif.ru/alfabet/p/performance/>.

³ См. : Перформанс // Словарь по общественным наукам // URL : <http://slovari.yandex.ru/~D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8/%D0%A1%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C%20%D0%BF%D0%BE%20%D0%BE%D0%B1%D1%89%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%BC%20%D0%BD%D0%B0%D1%83%D0%BA%D0%B0%D0%BC/%D0%9F%D0%B5%D1%80%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D1%81/>.

⁴ Из этого тезиса следует разделение глаголов на две группы: перформативные (или коммуникативные) – выражающие цели речевого акта (настаивать, обещать, клясться и т.п.) и неперформативные – лежать, идти, работать и т.д. – характеризующие действия, непосредственно с речевым актом не связанные (см. : Тумина Л. Е. Перформатив // URL : http://ped_recheved.academic.ru/152/%D0%9F%D0%B5%D1%80%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B2).

⁵ См.: Хабермас Ю. Проблематика понимания смысла в социальных науках // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. № 3. С. 17.

либо в объективном мире. Тот же, кто участвует в процессах коммуникации, что-либо говоря и понимая то, что говорится – будь то переданное мнение, произнесённое утверждение, данное обещание или отданный приказ; будь то выражаемые намерения, желания, чувства или настроения, – тот всегда должен принимать перформативную установку. Эта установка допускает чередование позиций третьего лица, или объективирующей установки, второго лица, или правилосообразующей установки, и первого лица, или экспрессивной установки. Перформативная установка позволяет взаимно ориентироваться на те притязания на значимость (в отношении истинности, нормативной правильности, правдивости высказывания), которые говорящий выдвигает в ожидании приятия или неприятия со стороны слушателя. Эти притязания вызывают не критическую оценку, чтобы интерсубъективное признание того или иного из них могло послужить основанием для рационально мотивированного консенсуса. Общаясь друг с другом в перформативной установке, говорящий и слушатель участвуют в то же время и в выполнении тех функций, благодаря которым в ходе их коммуникативных действий воспроизводится и *общий для них обоих жизненный мир* [выделено нами. – А.З.]»¹.

Наконец, завершающий тезис находим у П. МакХью: «Истинность утверждения не является независимой от условий его произнесения, а, значит, исследование истинности есть исследование тех *способов, с помощью которых становится возможным методическое наделение истинностью* [выделено нами. – А.З.]. Речь идёт о приписывании... Фактически, данный принцип применим к любому феномену социального порядка»².

Каким же образом дискурс, перформанс и перформативная установка связаны с объективацией (или признанием «истинным») социального меньшинства? Данная связь, проявляющаяся, как очевидно, имплицитно, может быть выражена в следующих тезисах: 1) поскольку отнесение той или иной общности к меньшинству условно, и каждый человек по разным своим социальным параметрам одновременно принадлежит и к «меньшинствам», и к «большинствам», то его идентификация с конкретным меньшинством «здесь и сейчас» связана исключительно с тем дискурсом, в который он оказался вовлечён в силу тех или иных обстоятельств или того или иного коммуникативного взаимодействия; 2) дис-

¹ Философия науки : хрестоматия // отв. ред.-сост. Л. А. Микешина. М., 2005. С. 866.

² McHugh P. On the Failure of Positivism // Understanding Everyday Life / ed. by J. D. Douglas. London, 1971. P. 329 (цит. по : Хабермас Ю. Проблематика понимания смысла в социальных науках // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. № 3. С. 20).

курс в определяющей степени формируется набором перформативных установок, интернализированных дискурсантами в процессе коммуникативного обмена; при этом направленность (вектор) перформативной установки по отношению к конкретной характеристике конкретного социального меньшинства задаётся не её «истинным» качеством, а способом интерпретации, принятом в данной социальной группе, общине или обществе в целом¹; 3) дискурсивная природа социального меньшинства проявляется двояко: через текст (коммуникативное действие) и перформанс (драматургическое действие); причём, последнее в современном информационном пространстве приобретает всё большее, если не решающее значение (в строгом соответствии с поговоркой: лучше один раз увидеть, чем семь раз услышать), и как следствие этого – усиливается стремление навязать обществу определённый дискурс посредством тщательно подобранных акций и перформансов.

Здесь для понимания логики дальнейшего изложения нужно дать одно необходимое пояснение: в контексте данной статьи мы трактуем перформанс расширительно – не в сугубо искусствоведческом смысле, а наделяя его социологическими коннотациями – как некий набор драматургических действий, имеющих заданный характер (и в этом смысле институционализированных в соответствующих субкультурах), систематически воспроизводимых всем меньшинством или какой-то его частью, выполняющих, по крайней мере, две значимые для меньшинства функции: во-первых, *идентифицирующую* («мы» – меньшинство, «они» – большинство); во-вторых, *презентационную* («мы» – *такие*, нравится «вам» это или нет!). Причём, практическая реализация последней функции стала возможной в значительной степени вследствие распространения и интернализации демократических норм толерантности и мультикультурализма в современном Западном обществе.

Именно этим, на наш взгляд, объясняется стремление целого ряда социальных меньшинств заявить о себе (и утвердить, таким образом, в общественном

¹ Поясним это на примере. Если в коммуникативном пространстве конкретного дискурса меньшинству «А» систематически даётся условно позитивная характеристика (оно «хорошее»), а меньшинству «Б» – негативная (оно «плохое»), то социализирующийся в этом коммуникативном пространстве индивид интернализует данную дихотомию и будет считать её *само собой разумеющейся*, то есть, *истинной*. Став его перформативной установкой по отношению к меньшинствам «А» и «Б», эта дихотомия в значительной степени будет определять и его диспозиции по отношению к ним. При этом все утверждения, противоречащие данной установке, он будет а priori считать ложными, а соответствующие ей – истинными. Именно этим социально-психологическим феноменом во многом объясняется устойчивость и систематическая репликация из поколения в поколение социальных мифов относительно тех или иных социальных (этнических, профессиональных etc.) общностей, и не только их одних.

мнении своё право на эксклюзивность и «особые» права по отношению к «большинству») посредством разного рода акций и перформансов. И именно это становится зачастую инструментом их, своего рода, социального «паразитизма» на большинстве, о чём вскользь было сказано выше. Примеры разнообразны и общеизвестны: это гей-парады и в равной степени эпатажное поведение и внешность представителей сексуальных меньшинств; это навязчивое и зачастую уже доходящее до патологии стремление выделиться из «толпы» внешностью, одеждой, манерами общения представителей неформальных молодёжных групп, этнических и религиозных меньшинств, а в равной степени и представителей истеблишмента, для которых роль социальных маркеров играют фетиши показного потребления (тема Т. Веблена): роскошные особняки и автомобили, золото и драгоценности, прислуга, секьюрити и т.п.

Следствием этого становится то, что в ряде случаев (и примеры того множатся) происходит сущностное изменение диспозиции «меньшинство – большинство» в системе координат зависимости: меньшинство уже не просто отстаивает свои права на самобытность по отношению к большинству, но начинает активно навязывать ему свои групповые ценности и нормы (этические, религиозные, сексуальные и пр.) и зачастую превращается в субъекта дискриминации последнего. Во многом это становится возможным не только по причине последовательного (и, как представляется, не всегда обоснованного) распространения принципов политической демократии на смежные социокультурные сферы общества, но и социально детерминированной инновационности меньшинства vs консервативности большинства, часто оказывающегося неспособным противостоять социокультурной, а в последнее время и политической агрессии первого.

Как следствие, систематическая реализация прав меньшинств, справедливая по своей гуманистической направленности, в странах, добившихся наибольших успехов в строительстве демократического общества, всё чаще приводит к обратному – нарушению прав большинства. Наиболее очевидно это в США, где уже много лет реализуется принцип политкорректности. В ряде стран (Великобритания, США и др.) законы, принятые в защиту тех или иных социальных меньшинств (расовых, сексуальных и т.д.), стали, по сути, правовым инструментом дискриминации большинства, создавая этим угрозу не только базовым принципам демократии, но и всему современному миропорядку.

Значит ли это, что автор статьи является противником принципов мультикультурализма, толерантности, прав социальных меньшинств и демократии вообще? Естественно, нет. Но данная проблема, со всей очевидностью вставшая

перед человечеством на рубеже XX – XXI веков, требует тщательного научного анализа, причём не только социологическими, но и психологическими, культурологическими, политологическими средствами. И если не будут найдены основания для достижения эффективного равновесия между большинством и меньшинством в современном быстро меняющемся мире, это может закончиться грандиозной гуманитарной катастрофой.

В. А. Смоляков

АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН: АТЭС ИЛИ ТТП? (альтернативные пути экономической интеграции)

Начало XXI века отмечено в политических заявлениях, научной литературе и публицистике кардинальной переоценкой структуры всей мировой политики и экономики. Новый век всё чаще начинают называть «тихоокеанским», иногда «восточно-азиатским». Сегодня никто не может отрицать, что центр тяжести мировой экономики перемещается в Азиатско-Тихоокеанский регион (далее – АТР), который в качестве самого крупного в мире суперрегиона охватывает первую экономику мира – Соединённые Штаты, а также страны Восточной Азии (такие как Китай и Япония, занимающие соответственно 2-е и 3-е места в мире по объёму ВВП). Рассмотрение вопросов развития АТР и его роли в мировой политике и экономике непосредственно связано с темой регионализма и возможностями регионализации.

Анализ проблем регионализации в масштабах АТР предполагает предварительное уточнение понятия «регион». Смысл данного термина может варьироваться в зависимости от контекста исследования и наделяться различными значениями: во-первых, это может быть область, край внутри государства или даже более широкая территория, обладающая рядом объединяющих признаков; во-вторых, в международных отношениях это группа географически близких стран. Понятие «международный регион» в политологической литературе рассматривается с учётом определённых признаков. Определение географических рамок региона всегда связано не только с объективными признаками, но и с исторически сложившимися субъективными представлениями акторов геополитики. Состав и внешние границы региона не всегда определяются исходя из незыблемых географических реалий и зачастую носят условный характер, а в ряде случаев яв-

ляются плодом социального конструирования или межсубъектного консенсуса, достигаемого в зависимости от социокультурных предрассудков, идеологических или политических соображений участников взаимодействий. Можно выделить, по меньшей мере, три необходимых и достаточных условия регионализма: 1) относительную географическую близость стран-участников; 2) регулярность и интенсивность взаимодействий между ними; 3) всеобщее восприятие данной региональной системы в качестве особого, отличающегося от других театра политических и экономических взаимодействий. Названные признаки позволяют дать следующее определение понятию «регионализация»: это разделение мира на региональные блоки – отдельные группы географически близких государств, создающих систему договоров и политико-экономических институтов, открывающих путь сначала к экономической, а затем, при дальнейшем развитии процесса, и политической интеграции.

Азиатско-Тихоокеанский регион в этом отношении мало соответствует вышеприведённым признакам. Страны «разбросаны» на огромной территории, разделены просторами Тихого океана и отстоят друг от друга на многие тысячи километров. Они различаются по уровням развития экономики, потенциалам, культурно-историческим характеристикам и политическим системам. Большая часть государств поддерживает более тесные связи с внешними (относительно АТР) участниками экономических и политических отношений и в то же время слабо связаны друг с другом. Исходя из приведённых соображений, в порядке первого приближения можно дать следующую характеристику рассматриваемого географического объекта: это трансконтинентальный суперрегион, характеризующийся аморфностью, крайней культурной и экономической разнородностью и политической раздробленностью. В этой связи чересчур поспешными являются его характеристики в качестве самостоятельного «актора» мировой политики.

До настоящего времени нет согласия даже относительно более-менее точного определения его географических рамок. Одни специалисты устанавливают чрезмерно широкие границы АТР, включая в его состав даже Азербайджан и прилегающие страны. Даже политики, участвующие в обсуждении проблем АТР, не имеют отчётливого представления о его границах. Так, в статье госсекретаря США Х. Клинтон устанавливаются следующие рамки рассматриваемого географического объекта: «Азиатско-Тихоокеанский регион раскинулся от полуострова Индостан до западного побережья Америки, охватывая два океана – Тихий и Индийский...». В АТР, как считает Х. Клинтон, проживает почти поло-

вина населения земного шара. Из дальнейших рассуждений видно, что в состав АТР она включила Индию (и ещё более странным выглядит то, что Россия в статье даже не упоминается)¹. С другой стороны, в трактовке министра иностранных дел России С. Лаврова, АТР – это регион с населением 2,5 млрд. человек. Очевидно, что регион в данном случае рассматривается в более «узких» рамках. При этом нет указаний, какие страны в него включаются. Наиболее приемлемой представляется концепция АТР, изложенная в российской версии Википедии: Азиатско-Тихоокеанский регион – это «политический и экономический термин, обозначающий страны, расположенные по периметру Тихого океана и многочисленные островные государства в самом океане»². На карте мира (см. рисунок 1) тёмным цветом обозначены страны, которые в соответствии с принятым нами определением принято включать в состав АТР.

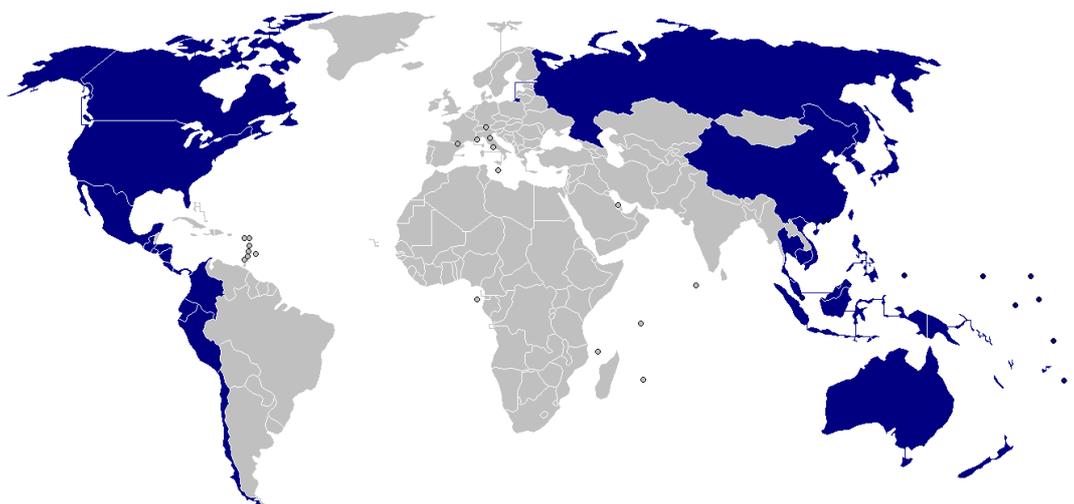

Рисунок 1 – Страны Азиатско-Тихоокеанского региона

Совершенно очевидно, что по своему составу АТР не является чисто азиатской группировкой и потому не может рассматриваться в качестве некоего центра (полюса), противостоящего Европе или Западу в целом.

Развитие экономической взаимозависимости, внутривластная стабильность, стремление к созданию мирных международных условий для развития и решения острых социальных проблем, а также растущее осознание общности не только экономических, но и политических интересов государств по всему кольцу Тихоокеанского побережья (принятое в англоязычном дискурсе наименова-

¹ Clinton H. America's Pacific Century // Foreign Policy. 2011. November. P. 2.

² См.: Азиатско-Тихоокеанский регион. Материал из Википедии – свободной энциклопедии // URL : <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%A2%D0%A0>.

ние – *Pacific Rim*), стали побудительной силой, вызвавшей взаимное стремление к интеграции. Не последнюю роль в этом процессе сыграли также геополитические, хотя и далеко не единые, интересы крупных держав, желание малых и средних стран связать устремления набирающего мощь Китая узами взаимовыгодного мирного сотрудничества.

В АТР нет единого доминирующего международного объединения, подобного Европейскому Союзу. Вместо этого здесь действуют несколько региональных образований. С некоторыми из них Россия установила отношения взаимовыгодного сотрудничества. Штаб-квартиры многих межгосударственных и негосударственных организаций Азиатско-Тихоокеанского региона расположены в Гонолулу (Гавайи), Сингапуре. В регионе представлено большое разнообразие экономик и ресурсов: динамично развивающиеся Гонконг, Тайвань и Сингапур, высокие технологии Японии, Кореи, Тайваня и запада США. Представляют интерес также природные ресурсы Австралии, Канады, Филиппин и российского Дальнего Востока. Значительным вкладом в интеграционные проекты могут стать огромные резервы рабочей силы Китая и Индонезии. Кроме промышленности интеграция может охватить также страны с высоким уровнем развития сельского хозяйства – это, прежде всего, Калифорния (США), Новая Зеландия, Чили и другие. Многие экономисты и политологи полагают, что с постепенным угасанием старых индустриальных центров в Европе и на востоке США центр мировой экономической активности может перенестись в Азиатско-Тихоокеанский регион.

Развитие правовых норм и механизмов регулирования международных отношений в АТР, как и в других регионах мира, связано с такими организациями как Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), Восточноазиатский Саммит (ВАС), АСЕАН Плюс Три (АТП), Асеановский региональный форум (АРФ) и др. Их роль в создании правовых норм для либерализации экономического сотрудничества, экономической интеграции, внедрения демократических форм межгосударственного общения, обеспечения безопасности весьма значительна. В последние годы всё большее внимание уделяется вопросам безопасности, созданию организационных и правовых основ противодействия терроризму, а также задачам экологической направленности.

Центральное место в системе соглашений и организаций занимает Азиатско-Тихоокеанское Экономическое Сотрудничество (АТЭС). Со времени своего основания в 1989 г. АТЭС превратился в одну из самых крупных региональных

группировок, которая представляет 2,745 млрд. чел. или почти 40% населения Земли. Общий ВВП участников АТЭС составляет 33,9 трлн. американских долл. или 55% мирового ВВП и 49% мировой торговли¹.

Форум носит открытый характер и занимается в основном экономическим сотрудничеством. Создание АТЭС стало, в значительной степени, ответом стран региона на усиление европейской экономической интеграции. Не следует забывать, что инициаторами создания АТЭС (англ. аббревиатура – *APEC*) были именно западные и прозападные государства: первой в 1988 г. выступила Австралия, а затем идею поддержали США, Канада, Южная Корея, Новая Зеландия, Япония, а также их союзники – шесть стран АСЕАН. КНР, Тайвань и Гонконг вступили позднее, в 1992 г. Россия была принята в АТЭС в 1998 г., главным образом, по политическим соображениям. Для Китая решение о вступлении в АТЭС было связано с принципиальным выбором стратегического характера – отказом от самоизоляции и готовностью приступить к участию в экономической интеграции. Одной из причин, побудивших Соединенные Штаты поддержать данный проект, было опасение, что процесс интеграции в Восточной Азии пойдёт без их участия и приведёт к появлению замкнутого экономического блока.

В 1991 г. в Сеульской декларации целями АТЭС были названы поддержание экономического роста стран региона, укрепление взаимной торговли и ликвидация ограничений на передвижение между странами товаров, услуг и капиталов согласно нормам ГАТТ/ВТО. Позднее, в 1994 г. саммит АТЭС в Индонезии провозгласил в качестве главной задачи либерализацию внешней торговли.

В начале XXI века участниками Форума стала, по принятой в АТЭС терминологии, 21 «экономика». Данный термин заменил слово «страна» и явился результатом компромисса при решении вопроса о политическом статусе Китайской Республики (Тайваня), который был принят под названием «Китайский Тайбэй», а также присоединения в 1991 г. Гонконга под названием «Гонконг, Китай». Китайская Народная Республика представляет интересы только континентального Китая, поскольку Гонконг и Аомынь считаются отдельными экономиками. Территория Азиатско-Тихоокеанского Экономического Совета охватывает почти весь АТР.

Показателен список стран, традиционно включаемых в Азиатско-Тихоокеанский регион (в скобках указывается на членство ряда стран АТР в АТЭС): Австралия (АТЭС), Бруней (АТЭС), Вануату, Восточный Тимор, Вьет-

¹ Stats APEC. 2010. See: The World Bank and the APEC Region Trade and Investment 2006.

нам (АТЭС), Гватемала, Гондурас, Гонконг как особая административная зона Китая (АТЭС), Индонезия (АТЭС), Камбоджа, Канада (АТЭС), КНДР, КНР (АТЭС), Колумбия, Коста-Рика, Макао, Малайзия (АТЭС), Маршалловы Острова, Мексика (АТЭС), Микронезия, Науру, Никарагуа, Новая Зеландия (АТЭС), Палау, Панама, Папуа – Новая Гвинея (АТЭС), Перу (АТЭС), Россия (АТЭС), Китайская Республика «Китайский Тайбэй» (АТЭС), Республика Корея (АТЭС), Сальвадор, Самоа, Соломоновы Острова, Сингапур (АТЭС), Таиланд (АТЭС), Тонга, Тувалу, США (АТЭС), Фиджи, Филиппины (АТЭС), Французская Полинезия, Чили (АТЭС), Эквадор, Япония (АТЭС).

Из приведённых данных видно, что в АТЭС входит примерно половина стран АТР, причём самых крупных и развитых в экономическом отношении. Можно утверждать, что было бы правильнее рассматривать АТЭС в качестве трансрегионального, а не регионального органа. Удалённость стран друг от друга и разнородность участников определяют принципиальные отличия его от такой высокоинституционализированной договорной структуры, как Европейский союз, или даже АСЕАН (см. рисунок 2).

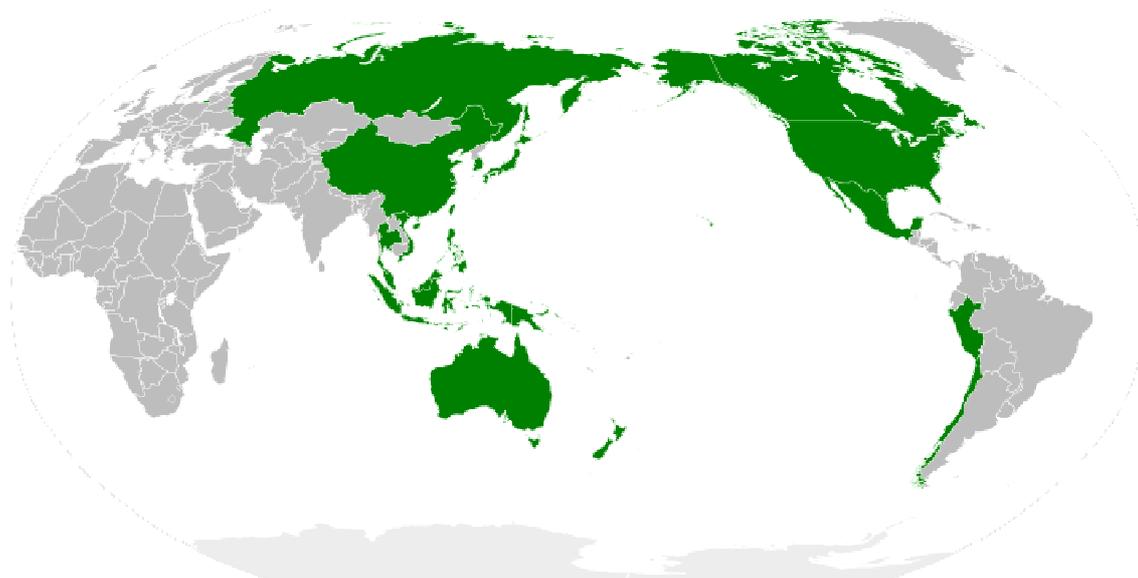

Рисунок 2 – Страны – члены АТЭС

АТЭС образовано как свободный консультативный форум без сильной организационной структуры и с небольшим бюрократическим аппаратом. АТЭС не является ни международной организацией, ни ассоциацией, поскольку у него нет устава и исполнительных органов, кроме учреждённого в 1992 г. в Сингапуре небольшого секретариата (состоит из 23-х дипломатов, представляющих чле-

нов АТЭС, а также местных 20 наёмных сотрудников), без властной структуры, вовсе не предназначенной воплощать в жизнь принятые на саммитах декларации¹. С 1993 г. главной формой организационной деятельности АТЭС являются ежегодные саммиты (неформальные встречи) лидеров «экономик». Встречи на высшем уровне привлекают внимание всего мира, но высокий уровень участников и необходимость заботиться об имидже успешных политиков снижает способность саммитов ставить на обсуждение и решать сложные проблемы. Секретариат основывает свою работу на небольших технических группах, создаваемых по решениям саммитов, и располагает всего несколькими миллионами долларов. Можно предположить, что сами основатели не стремились к превращению АТЭС в сильный международный институт. С самого начала члены АТЭС дали ясно понять, что они не стремятся к созданию организации по типу Европейского Союза. Поэтому АТЭС – это, по сути дела, консультативный форум, действующий на основе открытого диалога и уважения взглядов всех его участников. У него вообще нет механизма принятия и реализации обязывающих решений. Согласование принятых документов происходит в форме дискуссий, в обстановке равноправного сотрудничества и с обязательным соблюдением консенсуса. «Это – подходящая площадка для обсуждения процессов развития торговли, инвестиций и других экономических вопросов. Но обязательные к исполнению соглашения обычно заключаются на более низком уровне потому, что достичь согласия двух десятков стран очень трудно». Аналитик Макнэлли указывает, что предлагаемые США торговые соглашения как правило, не ограничиваются торговыми вопросами: «В них также говорится об экологических стандартах, нормах труда, качестве продуктов и так далее». А варианты соглашений, которые предлагает Китай, фокусируются на вопросах сокращения тарифов и квот и согласования таможенных правил. Одно из актуальных направлений сотрудничества – экология. Представители США, включая госсекретаря Х. Клинтон, предлагают странам АТЭС снизить тарифы на ресурсосберегающие товары, в числе которых ветряные турбины и солнечные батареи.

Однако, по мнению Пекина, цели, которые ставят США, могут стать тяжёлым бременем для экономик развивающихся стран и вследствие этого они не смогут пойти на подобные шаги. Таким образом, форум постепенно превращается в площадку для обсуждения региональных и даже глобальных проблем, но не в работающий механизм экономической интеграции.

¹ См: АРЕС Secretariat website.

Исследователь проблем интеграции М. Бесон подчёркивает, что признаком интеграционного процесса следует считать не столько степень реализованности проекта, сколько наличие политической воли к развитию мультилатерализма¹. Успех интеграционных усилий зависит от степени взаимного доверия между всеми участниками, однородности ценностных систем, сформировавшейся в ходе общения общей идентичности. При наличии этих условий идея всесторонней интеграции в экономической, политической, культурной областях может получить материализованное воплощение под управлением наднациональных институтов. Практика показывает, что в АТР действуют как факторы, стимулирующие страны к созданию более высоких форм интеграции (рост потребности у Японии, КНР, Южной Кореи и стран АСЕАН в объединении экономических ресурсов для поддержания высоких темпов экономического роста и повышения конкурентоспособности экономик региона перед лицом конкурента – США и интегрирующейся Европы), так и факторы, способные притормозить строительство нового регионального порядка (сохранение восприятия Китая Соединёнными Штатами и союзной им Японией как политического оппонента и потенциально-го источника угрозы при наличии объективных противоречий между интересами этих стран). Главная причина такого положения заключается в том, что даже внутри каждой из двух групп – промышленно развитых и развивающихся стран – нет единства по вопросу уровня и скорости формирования зоны свободной торговли. В частности, США, как и Австралия и ещё ряд стран, заинтересованы в ускорении этого процесса и открытии рынков стран Восточной Азии. В то же время, Япония и Республика Корея хотят защитить свои рынки, прежде всего, рынок сельскохозяйственной продукции. Аналогичную Японии и Корею позицию занимают и входящие в АТЭС некоторые страны АСЕАН, больше заинтересованные не в либерализации торговли, а в развитии научно-технического сотрудничества. Сохраняются и расхождения в концептуальных подходах к интеграции, существующих у США, Австралии и Японии, с одной стороны, и Китая и ряда стран Юго-Восточной Азии – с другой. Провозглашённые Соединёнными Штатами приоритеты для АТЭС – экологически поддерживаемый рост, сотрудничество в регуляционной и инновационной сферах и сфере энергетики – были приняты не всеми участниками саммита в Гонолулу в 2011 г. Китай, в частности, не устраивает предлагаемое снижение тарифов на экологически чистую продукцию, которая может включать в себя возобновляемые источники энергии и утили-

¹ Beeson M. Regionalism and Globalization in East Asia. Palgrave macmillan, 2007.

лизацию отходов. Пекин не готов также принять снижение целевых показателей, измеряющих удельное потребление электроэнергии по отношению к ВВП. США выступают за ограничения на субсидирование государственных предприятий, что может негативно отразиться на Китае, который без особой поспешности переходит от государственной экономики к частному предпринимательству. В связи с этим Китай заявил, что форум не носит обязывающего характера, а потому поставленные на нём цели должны отвечать уровню, комфортному для развивающихся экономик. С другой стороны, аналогичные переходные процессы происходят во Вьетнаме, а Ханой присоединился к переговорам. Саммит АТЭС явится подходящим местом для достижения соглашений с участием ограниченного круга государств.

Расхождения между интересами привели к тому, что интеграция в АТР пошла по пути заключения двусторонних по преимуществу соглашений о создании или преференциальных соглашений, или зон свободной торговли (ЗСТ). Процесс этот начался в середине 1990-х годов и продолжается в настоящее время.

Пробуксовка процесса либерализации торговой и инвестиционной деятельности, а также то, что АТЭС стало всё больше напоминать формальную организацию, принимающую каждый год декларации, не дающие никаких конкретных результатов в экономической области, привели к снижению интереса США и ряда других членов АТЭС к сотрудничеству в её рамках. США, по оценкам фонда Карнеги, всё больше стремятся сместить фокус встреч на высшем уровне в АТЭС на рассмотрение вопросов безопасности и нераспространения ядерного оружия в регионе. Всё это свидетельствует о том, что вопрос перестройки институциональных принципов сотрудничества в АТР, стимулирующего развитие интеграции и создающего условия для предотвращения конфликтов, назрел.

Осознание проблем, с которыми сталкивается АТЭС, а также заинтересованность Соединённых Штатов в расширении торговли со странами АТР, побудили американских лидеров к строительству новой интеграционной структуры. В рамках этого замысла планируется создание единой ЗСТ по всему Тихоокеанскому кольцу. Данный проект получил название *Trans-Pacific Partnership Agreement* (англ. *TPP*) – Транс-Тихоокеанское партнёрство (далее ТТП). Данный проект представляет безусловный интерес, поскольку затрагивает вопрос о возможностях развития отношений России с партнёрами по АТЭС. Можно предположить, что реализация ТТП приведёт к снижению роли АТЭС в развитии интеграции в АТР. Следует отметить, что в российской прессе и официальных публикациях ТТП не уделяется должного внимания, и о нём известно крайне мало.

В данной статье излагаются некоторые сведения об истории возникновения и планируемых направлениях деятельности ТТП.

В зарубежной прессе можно найти следующие данные. У истоков данного проекта стоит соглашение, заключённое в 2006 г. сначала четырьмя странами: Брунеем, Новой Зеландией, Сингапуром и Чили (Trans-Pacific Strategic Economic Partnership Agreement – ‘P4’). В ноябре 2009 г. к переговорному процессу присоединились Австралия, Вьетнам, Перу и Соединённые Штаты. С марта 2010 г. группа из 8 стран провела свой первый официальный раунд переговоров в Мельбурне (Австралия). В октябре 2010 г. на встрече в Брунее к переговорному процессу в результате единогласного решения была допущена Малайзия. К марту 2012 г. девятью странами-участниками было проведено 11 раундов переговоров. Важно подчеркнуть, что для участия в переговорном процессе требуется соблюсти ряд условий. Первым среди них является официальное заявление о готовности принять участие в переговорах. После этого данная страна получает приглашение принять участие в двусторонних переговорах с «девяткой» (Австралией, Брунеем, Вьетнамом, Малайзией, Новой Зеландией, Перу, Сингапуром, США и Чили)¹.

Последний саммит АТЭС, состоявшийся в ноябре 2011 г. на Гавайях, стал площадкой для переговоров, которые провёл в кулуарах форума Президент США Б. Обама с лидерами некоторых государств – членов АТЭС. В центре внимания участников были вопросы торговых отношений и тарифов в регионе. Принимающая сторона – США – старалась создать основу для Транс-Тихоокеанского партнёрства – зоны свободной торговли с более высокими нормами сотрудничества по сравнению с ныне существующими. Целью ТТП является устранение всех тарифов между государствами-членами в течение 10 лет. Это должно быть единое торговое пространство на основании высочайших стандартов, включающих унификацию трудового законодательства и обязательства защиты интеллектуальной собственности². В ходе состоявшихся в кулуарах саммита совещаний по вопросам торговли и финансов членам американской администрации удалось продвинуть дальше дело достижения договорённостей о создании Транс-Тихоокеанского партнёрства. Если до саммита в переговорах о создании этого альянса принимали участие 9 государств, в том числе США, то в итоге желание присоединиться к диалогу изъявили Мексика, Япония и Канада.

¹ Share M. Greater China // Asia Times. 2011, Dec.1.

² US remains committed to engage in Asia-Pacific affair / by V. Ma // URL : <http://news.xinhuanet.com/english2010-11/16/>.

Проницательные обозреватели справедливо указывают на то, что экономика и политика всегда идут «рука об руку». Активная деятельность правительства Б. Обамы на саммите в Гонолулу явилась практическим выражением только что провозглашённой стратегической доктрины США, получившей наименование «разворот в Азию» (*pivotal strategy*). Эта доктрина обозначила не только интерес Соединённых Штатов к быстрорастущей экономике АТР, но и подспудные стратегические цели. Индийский стратегический аналитик С. Д. Муни даже отметил, что некоторые аспекты саммита содержат «элементы, могущие потенциально послужить спусковым механизмом для начала трудно уловимой и изощрённой новой Холодной войны в Азии между США и Китаем»¹. Обозреватель У. Рассел назвал успешные переговоры в Гонолулу «дипломатическим блицкригом», который послужит Б. Обаме в качестве козырной карты во внутривластном дискурсе на предстоящих президентских выборах. С. Уолт обращает особое внимание на то, что китайско-американское соперничество в предстоящие годы будет по преимуществу соперничеством за завоевание союзников, и этот вопрос будет главным вызовом, с которым столкнутся Соединённые Штаты².

Таким образом, центр решений по вопросам экономической интеграции будет смещаться из АТЭС в её ответвление ТТП (9 стран плюс Канада, Мексика и Япония). Ключевое значение для будущего ТТП будет иметь присоединение Японии. Однако Япония, несмотря на заявление правительства Ноды о присоединении к переговорам, всё ещё не сделала окончательный выбор. Поскольку её сдерживает внутренний фактор – протесты японских фермеров, защищённых сегодня самыми высокими тарифами. Ситуация осложняется также расколом в правящей Демократической Партии Японии по данному вопросу. Интригой является и то, что вторая по величине экономика мира – Китай – может остаться за пределами нового торгового блока. Интересно то, что Китай не получил приглашение о присоединении к создаваемому региональному торговому соглашению³. Позиция США в вопросе о приглашении Китая в ТТП противоречива. С одной стороны, президент Б. Обама официально подчёркивает открытый характер создаваемого объединения, а с другой, большинство обозревателей и среди них политолог К. Макнэлли из Центра «Восток-Запад», считают, что Конгресс вряд ли одобрит, по крайней мере, в ближайшее время соглашение о свободной торговле, если одним из его участников станет Китай. С точки зрения американ-

¹ Share M. Op. cit.

² Ibid.

³ URL : <http://www.voanews.com/russian/news/america/China-US-APEC-2011-08-133430>.

ской политики и бизнеса Пекин ведёт себя в торгово-экономических вопросах нечестно: во-первых, он отказывается повысить курс юаня, что ведёт к резкому дисбалансу в торговле США – КНР; во-вторых, не принимает действенных мер по защите интеллектуальной собственности (в условиях информационной экономики в проигрыше оказываются страны – творцы интеллектуального продукта). Так что, как сообщили представители Китая, Пекин не получил предложений о вступлении в ТТП. Индийский аналитик С. Бару в связи с этим назвал план создания ТТП «экономикой сдерживания» Китая, призванной ограничить его конкурентоспособность на рынках АТР¹.

В своих выступлениях, сделанных во второй половине 2011 г., президент Б. Обама поставил задачу удвоения американского экспорта в предстоящие 5 лет ради создания новых рабочих мест². В погоне за новыми рынками он в ноябре 2011 г. совершил поездку по странам Тихоокеанского Рима. Во время визита в Австралию он подчеркнул, что АТР имеет абсолютное значение для возрождения американской экономики, так как регион играет роль двигателя мирового экономического роста в предстоящее время. «Соединённые Штаты являются тихоокеанской державой и продолжают курс на полную вовлечённость в политические, экономические и военные дела Азии», – заявил он³. Появление статьи Х. Клинтон в ноябрьском номере (2011) журнала «Foreign Policy» впервые продемонстрировало новую политическую доктрину США – «стратегию разворота в Азию».

И действительно, в геополитическом, военном, дипломатическом и экономическом отношении Восточная Азия и Тихоокеанский регион в целом крайне важны как для борьбы с новыми вызовами, так и для использования благоприятных возможностей XXI века. В результате визита в Австралию было заключено соглашение о создании американской военной базы на северо-западном побережье страны. Б. Обама в своих выступлениях в Австралии и на Восточноазиатском саммите на Бали подчёркивал, что Соединённые Штаты не ограничатся только лишь экономическими вопросами. Они будут также заботиться о безопасности в районе Южно-Китайского моря – важнейшего морского пути, связывающего Тихий и Индийский океаны. Как известно, этот район является также потенциально взрывоопасным очагом территориальных споров из-за стратегически важных островов Спратли между КНР и рядом государств Юго-Восточной

¹ Asia Times. 2011, Dec.1.

² America: The new sick man of Asia? // URL : <http://www.atimes.com/China/MK19Ad02.html>.

³ US remains committed to engage in Asia-Pacific affairs. By Vienna Ma // URL : <http://news.xinhuanet.com/english2010-11/16/>.

Азии. Одной из целей Соединённых Штатов является стремление продемонстрировать дружественным государствам, что Америка не уходит и не оставляет своих союзников без поддержки перед лицом экспансии КНР. В противном случае, как считают американские аналитики, слабые страны вынуждены будут «сдаться» мощному Китаю и перейти на его сторону. Военное присутствие США в этом районе президент Б. Обама обозначил в качестве «высшего приоритета», подчеркнув при этом важность сохранения способности «проецировать военную мощь и сдерживать угрозы миру»¹. В Пекине активизация американской политики в указанном районе возродила подозрения насчёт попыток «окружения Китая»².

Возникает вопрос, каким образом Россия может максимально эффективно вписаться в экономику региона? Россия заинтересована в участии в интеграционных проектах АТР, особую роль в которых могут играть Восточная Сибирь и Дальний Восток, прежде всего в качестве поставщика энергоресурсов, а также «сухопутного моста» между странами так называемого Тихоокеанского кольца (*Pacific Rim*) и Европой. Хорошим шансом предметно продемонстрировать возможности России как партнёра АТЭС станет проведение саммита этой организации во Владивостоке с 1 по 8 сентября 2012 г. Россия выступит в роли председателя Форума. Органичное интегрирование в систему экономических связей АТР может стать существенным фактором модернизации и инновационного экономического развития Восточной Сибири и Дальнего Востока. Успех саммита АТЭС во Владивостоке будет зависеть от того, будет ли преодолено восприятие нашими партнёрами российского Дальнего Востока как экономически отсталой, рискованной для долгосрочных инвестиций и неуклонно теряющей население окраины России.

Россия для стран АТЭС является менее интересным торгово-экономическим партнёром, чем они для неё. Доля России во внешнеторговом обороте стран АТЭС составляет примерно 1%, и по этому показателю Россия находится на предпоследнем месте, опережая только лишь Папуа – Новую Гвинею. С другой стороны, доля стран АТЭС во внешнеторговом обороте России превышает 15%³. Причина в том, что Россия пока может экспортировать, главным образом, лишь сырьё, в то время как саму её интересует, в первую очередь, высокотехно-

¹ US scaremongering. - <http://news.xinhuanet.com/english2010-11/21/c-1312595.htm>

² Китай, как представляется, не будет заинтересован во вхождении России в многосторонние интеграционные структуры, поскольку его интерес в том, чтобы замкнуть внешнеторговые связи России на себя. Геополитический интерес КНР – не допустить сближения РФ с Японией.

³ Лукин А., Иванов А. Россия и АТР : перспективы сотрудничества.

логичная продукция, производимая в странах АТЭС. Невысокий по международным критериям уровень экономического сотрудничества России со странами АТЭС предопределяет и её невысокий уровень влияния на принятие решений.

Тем не менее, растущее значение экспорта углеводородов и конкуренция Японии с Китаем и Южной Кореей за продаваемую нефть и газ даёт России важный ресурс влияния, который можно и нужно использовать. Повышению весомости участия России в саммитах АТЭС может способствовать расширение их повестки дня за счёт политических вопросов. Эта тенденция проявилась ещё в 1999 г., когда на саммите в Окленде было согласовано решение об отправке войск ООН в Восточный Тимор, и затем была закреплена в 2001 г., когда на саммите в Шанхае приняли резолюцию, осуждающую терроризм.

От Владивостокского саммита АТЭС каких-либо прорывных решений никто не ждёт. Это объясняется, прежде всего, самой природой данной организации: во-первых, это очень слабый институт, представляющий собой площадку для дискуссий, форум; во-вторых, ни на саммитах, ни в секретариате или в комиссиях не принимаются обязывающие решения – это, скорее всего, декларации о намерениях (тем не менее, участие в организациях и обсуждение проблем экономического сотрудничества сами по себе необходимы в качестве переходной формы к более высоким институтам); в-третьих, реальные соглашения достигаются на двусторонних встречах, в том числе и российской стороны с Китаем, США, Южной Кореей, Японией.

АТЭС ставит своей целью либерализацию торговли и инвестиционного климата, устранение препятствий для развития международного бизнеса. Участие России в структурах АТЭС, в том числе и председательство, будут реализовываться в новом политическом и политико-экономическом ситуационном контексте, в котором есть как позитивные, так и негативные стороны. Среди них можно выделить следующие.

1. Позитивным моментом, облегчающим достижение международных экономических соглашений, можно считать принятие России в ВТО. Теоретически это будет способствовать привлечению инвестиций в Россию, в том числе и на Дальнем Востоке.

2. Осложняющим фактором будет наметившееся ухудшение российско-американских отношений, конец «перезагрузки». Учитывая то, что в АТЭС доминируют США и их союзники, можно предположить, что принятие в ВТО – это последний «подарок» России от администрации Б. Обамы, а в дальнейшем для нас начнут создавать препятствия в международных институтах. Уже сейчас

обозначилось отчётливо негативное отношение республиканских кандидатов к России (М. Ромни – конкурент Б. Обамы на предстоящих выборах президента США – назвал Россию главным геополитическим противником). Даже если сделать поправочный коэффициент на издержки избирательной кампании, можно прогнозировать ухудшение российско-американских отношений.

3. Негативным моментом объективно является плохой инвестиционный климат в России, особенно на Дальнем Востоке, невысокое качество российского рынка, слабый потребительский спрос (особенно на Дальнем Востоке, где продолжается отток населения), всепроникающий бюрократизм, системная коррупция и др. факторы.

В АТР развитие торгово-экономических отношений и интеграционных проектов проходит по пути заключения двусторонних соглашений о создании зон свободной торговли (ЗСТ), в которых Россия пока ещё не готова участвовать.

С. В. Тонконог

ЗАНЯТОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ

Исследованию проблем занятости посвящено множество научных работ. Их актуальность обусловлена тем, что занятость важна для каждого человека и всего общества в целом. При этом безработица – далеко не единственная проблема, возникающая в сфере занятости населения. Процессы в трудовой сфере оказывают влияние практически на все сферы жизни общества: с занятостью тесно связаны уровень жизни населения, экономические процессы, образование, стратификационная структура общества, определение социального статуса личности и др.

Особое внимание уделяется проблемам занятости молодёжи, как на государственном, так и на региональном уровне. Это связано с тем, что молодёжь, являясь незащищённой в социальном плане группой населения, по сути, составляет основу кадрового потенциала экономики. Данная ситуация обусловлена тем, что в 1990-е годы была разрушена система формирования показателей набора в вузы и техникумы, благодаря которой молодые специалисты получали гарантии трудоустройства, хотя и были ограничены в выборе мест работы. В

наши дни молодёжь имеет больше возможностей как при выборе будущей профессии, так и при дальнейшем трудоустройстве. Выбор места учёбы уже не определяет жёстко и однозначно дальнейшую профессиональную карьеру. С другой стороны, увеличивается доля молодых специалистов, которые после окончания учреждения профессионального образования работают не по специальности или не могут найти работу вообще. В результате встаёт вопрос об эффективности взаимодействия рынков труда и образовательных услуг, в частности, о соответствии структур подготовки специалистов и занятости населения. Остановимся на исследованиях, посвящённых занятости населения и рынку труда.

Анализ взаимодействия профессионального образования и рынка труда возможен через призму соответствия спроса и предложения профессионально-кадровой структуры, а также через исследование их конкретных функций. Для профессионального образования – это формирование и воспроизводство профессионально-квалификационного состава населения, причём, эффективность реализации этой функции измеряется путём анализа другого социального института – рынка труда.

Исторически сложилось так, что первоначально проблемы занятости и рынка труда изучались в рамках экономической теории. Первые теоретические разработки данной проблематики относятся ко второй половине XIX – началу XX веков, что связано с развитием промышленного способа производства. Социология и другие науки обратились к данным проблемам лишь в XX веке. Следует отметить, что в рамках экономической парадигмы сложились теоретические и методологические подходы, которые применяются и в социологических исследованиях рынка труда и занятости. Также происходит заимствование понятийного аппарата сложившегося в экономике. В связи с этим, кратко остановимся на некоторых подходах к изучению рынка труда и занятости в экономических теориях.

Так, в классический период развития экономической теории (конец XVIII – XIX век) рынок труда рассматривался как часть экономики государства, поэтому отдельно проблемы занятости, безработицы, рынка труда не изучались (А. Смит, Дж. Бенетам, Т. Мальтус, Д. Рикардо и др.).

Конец XIX – начало XX веков – это неоклассический этап, период господства теории и практики маржинализма. Именно тогда появилась знаменитая модель «экономического человека», исследователи обращали своё внимание на человеческий фактор в экономике. В работах данного периода человек рассматривался, в первую очередь, как потребитель, основу поведения которого составля-

ла экономическая рациональность. Нравственные качества исследователей не интересовали (У. Джевонс, Л. Вальрас, В. Парето и др.). В тот период экономисты уделяли особое внимание занятости, безработице, рынку труда. С их помощью исследовались проблемы, возникавшие в экономике, развивался кейнсианский подход. Дж. Кейнс обратил внимание на необходимость государственного вмешательства в экономическую жизнь общества. Рассматривалось влияние рынка труда на экономику государств на макроэкономическом уровне, в частности, занятости и безработицы на валовой национальный продукт и темпы экономического развития.

В то же время, как альтернатива неоклассическому направлению, развивался институционализм (Т. Веблен, Дж. Коммонс, У. Митчел). Институционалисты отказались от атомистического подхода к человеку в пользу социальных институтов, в частности рассматривали рынок труда как социальный институт.

Следует отметить, что в данный период безработица и занятость изучались скорее опосредованно, как показатели, объясняющие другие экономические процессы. Рынок труда рассматривался как инструмент, регулирующий развитие экономики государства.

После Второй мировой войны нарастает понимание того, что в экономических исследованиях невозможно обходиться без анализа внеэкономических факторов. В это время возникают теории рационального выбора (Г. Беккер, Дж. Бьюкенен, М. Олсон, А. Сен, Дж. Стиглер и др.), суть которых заключается в том, что «среди возможных альтернатив действия человек выбирает то, что согласно его ожиданиям наилучшим образом соответствует его интересам при условии заданности его личных предпочтений и ограничений внешней среды»¹.

В 1970-х годах развивается новая институциональная экономика (Р. Коуз, Д. Нортон и др.). Представители данного направления обращаются к микроэкономике. Институты ими рассматриваются как правила и механизмы их выполнения, которые регулируют взаимодействия между людьми. Человек в данной теории обладает устойчивыми предпочтениями, максимизирует свою полезность не только в сфере потребительского выбора, но и в других сферах деятельности.

В тот период обостряются проблемы инфляции, безработицы, поэтому на первый план выходят экономические исследования непосредственно проблем рынка труда и занятости. С того времени и до наших дней проблемы занятости и рынка труда продолжают играть большую роль в экономических исследованиях.

¹ Радаев В. В. Экономическая социология. Курс лекций : учеб. пособие. М., 2000. С. 25.

Представители различных теоретических направлений всесторонне анализируют закономерности развития и способы регулирования рынка труда (К. Макконелл, Д. Норт, М. Фридман и др.).

Исследование проблем занятости имеет давнюю историю и в российской экономической школе. При этом, в советский период рынок труда не исследовался, поскольку отрицалось его существование в СССР. Проблемы занятости рассматривались как проблемы распределения рабочей силы, эффективной занятости (Э. Ф. Баранов, Б. Д. Бреев, В. Г. Костаков, М. Я. Сонин, Л. С. Чижова и др.). Были введены понятия: «трудовые ресурсы», «рабочая сила», «трудоспособное население».

Изменение общественной системы в стране к началу 1990-х годов потребовало поиска новых подходов к изучению проблем занятости, формирования рыночного экономического механизма. В современной российской экономике происходит разработка теоретических, методологических и практических основ изучения механизмов формирования рынка труда и регулирования занятости. При этом используются разработки советского периода по изучению трудоспособного населения и активно исследуются проблемы занятости и безработицы с использованием разработок западных учёных, причём не только экономистов, но и социологов, поскольку сегодня считается общепризнанным, что специфика изучаемого объекта состоит в его социально-экономической природе.

Для экономической теории поведение в сфере занятости является следствием рациональных решений, принимаемых автономным и относительно информированным индивидом с целью оптимизации трудовых усилий и получаемого вознаграждения. Подобные представления вызывают ряд возражений: действия людей совершаются под влиянием множества разнообразных, в том числе не утилитарных, мотивов; сделанный ими выбор не всегда рационален и последователен; в основе выбора мест и форм занятости лежат не только индивидуальные характеристики, но и социальные факторы и обстоятельства. Поэтому необходимо рассмотреть социологический подход к исследованию рынка труда и занятости.

Основой анализа проблем рынка труда и занятости являются работы представителей различных социологических теорий: институционализма, структурного функционализма, критического подхода, марксизма, теории действия и др. Исследования связей профессионального образования и рынка труда проводятся в рамках институционализма и неинституционализма, которые дополняют структурно-функциональный и деятельностный подходы.

В контексте исследования рынок труда и система профессионального образования рассматриваются как важнейшие социальные институты современного общества, что определяет выбор институциональной парадигмы в качестве одного из основных теоретических подходов.

В конце XIX – начале XX веков. начинает формироваться направление социологического институционализма. Институционализм сыграл важную роль в становлении индустриальной социологии и социологии труда. Он зародился в США, его основой стала критика классической английской политэкономии и марксизма (Т. Веблен, Дж. Данлоп и др.).

Большую роль в формировании институционализма сыграли идеи основателя французской социологической школы Э. Дюркгейма. В работе «О разделении общественного труда» (1893) он обосновал мысль о том, что любые общественные, в том числе экономические, контракты опираются на скрытый, но мощный фундамент, состоящий из социально обусловленных и исторически ограниченных законов, норм, привычек и стереотипов, которые настолько очевидны для участников контрактных отношений, что почти никогда в явном виде не отражаются в письменных и устных соглашениях. Кроме того, как отмечал Э. Дюркгейм, индивиды не могут знать все условия и обстоятельства, связанные с каждым конкретным контрактом. Поэтому отношения между индивидами, особенно в развитом обществе, строятся на основе «несовершенно сформулированных контрактов», фундамент которых составляют неявно выраженные социальные нормы¹.

Э. Дюркгейм выделяет социальную функцию разделения труда, которую он видит в создании солидарности в обществе. По его мнению, разделение труда существует потому, что оно помогает сохранить общество в условиях возрастания плотности населения. Как известно, на ограниченной территории однородные объекты всегда находятся в конфликтном состоянии; в отношении человеческого общества это означает, что одинаковость людей и социальных групп неизбежно будет порождать напряжённость и агрессию. Но там, где существует дифференциация деятельности, возможно восстановление общего порядка без ограничения свободы. Таким образом, по мнению Дюркгейма, разделение труда существует потому, что оно помогает сохранить общество в условиях дифференциации деятельности и возрастания солидарности².

¹ См. : Радаев В. В. Указ. соч.

² См. : Веселов Ю. В. Экономическая социология : история идей. СПб., 1995.

Представители институционализма, в соответствии с традицией классической социологии, делают акцент на институтах, относительно независимых от желания отдельного индивида. Вслед за Э. Дюркгеймом под институтами понимаются «все ценности и модели поведения, установленные коллективно, т.е. такие ценности и модели поведения, для которых не имеют решающего значения суждения, желания или привычки отдельных индивидов»¹.

Институциональное направление обращает внимание на социальное строение экономики и рассматривает взаимоотношения между экономикой и другими общественными институтами, а также между институтами в рамках экономики. Учение о закономерностях функционирования социально-экономических институтов базировалось на рассмотрении мотивов потребительского поведения индивидов и взаимоотношений потребителей, которые Т. Веблен считал базовыми категориями изучения в рамках экономической теории и экономической социологии.

Сами экономические институты, по мнению Т. Веблена, представляют собой общепринятые образцы поведения, а исторический процесс замены одних социальных институтов (среди которых институты частной собственности, денежной конкуренции, социальных классов, потребления) другими вызван соответствующими изменениями в поведении индивидов и заменой одних институциональных норм и правил поведения другими. Этот процесс находит свое отражение, прежде всего, в изменении мотивов трудовой деятельности и трудового поведения людей. Т. Веблен поставил в центр исследований не «рационального», а «живого» человека и попытался определить, чем диктуется его поведение на рынке.

Т. Веблен, а вслед за ним и другие представители институционализма считали, что теория, дающая удовлетворительную трактовку экономического поведения человека, должна включать и внеэкономические факторы, объяснять поведение в его социальном аспекте.

В рамках институционализма сложились разные направления, в частности, социально-психологическое (Дж. Гэлбрейт) и социально-правовое (Дж. Коммонс). Последний утверждал, что экономические категории, институты, прежде всего, проявляются через юридические отношения. Главное внимание при анализе экономической реальности Дж. Коммонс уделил исследованию таких институтов, как семья, государство, профсоюзы, корпорации, выделяя, прежде всего, юридические нормы и аспекты их функционирования. По Дж. Коммонсу, коллективные действия осуществляют контроль над действиями индивидов,

¹ Там же.

примирия противоречивые интересы. Именно он ввел понятие действующего коллективного института как регулятора экономического поведения человека.

Институционалисты основное внимание уделяли анализу профессиональных и отраслевых различий в структуре рабочей силы и соответствующих уровней заработной платы. Здесь пролеживается отход от макроэкономического анализа и попытка объяснить характер рынка особенностями динамики отдельных отраслей, профессиональных и демографических групп.

Проблемы рынка труда объяснялись существующими социальными, профессиональными и отраслевыми различиями в структуре рабочей силы и уровнях заработной платы. Институционалисты считали необходимым установление социального контроля над производством и управление занятостью на основе законодательства, деятельности профсоюзов и других социально-политических институтов. Они основывались на положении о том, что проблемы в области занятости могут быть решены с помощью разного рода институциональных реформ.

Большое влияние на развитие социологии оказали идеи представителей Новой институциональной экономики: Р. Коуза, О. Уильямсона, Д. Норта. Эти учёные исходят из того, что социальные и экономические институты играют важнейшую роль на рынке. Именно как теоретический и методологический ответ этому направлению и формировалась новая экономическая социология.

Новый институционализм в социологии появился в конце 1980-х – начале 1990-х годов (М. Грановеттер, П. Димаджио, У. Пауэлл, Н. Биггарт, У. Бейкер, Н. Флигстин, Л. Болтански, Л. Тевено и др.). Под институтами здесь понимаются не абстрактные нормы и ценности, а формальные и неформальные правила, которые регулируют практики повседневной деятельности и поддерживаются этими практиками. Так Дж. Хасс отмечает, что «хотя прибыль фирмы и полезность потребителя имеют значение, они не являются единственными источниками принятия решений – существуют смыслы и предпосылки о легитимности и нормальности, непредвиденные обстоятельства, а также принимаемые как данность привычные способы действия»¹.

Неоинституционалисты поставили во главу угла проблему мотивации человеческого поведения. Их интересует процесс принятия решений, его условия и предпосылки. По мнению неоинституционалистов, в основе отношений между людьми лежит взаимовыгодный обмен. Такой подход называется контрактной (договорной) парадигмой. Контрактная парадигма создаёт экономику соглаше-

¹ Хасс Дж. Социологический неоинституционализм и теория организаций / пер. с англ. М. А. Сторчевой // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Сер. 8. Вып. 3. С. 116.

ний, в основе которой лежит «норма». Понятие «норма» является основополагающим в системе категорий неoinституционализма. Представители американского неoinституционализма рассматривают нормы, прежде всего, как результат выбора; французские – как предпосылку рационального поведения. Рациональность поэтому также раскрывается как норма поведения.

Институциональный метод обращает внимание на связи в обществах, анализ исторического развития и культурного содержания действующих в них институтов. Их методология предусматривает широкое использование описательно-статического и историко-генетического методов. Если институционализм основывался, главным образом, на индуктивном методе, стремился идти от частных случаев к обобщениям, то новый институционализм идёт дедуктивным путём – от общих принципов неоклассической экономической теории к объяснению конкретных явлений социальной жизни.

Внимание институционалистов было обращено на действия коллективов (профсоюзы, государство), не затрагивающих интересов индивидов. Напротив, новые институционалисты изучают поведение индивида, который по своей воле решает, в каком коллективе ему быть.

Институциональный подход позволяет выявить как объективные характеристики занятости как социального института (уровень занятости, безработицы и др.), так и субъективные (мнения, ценностные ориентации, установки и др.). Он также позволяет исследовать социальные механизмы управления занятостью.

Институциональная парадигма как теоретический подход исследования обусловила видение взаимодействия профессионального образования и рынка труда в качестве институциональной формы социального партнёрства, имеющей законодательное оформление статуса и обладающей организационной инфраструктурой. Так, ещё Э. Дюркгейм отмечал, что не может быть развития социально-экономической сферы вне воспитания. Особенно он подчёркивал важность в социальном и производственном отношении такой проблемы, как соответствие труда способностям, склонностям и потребностям человека.

Концепция институционализма осмыслена и дополнена с учётом российского опыта трансформации экономики отечественными исследователями Р. И. Капелюшниковым, С. Г. Кирдиной, В. С. Лисиным, А. Н. Нестеренко, А. Н. Олейником, В. М. Полтеровичем, М. В. Синютиным, В. Л. Тамбовцевым и др.

В начале 1930-х годов Т. Парсонс опубликовал первые работы, напрямую связанные с проблематикой экономической социологии. В 1937 г. вышла в свет его первая крупная работа «Структура социального действия», которая заложила

основы структурно-функциональной парадигмы, определившей направление развития экономической социологии на долгие годы вперед. В данный период функционализм остаётся одним из ведущих направлений экономической социологии.

В основе структурно-функционального анализа лежит идея социального порядка, в котором над конфликтом доминирует согласие (консенсус). Для структурно-функциональной теории характерно сознательное стремление построить законченную систему социального действия как наиболее полную систему объяснения эмпирических фактов реальной действительности.

В рамках данного подхода общество рассматривается как объективная реальность, состоящая из взаимосвязанных и взаимозависимых частей, развитие и функционирование которой может быть объяснено только изнутри. Экономика – та часть общественной структуры, которая поставляет и распределяет материальные продукты, необходимые членам общества.

Согласно теории структурного функционализма Т. Парсонса, отношения институтов профессионального образования и рынка труда рассматриваются как функциональная подсистема. Функцию адаптации выполняет экономическая деятельность, поддерживающая финансово-экономические условия их взаимодействия; функция достижения цели реализуется путём активизации обмена информационных запросов; функция интеграции обеспечивается за счёт согласования интересов социальных партнёров и нормативного закрепления механизмов этого согласования; функция воспроизводства структуры и поддержания образца актуализирует процессы институционализации взаимодействия рынка труда и профессионального образования.

Основные положения функционального подхода раскрывают институты образования и рынка труда как саморегулирующиеся системы. Функциональный подход тесно связан с неоклассической экономической теорией. Исследования Э. Дюркгейма освещают практические и теоретические проблемы института образования, объяснительные возможности социальной теории Р. Мертона применимы для анализа дисфункций исследуемых институтов.

Представители структурно-функционального анализа предлагают исследовать экономическое поведение как конкретный случай социального поведения, воспринимая его в виде комплекса ролей и исследуя с точки зрения общественного статуса. По мнению В. В. Радаева, «что касается индивида, то в лабиринтах абстрактных построений структурного функционализма он теряется практически полностью»¹.

¹ Радаев В.В. Указ. соч. С. 43.

При этом, термин «функция», также как функционалистская перспектива как таковая, невзирая на сильную критику, по-прежнему широко распространены в социологии, поскольку характеризуют определяющие проблемы взаимосвязи частей и целого в человеческом обществе, отношения между социальной структурой и человеческой волей, состояния социального порядка и социального изменения. В настоящее время сторонники функционального подхода предпочитают оценивать его не как теорию, а как общенаучный метод исследования.

В настоящее время продолжает развиваться деятельностный подход, который представляют М. Арчер, Э. Гидденс, П. Штомпка и др. В их работах исследуются трансформации структур, нестабильность социальных институтов, их поведение в переходных ситуациях, что актуально для проблем занятости и рынка труда. В данных концепциях на первый план выходит индивид. Критикуя макроуровневую концепцию структурного функционализма за её пренебрежение к индивиду, Э. Гидденс критикует также и микросоциологические теории за преувеличение роли субъекта. По его мнению, основной сферой изучения являются не индивидуальный опыт, не формы социальной тотальности, а социальный опыт, упорядоченный во времени и пространстве¹.

В рамках данного подхода поведение человека в экономической и, в частности, трудовой сфере рассматривается в контексте социальных действий. Эти действия относятся к категории целерациональных. «Существуют такие социальные контексты, в которых рациональность действий является общеобязательной и, естественно, ожидаемой. Именно таким является экономический контекст, в котором мы исходим из того, что при проведении разного рода акций, переговоров, торгов партнёр действует рационально, а не руководствуется чувствами, сентиментальными порывами, симпатиями, капризами. Не случайно уже в философии для человека, строго придерживающегося рациональных расчётов, было найдено определение *homo economicus* (человек экономический)»².

По словам П. Штомпки, для современности характерно «доминирование над всей социальной жизнью экономической активности, экономических целей и экономических критериев»³.

Таким образом, использование данных подходов к исследованию занятости позволяет выявить институциональное устройство занятости населения, её

¹ См. : Гидденс Э. Устройство общества: очерк теории структуризации. 2-е изд. М., 2005.

² Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / пер. с польск. С. М. Черновой. М., 2005. С. 56.

³ Он же. Социология социальных изменений / пер. с англ. М., 1996. С. 76.

функции, поведение человека и изменения в сфере занятости, изучить современное состояние занятости, выявить взаимодействия макро- и микроструктур от социальных практик до институтов.

В российской социологии, по словам Л. К. Плюсониной, ещё не сложилось единого подхода к исследованию рынка труда и занятости, однако, появляется всё больше работ, посвящённых комплексному анализу подходов к изучению рынка труда, рассматривающих при этом и экономические теории. Так А. Л. Комлев в рамках социологической парадигмы рассматривает подходы, представленные в экономической теории.

Остановимся более подробно на понятии «занятость». В научной литературе нет его общепринятого определения. Занятость связывают с удовлетворением потребности человека в сфере труда, и показывает, как трудоспособные люди обеспечены работой, т.е. по словам, Л. К. Плюсониной, «чтобы считать человека занятым, ему необходимо иметь связь с рабочим местом, быть членом какого-либо коллектива или же создать своё собственное дело»¹.

Занятость рассматривается с позиций экономического, социально-экономического, социологического подходов. В экономических исследованиях занятость рассматривают как систему отношений между людьми по поводу обеспечения рабочими местами и участия в общественном хозяйстве (Л. А. Костин, Е. И. Рузавина и др.). А. Э. Котляр считает, что занятость – это своеобразная категория, выражая отношения между людьми по поводу обеспечения рабочими местами, она выступает непосредственно как функциональная характеристика трудоспособного населения, подразделяющая его на включённых в различные конкретные трудовые процессы и на тех, кто оказывается вне их².

Также под занятостью понимается деятельность граждан, связанная с удовлетворением личных и общественных потребностей, не противоречащая законодательству (например, Закону РФ «О занятости населения в РФ») и приносящая трудовой доход (заработную плату). В данном случае занятость отождествляется с трудом. А. А. Никифорова понимает под занятостью все виды экономической и социально-полезной деятельности: «деятельность трудоспособного населения по созданию общественного продукта или национального дохода, это

¹ Плюсониная Л. К. Занятость населения : теория, методология, управление. Новосибирск, 2005. С. 20.

² См. : Котляр А. Э. Сущность и основные формы занятости при социализме // Трудовые ресурсы. Проблемы формирования занятости. Вып. 1. М., 1977.

учёба в общеотраслевых и специальных учебных заведениях, служба в армии, занятость в домашнем хозяйстве и т. д.»¹.

В научной литературе и законодательных документах распространено понимание занятости как синонима рынка труда. В данном случае проблема занятости сводится к согласованию спроса и предложения на рабочую силу на рынке труда, к борьбе с безработицей. При этом рынок труда трактуется в широком смысле как совокупное предложение и совокупный спрос, охватывающие всю наёмную рабочую силу. С другой стороны, рынок труда – это механизм саморегулирования сферы оплачиваемой занятости, в основе которого лежит спрос на рабочую силу и согласование интересов работодателей и наёмных работников. Его главная функция – обеспечение свободного перемещения рабочей силы, совершенствование структуры занятости и повышение эффективности труда².

Однако Л. К. Плюсина считает эти понятия не равнозначными, поскольку в данной трактовке не учитывается то, что в отношении занятости включён человек со своими потребностями и интересами. Она даёт такое определение рынка труда: «это механизм саморегулирования сферы оплачиваемой занятости, в основе которого лежит спрос на рабочую силу и согласование интересов работодателей и наёмных работников»³. В её подходе, как очевидно, понятие «занятость» трактуется шире, чем понятие «рынок труда».

Следует отметить, что в экономической теории человек рассматривается, прежде всего, как трудовой ресурс, а не субъект деятельности. Поэтому экономисты не дают ответа на целый ряд вопросов: почему при наличии рабочих мест люди остаются безработными; почему одни желают работать, а другие – нет; почему одни безработные соглашаются на любую работу, а другие – нет, если работа не соответствует их требованиям и др.

В рамках социально-экономического подхода отношения занятости трактуются как отношения общественные, и в процессе их формирования между субъектами происходят экономические и социальные взаимодействия, способствующие удовлетворению их потребностей. Необходимость учёта интересов человека как центрального звена общественных отношений приводит к тому, что всё больше внимания уделяется социальному аспекту занятости (А. А. Никифорова, Г. С. Пошевнев). Так, Г. С. Пошевнев отмечает, что занятость характеризу-

¹ См. : Никифорова А. А. Рынок труда, занятость и безработица. М., 1991. С. 29.

² См. : Топилин А. В. Общий рынок труда в СНГ // Мировая экономика и международные отношения. 1997, № 11. С. 52.

³ Плюсина Н.К. Указ. соч. С. 30.

ет включённость индивида в общественно-значимую деятельность, приносящую доход, и солидарность общества с ищущим работу индивидом выражается в социальной помощи на период поиска работы¹.

Е. Е. Немерюк, исследовавший проблемы рынка труда и занятости, отмечает, что социологический подход к их изучению направлен, прежде всего, на анализ процессов инвестирования предприятия в образование и повышение квалификации работников и зависимости производительности труда работника от ощущения собственной значимости для руководства и предприятия. По словам Л. К. Плюсониной, в социологии «отношения занятости рассматриваются, прежде всего, как отношения общественные, т. е. отношения внутри сообщества людей, между отдельными его членами»².

Экономический подход при исследовании занятости рассматривает поведение «экономического человека», а социологический – «социологического человека». Г. Беккер заявил о первом: «Экономический подход является всеобъемлющим, он применим ко всякому человеческому поведению»; о втором высказался К. Поланьи: «Экономический порядок обычно бывает функцией от социального, причём второй обеспечивает первый»³.

В социологии занятость рассматривают как включённость человека в сферу труда, обеспечивающую удовлетворение его потребностей. В основе социологических трактовок занятости лежит концепция «социологического человека». Под «социологическим человеком» понимают модель поведения индивида, обусловленного культурными, национальными, социально-психологическими и другими характеристиками. Исследование занятости как социального феномена позволяет учитывать цели, мотивы и способы поведения субъектов отношений занятости.

По мнению Г. С. Пошевнева, необходимо учитывать как экономический, так и социологический подходы, что позволит более полно изучать категорию занятости.

Для исследования занятости необходимо выделить её сущностные характеристики. На наш взгляд, наиболее полно они представлены в работе Л. К. Плюсониной. Так, цель занятости – вовлечение человека в занятость через удовлетворение его потребностей и потребностей общества. Субъектами занятости явля-

¹ См. : Пошевнев Г. С. Регулирование занятости и безработицы как функция социального управления: автореф. ... дисс. д-ра социол. наук. М., 1997.

² Плюсониная Л. К. Указ. соч. С. 6.

³ Цит. по : Плюсниной Л. К. Указ. соч. С. 23.

ются трудоспособное население и государство, а предметом – процесс обеспечения человека работой.

Занятость выполняет экономическую и социальную функции. Экономическая функция заключается с одной стороны, в обеспечении работников социально и экономически целесообразными рабочими местами, с другой – в возможности человека удовлетворить свои экономические потребности. Социальная функция заключается в удовлетворении социальных потребностей человека, в то же время сама занятость способствует развитию человека.

Занятость принято разделять на экономическую и социальную. Под экономической занятостью понимают осуществление экономической деятельности, которая является оплачиваемой или доходной. Социальная занятость – это общественно-полезная занятость, не приносящая материального дохода.

К средствам занятости относится совокупность социальных технологий, составляющих содержание деятельности субъектов, способы привлечения в сферу труда. Тогда результатом занятости является обеспечение человека работой, а его показателями – уровень занятости, уровень безработицы, удовлетворённость работой.

Рассмотрев характеристики занятости, можно сделать вывод, что понимание занятости как деятельности является наиболее общим. Так, по мнению Л. К. Плюсникин, занятость – это «деятельность по вовлечению человека в трудовую деятельность», т.к. ей присущи атрибуты деятельности: цель, субъект, предмет, функции, средства, результат¹.

Анализ различных подходов к определению понятия занятости позволяет сделать вывод о необходимости комплексного исследования категории занятости с междисциплинарных позиций. При этом основной упор следует сделать на социологическом подходе, поскольку он позволяет рассматривать данную проблему с учётом интересов как общества, так и человека – субъекта отношений занятости. Занятость является сложным социально-экономическим феноменом, и мы её рассматриваем, с одной стороны, как «отношения, в которые вступают между собой люди по поводу участия в общественно-полезном труде» (Л. К. Плюсникин); с другой стороны, как «деятельность, связанную с формированием эффективной системы социальных взаимодействий по поводу вовлечения трудоспособного населения в сферу труда, результатом которой является

¹ См. : Плюсникин Л. К. Указ. соч.

удовлетворение потребностей человека и общества»¹. При этом нами будет использоваться и экономический подход к данной проблеме.

В. Р. Фёдорова

КРИТИКА КАК ФОРМА ОБРАТНОЙ СВЯЗИ

Критика – это правильное кровообращение, без неё неизбежны застой и болезненные явления.

Н. А. Островский

Одной из потребностей человека является взаимодействие с себе подобными. Часто общение представлено непрерывным потоком влияния людей друг на друга. Разновидностью такого влияния является обратная связь между людьми.

Обратная связь (англ. *feedback* – букв. «обратная кормёжка») означает отзыв, отклик, ответную реакцию на какое-то действие или событие.

Обратная связь бывает разных видов. Предметом нашего интереса является та обратная связь, где высказывается *отношение, оценка* человека к воспринимаемому поведению, действию. Причём не просто отношение, а *отрицательное* отношение или *критика*.

Критика (фр. *critique* – искусство разбирать, суждение) – выявление противоречий, ошибок и их анализ, попытка дать действиям собственную оценку.

Определимся, какие бывают *виды* критики или дадим её *классификацию*:

– по *направленности* критика делится на *самокритику* (направлена на себя) и собственно *критику* (направлена на других);

– по *манере подачи* критика бывает *открытой* (говорим о недостатках «в глаза») и *закрытой*, «кулуарной» (говорим о недостатках, проблемах «за глаза»); в свою очередь *открытая* критика делится на *публичную* (недостатки озвучиваются в группе людей) и *индивидуальную* (недостатки сообщаются «тет-а-тет»);

– по *содержанию* критика бывает *конструктивной*² (обоснованной), *неконструктивной* (необоснованной) и *деструктивной* (уничтожающей, разрушающей);

¹ Там же. С. 44.

² Иронический взгляд неизвестного автора: «Конструктивная критика: когда я критикую вас. Деструктивная критика: когда вы критикуете меня».

– по *выбору объекта* критика бывает *адресной* (конкретная) и *безадресной* (неконкретной), когда трудно определить о ком идёт речь, либо приходится догадываться, опираясь на намёки;

– по *способу информационной нагрузки* критика может быть высказана в форме *обвинения, угрозы, приговора, вызова, упрёка, иронии, укоризны, опасения, предупреждения, замечания и др.*;

– по *форме эмоциональной подачи* критика делится на «*мягкую*», щадящую (поглаживание против шерсти), *твёрдую* («подзатыльники», «пинки»), «*жесткую*» (сродни удару «ниже пояса», которая даже может сломать жизнь);

– по *предметности* критика делится на *обоснованную* (предметный разговор с опорой на факты) и *необоснованную* (разговор ни о чём);

– по *глубине погружения* в ситуацию критика бывает *поверхностной* (не затрагивающей сути проблемы) и *глубинной* (выворачивающей ситуацию наизнанку, позволяющей понять её смысл и суть);

– в зависимости от того, *кто* критикует, критика делится на *обывательскую* (любительскую), *профессиональную* («разбор полётов» проводит специалист-критик) и *смешанную*;

– по *мотивационному профилю* критика бывает *мотивирующей* (вырабатывающей энергию, формирующей желание всё изменить, исправить) и *демотивирующей* (разрушающей потребность, желание исправиться: «не делал и не буду ничего делать»).

Таким образом, можно выделить многообразие видов критики (классификаций), каждый из которых имеет свою специфику и «рычаг преломления».

Конфликтолог С. М. Емельянов выделяет следующие *мотивы критики*¹:

1. *Критика с целью помочь делу.* В этом случае критикующий высказывается по существу, в его речи присутствует не только речение за дело, но и указание на конкретные ошибки в работе, и, что особенно ценно, на способы их устранения. Конечно, он может сделать это цивилизованно или резко и шумно. В обоих случаях критику полезно дослушать до конца. Однако с мнением С. М. Емельянова, предлагающего «не обращать внимание на резкость и обидный тон высказывания», мы согласны только отчасти. На наш взгляд, разгорячённого оратора следует поддержать (демонстрация безопасной среды), но при этом предложить снизить на полтона «шумовые эффекты». В противном случае конструктивные замечания, высказанные в резкой форме, могут вызвать сопротивление у присут-

¹ Емельянов С. М. Практикум по конфликтологии. 2-е изд. СПб., 2003.

ствующих, и они, войдя в ответное аффективное состояние,отреагируют только на форму подачи информации, а не на содержание и, таким образом, «выплеснут дитя из корыта».

2. *Критика с целью показать самого себя* (мотив признаётся наукой наиболее распространённым). В данной ситуации критика используется для демонстрации собственных знаний, опыта, эрудиции. Всё сказанное свидетельствует о значимости говорящего, который сам ставит себя на пьедестал почёта, демонстрируя, как «эталон», свой «стандарт» поведения. Его речь, как правило, начинается со слов: «Я бы на твоём месте поступил по-другому...», «... если бы ты спросил у меня совета, то никогда бы не попал в такую ситуацию». Часто в ход идёт сравнение: «кто Вы, и кто Я». «Я» в этой ситуации Бог: хочу казнь, хочу милую; хочу, поднимаю связи и решаю в одночасье проблему, хочу наслаждаться вашей беспомощностью и т.д. Обратим внимание, что эти слова многим покажутся до боли знакомыми: либо мы их сами произносили, либо нам их говорили. Лучший выход из этого положения – уйти под каким-либо предлогом от взаимодействия с человеком, который настроен «пиарить» самого себя, «распушив павлиний хвост».

3. *Критика с целью сведения счётов* (военизированное поведение). Также является одной из распространённых и наиболее «низких» видов критики, когда используются приёмы «сгущения красок», «навешивания ярлыков», удары «ниже пояса», обвинения во всех смертных грехах, сарказм, глумление, лицемерие и др. Тому, кого критикуют, «мало не покажется», на него «повесят всех собак». Данный вид критики завуалирован: критикующий не выдаёт своих эгоистических целей и прикрывается заботой о деле. Бесплезно доказывать что-либо тому, кто критикует с целью сведения счётов. Критикующий осознанно отказывается от примирения и не успокоится, пока не добьётся «полной капитуляции» противника или не увидит его на коленях.

Поэтому для критикуемого лучшим финалом является увольнение с работы (добровольное или принудительное) или публичное покаяние. Можно ли спастись от напора часто необоснованной критики? Вероятность уцелеть есть, если руководствоваться не эмоциями, а грамотно и аргументированно построить свою защиту, заручиться поддержкой сотрудников, и тогда появится возможность вывести клеветника на «чистую воду».

4. *Критика с целью перестраховки*. Используется как средство завуалировать собственную нерешительность, боязнь взять ответственность на себя. К такой критике прибегают с тем, чтобы при неблагоприятном повороте событий в

будущем иметь основание заявить: «Ведь я Вас предупреждал». Как правило, этим видом критики пользуются люди, не готовые рисковать, быть «на передовой» какой-либо деятельности, брать на себя ответственность. Их путь – «стелить везде соломку». Если это начальник, то он старается всю вину переложить на подчинённых, так сказать «найти стрелочника».

5. *Критика с целью упреждения заслуженных обвинений.* Такая критика предпринимается заранее, чтобы нейтрализовать выступления на собраниях/совещаниях, например, при разборе жалоб. Часто подаётся под видом самокритики («мы свои слабые места знаем и над ними работаем, не жалея сил»). В случае с критикой упреждения заслуженных обвинений уместна цитата Циприана Черника: «Бить себя в грудь придумали для того, чтобы вывести из-под удара другую часть тела».

6. *Критика с целью контратаки.* Это реакция-протест на чьё-либо выступление, замечание окружающих, нарекание со стороны руководителя и других членов организации/фирмы. Часто контратака носит импульсивно-аффективный характер («вырвалось», «соскочило» с языка). Однако «картечь», которой «отстреливается» человек, может быть большого радиуса и поражающего спектра действия и задеть всех присутствующих (чтоб всем неповадно было). Если человек после этого остаётся работать в организации, то, как правило, окружающие больше его не трогают, не задевают, так как знают, чем это может закончиться. Как говорится «не буди лихо, пока спит тихо». Принцип «ударил по одной щеке, подставь другую» здесь не работает. Если контратака носит осознанный характер, то человек подбирает аргументы, целенаправленно бьёт по «мишени», но, как правило, тяжелым оружием, чтобы врага уничтожить или обратить в бегство. Если контратака проводится предупредительными выстрелами (так сказать, резиновыми пулями), то сотрудник демонстрирует, что не намерен переходить границы при условии, что человек, который нападает, так же поднимет «белый флаг».

7. *Критика с целью получения эмоционального заряда.* Данным видом критики пользуются люди, которые испытывают потребность в эмоциональной встряске. После того, как поговорят на повышенных тонах, доведут себя и окружающих до определённого эмоционального накала, чувствуют себя лучше. С этой целью они могут регулярно прибегать к критике, особенно если её объект легко поддаётся эмоциональному воздействию. Часто такой сценарий поведения является нормой для тех организаций/фирм, где начальник начинает или заканчивает совещание с «порки» подчинённых. Сотрудников, которым чаще всего

достаётся от шефа, называют «мальчиками/девочками для битья». Следует отметить, что это неприятное зрелище устаивает тех работников, которые живут по принципу «лишь бы не меня». Более того, зная своего начальника, подсчитав, сколько раз он эмоционально зарядился/разрядился, они надеются, что остаток рабочего дня пройдёт без эксцессов. А жертва критики, придя домой, может на бессознательном уровне так же поступить со своей женой/мужем, но чаще всего с детьми («неси дневник»), маскируя свою агрессию под родительско-воспитательную функцию.

Критика с целью получения эмоционального заряда может развиваться и по другому сценарию: шутовство, стёб, но тому, над кем глумятся, не до смеха. Наша рекомендация для «жертвы» заключается в том, чтобы, используя все способы, она старалась оградить себя от контактов с такими людьми.

Таким образом, мы видим, что мотивов, побуждающих людей критиковать, много, но только один мотив, на наш взгляд, можно признать с «чистым умыслом» – это *критика с целью помочь делу*. Все остальные мотивы имеют негативный подтекст или откровенную пасквильную сущность.

Как же научиться правильно критиковать? Существует *одинадцать правил критики* как обратной связи.

Первое правило. *Критика должна быть взвешенной*. При высказывании замечаний, следует соблюдать равновесие: критикуя, отмечать не только отрицательное, но и положительное в деятельности работника. Замечания должны быть точными и касаться вещей, действительно, заслуживающих внимания. Сколько и кому говорить, мы обговорим позже. Важно понимать, что говорить лишнее (сверх меры), или заикливаться на мелочах не стоит, так как человек либо не услышит, либо будет реагировать неадекватно.

Второе правило. *Критика должна быть конкретной*. Следует обсуждать не абстрактную ситуацию, а конкретную, то есть то, что произошло «здесь и сейчас». При этом важно, чтобы при обсуждении проблемы никто «не заплывал за буйки». Не следует использовать фразы типа «ты постоянно нас подводишь», «у тебя всё не как у людей», «и в прошлый раз было тоже самое», «ты как всегда всё дело испортил(а)» и др., так как они носят обвинительный, расплывчатый, обобщённый, личностный и аффективный характер.

Правило третье. *Критика должна быть объективной*. Необходимо избегать пристрастного отношения и опираться только на факты (кто, где, когда, сколько). Так как психика каждого из нас субъективна, поэтому данное правило очень сложно в применении. Чем ближе и дороже нам человек, тем труднее быть

непредвзятым, как говорят, «правду о собственных детях родители узнают самыми последними». Кроме того, чем эмоциональнее наше отношение к критикуемому (по шкале «нравится – не нравится»), тем сложнее говорить об объективности: ведь мы видим то, что хотим видеть, и слышим то, что хотим слышать. Важно помнить, что во время критики любые эмоции плохой советчик. Стремясь к объективности, мы должны опираться на законы, нормы и правила, принятые в данном обществе/организации/фирме, и спрашивать, невзирая на чины и звания.

Правило четвёртое. *Критика должна быть уместной.* Данное правило гласит, что должно быть продумано всё: цель, время, место, количество участников. Если время терпит, то следует продумать и проанализировать все «за» и «против», если нет – то критиковать (конструктивно) «по горячим» следам. Цель такой критики – помочь исправить ситуацию, не допустить повторения ошибок. Место для критики должно соответствовать деловому контексту (фитнес центр, баня с сауной – вряд ли уместны). Важно, чтобы человек, которого ставят на «лобное место», был адекватен, возможно, заранее информирован о том, что ему предоставят слово в свою защиту. Если критикуемый болен, психологически сломлен или у него от страха и перенапряжения «временная амнезия», то «сотрясать воздух» критикой бессмысленно. Порка ради порки ещё никому пользы не приносила. Кроме того, это может вызвать ещё большие отрицательные последствия для психики и здоровья человека. Не случайно политика регулярных «порок» сотрудников в кабинете начальника, а этого начальника в свою очередь в кабинете его босса (и так далее) привела к тому, что российское управление стали называть инфарктным.

Продолжая тему *уместности* критики необходимо отметить, что количество участников в ситуации «разборок» должно быть *минимизировано*. Фраза Мюллера из кинофильма «Семнадцать мгновений весны» «а Вас Штирлиц, я попрошу остаться», – хороший демонстратор отсекаания лишних участников/свидетелей критики. Каждый посторонний человек во время критики становится свидетелем «позора» обвиняемого (ведь по российским правилам у него нет права на защиту, так как срабатывает жизненная установка «презумпции виновности»).

Если критика из уст начальника неприятна, но её ещё можно перетерпеть (начальнику по статусу разрешено время от времени «неистовствовать»), то свидетели или участники критики на правах «подтанцовки» могут восприниматься как серьёзный раздражитель. Во что выльется такое неравное противостояние, неизвестно. Для того чтобы не допустить/не доводить ситуацию до «белого ка-

ления», хочется напомнить всем без исключения следующее правило: «Хвалим при всех, ругаем один на один».

Если по предыдущему опыту Вы знаете, что критиковать работника *бесполезно*, он всё равно всё сделает наоборот, то здесь уже необходимо принимать меры, соответствующие ситуации.

Правило пятое. *Критика должна быть понятной*. Так, критикуя, следует учитывать уровень интеллекта, образования, стаж работы, зону ответственности и др. Например, говорить научным языком с человеком, у которого за плечами «три класса» образования, неуместно.

Разговор следует вести на профессиональном языке. Однако, если перед вами новичок/стажёр, то необходимо учесть, что для него профессиональный язык-сленг также может показаться непонятным.

Назовём ошибки, которые наиболее часто допускаются при использовании этого правила: 1) разговор полунамёками («Вы понимаете, что этот звонок (откуда?) не возможно игнорировать...»), «нас обязали не просто с Вами поговорить, но и взыскать материальный ущерб...»; «то, что Вы натворили (что Вы имеете в виду?) недопустимо...»); 2) рекомендации, которые невозможно выполнить: «Вы это должны исправить к завтрашнему дню» (а по-хорошему, здесь работы на три дня); 3) говорить обтекаемо ни о чём; 4) употреблять сложные, длинные предложения (в ситуации стресса человеку, на которого обрушилась критика, трудно переводить информацию, мысль «рвётся», он может впасть в ступор); 4) выходить за пределы зоны ответственности критикуемого (человек недоумевает: «а причём здесь Я?»); 5) расписываться в своей некомпетентности: перепутать всё, что можно; 6) говорить от лица другого человека, не высказывая своей позиции.

Правило шестое. *Критика должна быть двусторонней*. Критикуемому необходимо дать слово в свою защиту («презумпция невиновности»), задать наводящие вопросы, на которые окружающие хотели бы получить ответы. Например: «Максимально ли реализована цель? Что Вы можете сделать по-другому в следующий раз?» При таком подходе человек сам может продемонстрировать умение замечать свои недочёты, делать конструктивный анализ и в последующем исправлять свои ошибки. Если промахов и оплошностей нет, то получив право на защиту, можно доказать собственную невиновность, а заодно продемонстрировать, где «течёт» сама система. Такой подход будет не только справедливым, но и полезным для стороны обвинения.

Правило седьмое. *Критика должна быть согласованной с возможностями человека.* Все знают фразу – «поставить не на ту лошадь». Если задание при любом раскладе невыполнимо (не хватает квалификации, «нет пороху», недостаточно силёнок, упущено время, нет ресурсов и т.д.), то виноватым должен оказаться тот, кто сделал *эту* ставку, так сказать, заранее запрограммировал проигрыш. Но на практике оказывается наоборот: все тумачи и ссадины достаются тому, кто надрывался («стрелочнику»), даже если он предупреждал, что задача ему «не по зубам».

Правило седьмое. *Критика должна быть одноразовой и иметь законченный характер.* Сегодня многие предметы пользования (пластиковая посуда, зубная щётка, бритва, пакетик с чаем, презерватив и др.) используются однократно. Именно к такой категории относится и критика: замечания высказываются один раз. Но как говорит опыт – не тут-то было. Даже если человек исправился, изменился в лучшую сторону, его не оставят в покое и ещё не раз «ткнул носом» в прошлые грехи. Практикой многократного использования критики занимаются руководители, педагоги, родители, то есть те, кто должен понимать недопустимость и опасность данного явления. Кроме того, критика должна иметь законченный характер.

Вот примерный сценарий данного правила: человек-председатель (самый статусный, уважаемый) даёт право всем желающим высказаться по обозначенной проблеме, расставляет все точки над «i», а затем «закрывает тему» примерно такими словами: «Надеюсь, что к этому вопросу нам никогда не придётся возвращаться, тема закрыта». Как говорится, «кто старое помянет – тому глаз вон». Возвращаясь к одноразовым предметам пользования, хотелось бы уточнить, что критика должна быть сродни презервативу – никому и в голову не придёт использовать данное употреблённое изделие дважды.

Правило восьмое. *Критика должна быть представлена в иерархическом порядке.* Данное правило означает, что в первую очередь следует обращать внимание на самые существенные недостатки и только затем на менее значимые. Если по каким то причинам высказано не всё, что наболело, то останется только «мелочь», что не так уж и важно. Другая причина преимущества иерархического построения критики кроется в особенностях нашей памяти. Многие, наверное, слышали об «эффекте края»: мы лучше запоминаем ту информацию, которую получили в начале и в конце события. Поэтому есть бóльшая вероятность, что силы человека будут брошены на то, чтобы учесть первое и последнее критические замечания. Поэтому, начиная критиковать, не лишне помнить об «эффекте края».

Правило девятое. *Критика должна быть достаточной.* Под «достаточностью» критики понимается: 1) количество аргументов, фактов, доказывающих промахи в работе; 2) время, потраченное на критику; 3) время осознания ситуации и принятия критики (как только понято «что к чему», критику можно свернуть; 4) необходимость отслеживания реакции на критику (если критикуемый перешёл к глухой защите, то вся остальная критика будет бесполезной); 5) наблюдать за «градусом» обсуждения, не доводить ситуацию до крайней точки кипения. Правило достаточности критики можно завершить словами Д. Карнеги: «Как лекарство не достигает своей цели, если доза слишком высока, так и порицание и критика – когда они переходят меру справедливости».

Правило десятое. *Критика должна быть конструктивной.* Это то, ради чего используется критика: объективное восприятие ситуации, обозначение и признание ошибок, их объяснение, составление плана решения проблемы, поиск средств, методов, альтернатив и др. Очень важно при этом действовать на холодную голову, отключив эмоции, ведь «критика является опасной искрой, которая может вызвать взрыв в пороховом погребе гордости» (Д. Карнеги).

К сожалению, следует признать, что выше названные правила применяются в российской практике управления часто с точностью до наоборот («шиворот навыворот»): вместо объективности – подтасовка фактов, конкретности – обобщение; критики «с глаза на глаз» – публичная порка, показательное судилище; где не надо – «напустить туману»; не зная меры – бьём так, чтоб другим было не повадно; конструктивный подход подменяем обыкновенным забалтыванием проблемы.

Определим *психологические особенности российской критики:*

- 1) явление одностороннее: «я начальник, ты – дурак»; народная мудрость с сарказмом говорит: «о руководителе – либо хорошо, либо ничего»;
- 2) высокий градус закипания (эффект «пароварки»: долго молчим, копим, потом взрываемся);
- 3) отсутствие культуры поведения (много эмоциональной грязи, подлости);
- 4) переход на личность;
- 5) многократность повторений, напоминаний об ошибках (к месту и не к месту);
- 6) критика ради критики (забалтывание проблем);
- 7) необходимость «заработать» право на критику (то, что позволено доктору Рошалю, не позволено доктору Хренову);
- 8) политизированность критики;

9) критика ошибок и дальнейшее повторение тех же ошибок критикующим («наступить на одни и те же грабли»);

10) нападение на слабых («у сильного всегда бессильный виноват»);

11) готовность человека быть раскритикованным («не сахарные – потерпим»), но не готовность знать правду про близких и родственников («нервный срыв, неадекватное поведение»);

12) преследование критикующих (чтоб другим неповадно было).

Как видим, на Руси пороки устраняются порочно: критика часто носит недопустимый, безнравственный, нетерпимый, агрессивный характер, провоцируя ещё больший беспредел.

Рассмотрим *модели восприятия критики*.

Способность воспринимать критику у людей различна, она может меняться изо дня в день, от причины к причине. Представим, что у человека есть «ёмкость» для накопления критических замечаний, а её форма – это и есть модель восприятия критики. У Т. Рассела подобные модели ассоциируются с «напёрстком», «стаканом» и «ведром». Однако мы предлагаем начать модельный ряд с «сита» («дуршлага»).

Модель «*сито*» характерна для тех, кто вообще не приемлет в свой адрес критики. Как правило, это человек с «разбухшим ЭГО», самодовольный, испытывающий «комплекс Бога» (а разве Бога можно критиковать?!). Он априори не желает слышать о проблемах. Его критиковать бесполезно, а если это начальник, то и небезопасно. Критика в этой модели не задерживается: сито всегда пустое.

Моделью «*напёрсток*» обладает тот человек, который не ожидает или не готов к критике, но если её грамотно и убедительно преподнести, то «проглотит» одну – две ложки «дёгтя» (одно – два критических замечания), при этом будет давиться (сопротивляться), демонстрировать рвотные позывы. Ситуация напоминает то, как маленькие дети едят через силу манную кашу с комочками или пьют горячее молоко с пенкой.

Модель «*стакан*» вырабатывается у человека, готового принять от трёх до четырёх критических замечаний (наполнить/выпить стакан за три – четыре глотка). Однако данное количество глотков относительно: если комментарии очень задели, или их содержание слишком «едкое», то пить откажется, будет сопротивляться.

Модель «*ведро*» применимо к человеку, готовому к критике, способному воспринимать достаточно большое количество замечаний. Известно, что вёдра бывают разными (на 5 литров, 10 литров, то есть от 5 и более критических заме-

чаний). Однако если в 5-ти литровое ведро будет налито больше положенного, то произойдёт слив информации. Поэтому следует помнить, что не надо из человека делать верблюда, он не может выпить несколько ведер подряд.

А теперь расширим понимание моделей восприятия критики через *самокритику*. Например, спросим, как работники справились с порученным делом (заранее оговоримся, что оно выполнено неидеально). Обладатели модели «сито», будучи не критичными к себе, ответят: «отлично», «замечательно», «классно», продемонстрируют всем принцип самолюбования. Свою работу человек-«напёрсток» оценит на «довольно хорошо» и «нормально», хотя, если постарается, может назвать одну из шероховатостей. Человек-«стакан» ответит: «неплохо», но признается в том, что одна или две вещи удались не очень: «Я начал хорошо, но потом немного сдал», «я не против попробовать ещё раз, должно получиться лучше» и др. Человек-«ведро» начнёт с того, что «нужно очень многому ещё учиться» и сможет назвать несколько своих ошибок. Обязательно усугубит ситуацию до крайности человек «с большим ведром»: «я, действительно, накосячил», «я и вправду всё испортил», «я чувствую себя очень неловко» и др.

По отношению к самокритике для России характерна ситуация дихотомии (двойственности), когда одни живут принципом «не давать самому себе оценку» (правило «пусть обо мне скажут другие» прочно засело в их сознании); другие же посыпают голову пеплом (правило «я во всём виноват(а)» стало уже притчей во языцех). Сложившаяся ситуация тормозит развитие рефлексии (самоанализа) и снижает потенциал конструктивной самокритики.

Данной ситуации есть своё объяснение. Отсутствие самокритики может быть связано со следующим:

1) *нет привычки критически смотреть на самого себя, свои действия и поступки*. Причина заключается в том, что с детства нас *постоянно* критикуют родители, педагоги, взрослые, друзья, поэтому эта ниша занята;

2) сформировалась *гиперзавышенная самооценка* («комплекс Бога» или «апостола» (второй после Бога)), т.е. самокритика априори невозможна;

3) *недостаточно профессионализма* или он полностью отсутствует («пустая голова не рассуждает»);

4) *накопились усталость, чрезмерное утомление*, когда на выполнение поручения тратится значительное количество эмоциональных и интеллектуальных ресурсов (вспомните, как дети высовывают язык, когда стараются что-то в своей жизни впервые написать или нарисовать). При таком ежедневном напряжении наступает *временная амнезия*: ничего не запоминается, всё вылетает из головы

(«психологический ступор»). В данной ситуации человеку нужен отдых, т.к. «утро вечера мудренее». Утром он может на свежую голову не только всё вспомнить, но и проанализировать ситуацию. Поэтому в некоторых организациях после завершения большой, сложной работы сотрудников отправляют отдыхать, а утром, на «свежую голову», проводят «разбор полётов»;

5) *отсутствуют значимые цели*, т.е. человек живёт по принципу «пойти туда, не знаю куда». В такой ситуации самоанализ невозможен;

б) сохраняется ориентация на *«процесс»*, а не на *«результат»* деятельности.

В аудитории, не ориентированной на достижения и не предъявляющей каких-либо требований к себе и качеству своей деятельности, отсутствие самокритики часто приводит к проявлению синдрома «взаимной лжесимпатии». Данный синдром выражается в следующем: все работают «спустя рукава», т.е. «не хорошо и не плохо», идёт откровенная имитация занятости, но это устраивает всех. При синдроме «взаимной лжесимпатии», если попросить людей проанализировать свою работу или работу других, то они начинают хвалить друг друга, поддерживать, оправдывать. В социальной психологии выделяют такое явление как «фаворитизм»: *свои* всегда *лучше*, даже когда они проиграли («ты был лучший, а то что ты пришёл последним, так это судьбу надо сдать на мыло»).

Как видно из сказанного выше, самокритика – явление очень специфическое, сложное, направленное на самоё себя и в идеале «самым строгим критиком должен быть тот, кто сидит в тебе, а не рядом» (Б. Тойшибеков).

Рассмотрим, *как человек ведёт себя во время критики*. Поведение здесь зависит от того, какую он занимает позицию: критикует или подвергается критике.

Начнём с тех, *кто критикует* (то есть, людей по ту сторону баррикад). Они делятся на следующие типы:

1) *«агрессор»* (жаждущий «крови») – с его подачи даже незначительный проступок будет «раздут» до масштабов всемирной катастрофы. Тратит много усилий на данный род деятельности, считает это своей миссией. Частенько как инквизитор придумывает и апробирует новые «пытки». Универсален, нападает по поводу и без повода, занимается «избиением младенцев», используя изощрённые формы. Его девиз: «Победа любой ценой». Ассоциируется с волком из басни И. А. Крылова «Волк и ягнёнок»: «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать»);

2) *«сценарист-постановщик»* (он же председатель) – ведёт себя незаметно, выполняя роль «свадебного генерала». Управляет ситуацией лёгким движением руки, кивком головы; принимает решения что нужно добавить, изменить и т.д.

по ходу действия: экспрессию (слёзы, крик, драка и проч.), количество участников («...что-то сегодня Иван Иванович молчит. Что Вы скажете по этому поводу?»), факты из серии нарушений («коллеги, Вы, наверное, не знаете, что поступила ещё одна жалоба на работу данного сотрудника») и т.д.

3) «отмалчивающийся» – хочет сказать, но наступает «себе на горло». Позже ему уже нечего сказать, нечего добавить, т.к. уже всё сказано. Как правило, он кивает, поддерживая сказанное другими. Его принципы не позволяют «опускаться» до разборок. Он труслив, робок, застенчив и «военно-полевые» дороги критики не его профиль;

4) «жаждущие» или «зеваки»; к данной категории относятся многочисленные обыватели, невротические личности, получающие удовольствие, радость от происходящих событий. Открыто выражают свою поддержку стороне обвинения и презрение обвиняемому, подбрасывая «поленья» в горнило костра критики, подпитывая энергией нападающую сторону;

5) «адвокат» – приходит на помощь даже тогда, когда его не просят, легко справляется с потоком претензий, обвинений, упрёков, является «палочкой-выручалочкой» для критикуемого, может не только «снять» обвинения даже с самого Дьявола, но и сделать из него «героя»;

6) «донкихоты» (*рыцари*) – люди, готовые с голыми руками идти на помощь страждущим, часто из благородства, но не более того. Нередко их нейтрализуют путём манипуляций, встречных замечаний, высказываемых уже в их адрес;

7) «профессионал» – радеет за дело, готов последовательно отстаивать свою позицию, если это даст возможность изменить ситуацию в лучшую сторону и получить результат. Говорит мало, по сути, ни чьей стороны не придерживается, его Бог – работа;

8) «сочувствующий» – понимает, что это может произойти и с ним, поэтому сопереживает, испытывает боль (физическую/психологическую), но не готов открыто встать на защиту обвиняемого. Часто практикует «микрпомощь»: подать платок стоящему на «голгофе»; невнятно попросить прекращения конфликта; сделать неудачную попытку перевести разговор в другое русло и др.);

9) «Дон Карлионе» или «заказчик» – представитель вышестоящих структур: руководства, администрации, министерства, правительства. Как правило, не присутствует во время разборок, а ждёт сообщения об исполнении заказа. Его цель – создать полную, беспрекословную систему подчинения. Выполняя роль судьи, он принимает решение, кого и как наказать, кого помиловать; часто о его косвенном участие можно лишь догадываться;

10) *«равнодушный»* – он вне ситуации, ему, что называется, «по барабану»;

В «свёрнутом виде» ролевое поведение всех критически настроенных личностей можно свести всего к двум типам:

– *«клинист»*, который нападает, бьёт «ниже пояса», агрессивен, бескомпромиссен, прикрывается благими целями, готов и мать родную вывести «на чистую воду»; получает удовольствие от критики, а сама критика – это способ яркой, адреналиновой жизни, привычка, от которой он не может отказаться ни при каких условиях («Даже когда меня разобьёт паралич, я буду критиковать чужую походку», – Р. Жюль);

– *«оппонент»*, который чётко держит цель, видит достоинства и недостатки, вносит предложения для устранения проблем и получения положительного эффекта, прибыли.

В свою очередь, те, *кого критикуют*, могут выступать в роли:

1) *«виновника»*; таковым может быть худший сотрудник, человек, работающий «из рук вон плохо», а также лучший сотрудник, который слишком хорош, слишком умён, слишком успешен, а, значит, его надо проучить, чтобы не высовывался и жил по принципу «инициатива наказуема» – не лезь, куда не просят (у лучших сотрудников нет никаких недостатков, но есть страшно раздражающие достоинства);

2) *«мальчика/девочки для битья»*; часто это слабые, молодые/старые люди, которые выполняют роль «овцы на заклании»;

3) *«случайного человека»*, т.е. того, кто оказался в ненужном месте, в ненужное время;

4) *«провокатора»*, который сам «вызывает огонь на себя» и получает эйфорию от битвы.

Таким образом, нетрудно понять, что под прицел критики может попасть любой человек: великому критика дана в качестве налога за популярность (Дж. Свифт: «Критика – налог, который великий человек платит публике»), а бездарному – в качестве бонуса за никчемность, несостоятельность (о нём говорят!).

Поведение критикуемых также имеет несколько типов:

1) *психологическая защита*, которая во время критики может быть представлена разными формами: 1) нападением (использованием «контратаки»: «лучшая защита – это нападение»); 2) бегством.

В данном случае нападающие на бессознательном уровне используют защитный механизм «реактивное образование». З. Фрейд под «реактивным образованием» понимал поведение прямо противоположное истинному состоянию

психики: то есть, чем больше я опасаюсь, чем мне страшнее, тем я жёстче и агрессивнее.

Защиту-нападение во время критики можно условно сравнить с наполнением «сосуда» (см. выше: «сито», «напёрсток», «стакан» и «ведро»). Когда сосуд заполнен до краёв, до предела, человек начинает нервничать, сомневаться или «огрызаться». С этого момента концентрация внимания направлена на необходимость оправдать себя, защитить своё доброе имя, снизить чувство угрозы, «снять удавку с шеи».

В самой защите человека наблюдают три последовательные стадии:

– *защита первой стадии* – строится на оправдании себя и обвинении во всём окружающей обстановки: «мне не хватило времени», «я не думал, что это будет так сложно», «мне не дали необходимого оборудования» и др. Критикуемый ищет того, кого можно косвенно обвинить в своей неудаче («инструктор плохо объяснил», «преподаватель не спросил», «руководитель не заплатил», «государство не позаботилось» и др.);

– *защита второй стадии* – основана на нападении на того, кто поставил в неловкую ситуацию, например начальника/тренера/родителя и др. Как правило, прежде чем перейти на второй уровень защиты, предпринимается от трёх до четырёх попыток защиты первой стадии. Типичные варианты защиты второй стадии: «Я же Вам говорил, что не хочу этого делать», «это дурацкое (глупое) задание», «я всего лишь выполнял Ваш приказ», «если Вы такой умный, то сами бы и делали»;

– *защита третьей стадии* – предполагает выбор действия по принципу «борьба или бегство». Если выбор остановлен на «борьбе», то человек фактически нападает на шефа/родителя/недруга. На этой стадии он принял вызов и встал на тропу войны, теперь его девиз: «Победа или поражение». Борьба может быть двух видов: *мягкая* (вербальная перепалка, общие угрозы типа: «Вы у меня ещё попляшете», «я тоже могу показать, где раки зимуют», «Вы тоже не идеальны, и у вас есть скелет в шкафу» и др.) и *жёсткая* (вербальные оскорбления, обстрел «психологическими пулями (камнями)», использование инвективной лексики¹, рукоприкладство). Примером защиты третьей стадии могут быть выборы президента РФ в 2012 г., когда некоторые претенденты на эту должность показали не только «жёсткую» форму критики своих оппонентов, но и позиционировали это как единственную форму «диалога». За время их острых дискуссий у электората создалось

¹ Инвективная лексика – язык ругательств, матерщина.

ощущение, что они реально стерли от злости, агрессии не только зубную эмаль, демонстрируя свои претензии, но и сточили клыки, покусывая друг друга.

Результатом третьей стадии может быть смена сценария, когда «жертва» становится «охотником», а «охотник» – «дичью». Поэтому, если вы не готовы к такому повороту событий, то «не будьте лиха, пока оно спит тихо».

Однако более частым вариантом третьей стадии защиты является «*бегство*», преследующее цель как можно быстрее прекратить критические замечания или вообще любые комментарии. На бессознательном уровне включаются «защитные механизмы»: слёзы, рыдания, «уход в себя», «голосование ногами» с хлопаньем дверью, прятанье глаз, записывание замечаний (сохранившаяся ещё из школьного опыта вера в то, что когда ученик пишет, учитель не будет его трогать; то есть это попытка успокоить критикующего) и проч. Часто для того, чтобы скорее закончить мучения, человек формально соглашается с начальником/родителем и энергично кивает ему в ответ, побуждая говорить быстрее, демонстрирует полную лояльность/покорность, тем самым снижая градус критики («повинную голову и меч не сечёт»).

Следует отметить, что *бегство* может быть и самостоятельным способом психологической защиты: раскритиковали – уволился; накричали – ушёл (ушла), хлопнув дверью; разлюбил(а) – сбежал(а) без объяснения причины и т.д.

Важно помнить, что защита первой, второй и даже третьей стадий – это естественные реакции, возникающие у человека в момент страха потерять лицо перед другими. Если блокировать эту естественную потребность, то возникает реальная опасность психологической травмы¹.

Кроме глухой «психологической защиты», как основной реакции на критику, человек может проявить и *заинтересованность* в критических замечаниях, понимая, что критика – это попытка подтолкнуть его к *самосовершенствованию*. Поэтому всем нам стоит научиться воспринимать её как *подарок*, как *инвестицию в наше дальнейшее развитие*. Сложно это? Да, сложно. Как писал Франклин П. Джонс: «Честную критику выслушивать трудно, особенно от родных, знакомых, друзей и чужих». Однажды и автору статьи пришлось побывать в положении критикуемого. Перед защитой диссертации я нашла оппонента (одного из знаменитых людей в науке по теме моей работы), заплатила за его аналитический труд², а затем в ходе процедуры «разноса», когда каждое третье/четвёртое

¹ Чтобы снять (не допустить) психологическую травму, на одну критику нужно семь эмоциональных (положительных) поглаживаний.

² Как и М. Е. Литвак, считаю, что критика должна оплачиваться (принцип «хвали бесплатно, критикуй за деньги»).

положение работы подвергались критике, сама училась отстаивать свои взгляды. После такого «тактического учения», защита диссертации прошла «как по маслу», подтвердив на практике слова полководца А. В. Суворова: «Тяжело в учении, легко в бою». В такой ситуации человек как кирпич, обжигаясь, становится только крепче.

И, наконец, третья реакция на критику – *индифферентность* (безразличие). Примером может послужить реакция слона на Моську в известной басне И. А. Крылова. Основным психологический механизм индифферентности – привыкание – природный механизм, свойственный всем людям и животным, без которого мы не смогли бы выжить. Действует он следующим образом: количество стимулов, которые мы можем воспринимать в определённый момент, ограничено. Как только какой-либо стимул закрепляется в нашем сознании как *незначимый*, мы переносим внимание на другой, более важный. Но как используется данный механизм в критике? Когда одни и те же критические замечания преподносятся в одной и той же манере одним и тем же человеком, и после них не следует никаких санкций (например, обещали «оборвать уши», выгнать из дома, лишиться наследства, уволить и др., но не сделали), мы перестаём обращать внимание на эти угрозы, замечания, просьбы. Есть два способа избежать привыкания: 1) требовать принять к сведению информацию, но уже в новой интерпретации; 2) выполнять то, что обещали сделать (если не готовы сделать, то не нужно об этом говорить, т.к. все знают, что слово не должно расходиться с делом).

Таким образом, мы рассмотрели три основных реакции на критику: психологическая защита, заинтересованность и индифферентность. Если представить их в иерархическом порядке, то самой значимой и конструктивной следует считать *«заинтересованность»*. Кроме того, именно она соответствует основным *правилам приёма критики*: искать объективность, не извиняться¹, не оправдываться, не спорить, не обижаться, делать записи, а по возможности – благодарить.

Как же нужно критиковать, чтобы ситуация изменилась к лучшему, чтобы обойтись без психологических ожогов и травм? В психологии существует распространённое *правило «трёх К»*: «комплимент – критика – комплимент»². Данная схема прочно вошла в рядовую жизнь наших граждан, «прописалась» в управленческой вертикали и часто выдаётся за универсальный способ подачи

¹ Или руководствоваться правилом «одного извинения» (извиниться один раз и ни в коем случае не больше).

² Эта же система критики известна под названием *«гамбургер»*: булка сверху/снизу – позитив, фарш/котлета в середине – негатив; или «ОКО»: «одобрение – критика – одобрение».

критических замечаний, но как показывает практика и она не идеальна. С нашей точки зрения, правило «трёх К» ассоциативно напоминает действия медсестры, которая говорит пациенту: «Сейчас я буду делать укол в ягодицу, расслабьтесь, пожалуйста, и вы не почувствуете боли». Обычно после этих слов пациент тут же напрягается. Или как афористично выразился К. Ижиковский: «Критик усыпляет хлороформом похвал, а потом оперирует». Действительно, критика, обёрнутая с обеих сторон комплиментами (как «подсластителями»), всё равно воспринимается как сильно перченое блюдо, присыпанное сахарной пудрой, где вкус перца нипочём не перебить. Проводя аналогию, считаем, что правило «трёх К» подобно цитате У. Черчилля о демократии: «Демократия плоха, но ничего лучшего человечество не придумало». Хотя нет. Практическая психология сегодня предлагает делать акцент не на поиске недостатков (виновных), а на открытии новых возможностей.

Возможно, когда-нибудь критика действительно станет «*правильным кровообращением*»¹, но пока в России – это *тромб*, который закупоривает вены, нарушая и без того её проблемное существование, часто вызывает/приближает летальные последствия в общении/управлении, причём как в переносном, так и прямом смысле. Хочется верить, что данная статья станет одним из шагов к цивилизованной критике, а, значит, и к новому уровню взаимоотношений между людьми; станет лекарством от психологического «тромбофлебита».

¹ Островский Н. А.: «Критика – это правильное кровообращение, без неё неизбежны застой и болезненные явления».

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (от редактора).....3

Часть 1. История

Бакшеева Е. Б. Политика Совета по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР В 1943 – 1965 гг.: её особенности и проявления на Дальнем Востоке РСФСР.....9

Попов В. Г. О дате основания Хабаровска (историческая дискуссия).....23

Попов В. Г. Русские и маньчжуры на Амуре: неизвестные факты из истории подписания и ратификации Пекинского договора.....29

Скрабневская Е. С. Хабаровское самоуправление: от старост до городских дум.....38

Часть 2. Философия

Гончарова С. В. «Будущее – это мы ...» или рассуждения студентов о будущем.....52

Конобеев Г. М. Философия в эпоху глобализации и кризиса.....59

Потапчук Е. Ю., Потапчук В. И. Модернизация как социокультурная метафора: проблемы понимания78

Ревич И. М. Культура как мишень контрреволюции.....86

Тесля А. А. Остзейский вопрос в переписке Ю. Ф. Самарина 1846 – 1848 гг.....92

Часть 3. Культурология

Коноплёва Н. А., Карабанова С. Ф. Опыт анализа творческой личности методом культурной типологизации.....103

Костюрина Н. Ю. Молодёжной субкультуры больше нет, или Особенности современного социокультурного пространства г. Комсомольска-на-Амуре.....117

Завалишин А. Ю. Бедная субкультура (мнение социолога).....124

Маликова А. В. Аксиологический аспект восприятия пространства в субкультуре старообрядцев Хабаровского края130

Юдина В. И. Метаморфозы эпистолярного жанра в русской культуре конца XIX – начала XX веков.....135

Часть 4. Социология, политология, психология

Завалишин А. Ю. Социальное меньшинство: объективация через дискурс.....143

Смоляков В.А. Азиатско-Тихоокеанский регион: АТЭС или ТТП? (альтернативные пути экономической интеграции).....159

Тонконог С.В. Занятость населения: экономический и социологический подходы к исследованию.....173

Фёдорова В.Р. Критика как форма обратной связи.....187

Уважаемые коллеги!

Кафедра социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВПО «Хабаровская государственная академия экономики и права» готовит к печати очередной выпуск сборника научных трудов **«DIXI: идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях»**, авторами которого являются, преимущественно, преподаватели, докторанты и аспиранты высших учебных заведений Дальнего Востока России.

Планируемый к изданию в 2013 г. четвёртый выпуск **«DIXI – 2013»**, как и предыдущий, предполагается сделать *межвузовским*. Предлагаем вам принять в нём участие.

Сборник статей издаётся со всеми необходимыми библиографическими данными, включая ББК и ISBN. Размещённые в нём статьи можно включать в списки публикаций при защите кандидатских и докторских диссертаций.

Требования к оформлению статей: объём – не более 1 п.л. (до 40 000 знаков), шрифт Times New Roman, кегль 13, межстрочный интервал 1,3, ссылки постраничные, файл в формате Word 2000 (и выше). К тексту нужно приложить краткую аннотацию (3 – 4 предложения), а также сведения об авторе: ФИО, учёная степень, учёное звание, место работы, должность, электронный адрес, контактный телефон. Редколлегия сборника оставляет за собой право отклонять статьи, не соответствующие его тематике или имеющие невысокий научный уровень.

Для авторов, не являющихся членами коллектива ХГАЭП, *публикация платная*. Примерная стоимость 1 страницы текста по ценам на сентябрь 2012 г. – 100 руб. Оплата публикации будет производиться *после утверждения сборника в печать и калькуляции стоимости издания* (не ранее июня 2013 г.).

Просьба присылать статьи в электронном виде по адресу native59@rambler.ru или cgn@ael.ru с пометкой «В сборник статей DIXI».

Дополнительную информацию по сборнику можно получить на страничке кафедры СГН на сайте ХГАЭП www.ael.ru. Тел. для справок: 22-49-16 (кафедра социально-гуманитарных наук ХГАЭП).

Срок предоставления статей – до 1 апреля 2013 г.

Научное издание

DIXI – 2012

идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях

Сборник научных трудов

Выпуск 3

Под научной редакцией

д-ра социолог. наук А. Ю. Завалишина

В дизайне обложки использована репродукция картины Сальватора Дали
«Геополитический младенец, наблюдающий рождение нового человека»

Тексты статей печатаются в редакции авторов

Подписано к печати __.06.2012 г. Формат 60x84/16. Бумага писчая.
Печать офсетная. Усл. п.л. 12,6. Уч.-изд. л. 9,0. Тираж 700 экз. Заказ № ____

680042, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 134, ХГАЭП, РИЦ